

Александр Шварцбург

Прощай, Урания!

К читателю

Повесть А.Б. Шварцбурга «Прощай, Урания!» – не мемуары: все герои здесь – собирательные, но все эпизоды – подлинные. Герои повести входили в жизнь в шестидесятые – семидесятые годы прошлого века. Увлечённые легендой американского Манхаттанского проекта, они верили, что наука сделает их жизнь яркой и укроет от скуки советской действительности. Книга воскрешает реалии того времени, которые были жизнью миллионов людей и которые теперь почти забыты. В погоне за своей «синей птицей» – физикой герои книги пробивались из далёкой провинции через все барьеры, научные и ненаучные, в Москву, в Академию наук. Пробившись, они увидели не только саму волшебную «птицу», но и весь «птичий двор»...

Мир открылся героям повести во второй половине их жизни, после развала СССР. Проходя «перековку» на далёких меридианах, от Сиднея до Сан-Франциско, они пытаются остаться в науке и видят, что новые горизонты не безоблачны, но они – новые...

0. «Он сделал этот Кембридж!»

– Хотите работать в Америке? спросил у Игоря, московского физика, председатель симпозиума связистов в закрытом учебном центре пилотов в Техасе. Игорь, единственный иностранец из сотни участников, приглашённый «гвоздь программы», только что рассказал свою новую работу. Недавно он выиграл американский грант «Окно в Науку»; влетев через это «окно» в Техас накануне вечером, он до рассвета рисовал фломастерами картинки для доклада. К утру цветистые графики стали расползаться, теряя предначертанную стройность, но переделывать было некогда, и докладчик уговаривал себя: – Ничего, круче будет: асимметрия – символ современности!

Получилось, действительно, «круто». Местные коллеги потихоньку пакостничали, пытаясь передвинуть выступление гостя на непрестижное время – после обеда, когда начальство задерживается. Были среди них и старые знакомые, в прошлой жизни – сов. учёные; на новом месте они резво сменили «чувство локтя» на «чувство когтя». Гость не удивлялся: – Закрытый центр, «почтовый ящик», – всё, как дома; каждый охраняет свой маленький садик, только платят побольше! На второй день всё устроилось, научные боссы выслушали доклад, а главный, председатель, кивнув в сторону Игоря, оценил новинку рубленой генеральской фразой. В вольном переводе с генеральского английского на обиходный московский оценка звучала как овация: – Он сделал этот Кембридж! Такая реплика, похоже, ставила крест на привычном решении проблемы, давно предложенном его группой из Кембриджа. Первый советник босса, его «второе я», сидел тут же,

улыбался половинкой лица, другая половинка была недовольна. Молчал, Янус техасский, – у него все места давно проданы, пешки на доске расставлены, слоны назначены, а тут босс вдруг чужака какого-то тащит, залётку заморскую...

После доклада отпаивались ледяным соком на открытой террасе авиаклуба, а мираж ширился: возле террасы – скоростная автострада навевала, как в кино, ритмы погони; с другой стороны автострады – испанский монастырь – крепость, форт первых конкистадоров, на гранитных глыбах – распятие, рядом, в бойницах – старинные бомбарды, вдоль стен – высокие мексиканские агавы, зной, тишина... и вопрос: – Хотите работать в Америке?

Имитируя раздумье, – приятно продлить триумф! – Игорь сделал движение рукой в сторону стаканчика с соком. Стаканчик был пуст, но сосед, толстый майор, услужливо метнулся в бар, и перед гостем возникла фирменная чашка, тёмно-синяя, как Гжель, с рисунками-символами – спутник, радар и искусственный кристалл.

...Когда-то Игорь читал, что Амундсен, пролетая впервые на дирижабле над Северным полюсом, смахнул слезу, – эта минута была его многолетней целью, пиком жизни. Игорю плакать не хотелось, было радостно, но непонятно: это признание – приглашение и есть его главная удача, гонг судьбы?

«Окно в Науку» распахнулось, согласно визе, на неделю. Неделя промелькнула, мираж остался.

– Я буду хорошим игроком Вашей команды, – искренне пообещал Игорь, возвращаясь домой, за океан, – ждать и надеяться. Горбоносый «Боинг», круто взмыв, начал восьмичасовой бросок Вашингтон-Москва. От гостя ничего уже не зависело; все карты держали босс и его стая – белое и чёрное, «да» и «нет»... Чтобы не гадать, как карта ляжет, Игорь дремал, вспоминая над Атлантикой свои приключения, вспоминал по-английски, вживаясь в будущую роль. Историй накопилось немало – сорок лет жизни отделяли мальчика из советской глубинки от «гостевого профессора» на элитной встрече в Америке. Сорок лет пронесли в полусне за восемь часов полёта – по пятилетке в час...

1. «Профессор кислых щей»

На улице еще темно, седьмой час утра, а Игорь собирается в школу. Он учится в четвертом классе в первую смену – идет третья послевоенная зима, школа переполнена, есть и вторая смена, и третья. Мать с вечера порванный носок заштопала толстой шерстяной ниткой, выстирала белый подворотничок и приметала его к клетчатой куртке – года два как досталась отцу на работе из американской помощи; куртка ветхая, рукава протерлись, а перелицевали – и опять, как новая; зато штаны не мнутся, не трутся, сшиты из «чертовой кожи» – крепкая дерюга. Игорь, школьник прилежный, сам приготовил чернила: настрогал чернильный карандаш, порошок развел кипятком, залил в чернилку-непроливашку, чернилку – в мешочек, мешочек привязан к ранцу. Хорошо бы вместо ранца носить планшет офицерский кожаный, как у их пионервожатого из восьмого класса;

такой можно поискать на толкучке, но мать не соглашается: и дорого, и все равно его старшеклассники отнимут.

Семь часов – пора выходить. Игорь учится в мужской школе (у девчонок школа отдельная). Идти можно спокойно: утром никто не пристаёт, не задирается – пацаны еще полусонные. Дорога короткая: вот городская баня, рядом стадион с парашютной вышкой, вот «ремеслуха» – ремесленное училище, а вот и школа. Город Медногорск, где живет Игорь, новый, за войну быстро вырос при заводе; почти все школы-семилетки, а эта – «девятая средняя школа имени Героя Советского Союза П. Бабышева». Дверь откроешь – у входа старшеклассники дежурят, человек пять, проверяют, что пострижен наголо; чубчик разрешается только с восьмого класса. Сегодня с ними еще и завуч – ох, и вредная тётка, правильно ее зовут «баба-гром», тоже у входа стоит, смотрит грозно; как увидит нестриженого – сразу в крик:

– Все ученики, как ученики, а ты что – особая личность? Марш в парикмахерскую! За ними на колонне большой плакат, буквы крупные, очкарикам – и то видно: «Перед нами стоит крепость. Эта крепость называется наукой. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. И. СТАЛИН». Справа раздевалка, слева на стене в рамках – списки выпускников прошлых лет, а над списками – фотографии в два ряда, и не всех, а только медалистов: сверху – золотые медалисты, пониже – серебряные. Порядок!

Раздевалка сегодня почему-то закрыта, Клавка, уборщица, кричит: «С пальтами проходите!» и Игорь шагает на второй этаж в свой четвертый «а». В классе сорок три человека, четверо второгодников, а Евдак (Евдокимов) – третьегодник. Евдаку четырнадцать лет, у него уже пробиваются усы. На уроках Евдак шкодничает – то колет соседей пером, то осколком зеркала пускает зайчиков, а то перемигнется с другими двоечниками и кричат хором «Ачи, рачи, хрящ!», как будто чихнули вместе. Сегодня его нет, так что, может, день пройдет тихо. Хороших учеников рассаживают с отстающими, чтобы те равнялись на «хорошистов», тем более – на отличников. Игорь – отличник, а сосед по парте – двоечник Кузьмичев («Кузьмич»); до звонка еще несколько минут, и Кузьмич быстро переписывает у Игоря домашнее задание по арифметике. Евдак, Кузьмич – почти у всех в классе клички, а у Игоря фамилия – как кличка: Стекольщик, Игорь Стекольщик; иногда его зовут «стеклянный».

А вот и звонок, первые два урока – русский язык. Учительница Вера Петровна, «Верушка», маленькая, сухонькая, строгая, раздает тетрадки с домашней работой. Задано было написать рассказ на тему «Самый замечательный случай в моей жизни». Игорь сначала не знал, какой случай выбрать, однако, чувствуя, за что похвалят, написал, как его принимали в пионеры, и вот – дневник украсился пятеркой. «Кус» (Только Кусов) написал, как ездил с родителями к бабушке на Украину через Москву и видел Кремль; за это тоже поставили пять. Хорошо Кусу: про эту поездку он и на пионерском сборе рассказывал, и в стенгазету «За учебу» писал. Но не у всех жизнь такая интересная; вот тихому Антону («Тоне-тихоне») за его рассказ «Как кот с подушкой вывалился из окна» трешку поставили, сказали, что случай не важный, а каллиграфия плохая. Каллиграфия – это чистописание; чистописанием занимались в первом классе, но Верушка до сих пор

требует буквы выводить: «линия вниз – толстая, с нажимом, вверх – тонкая, волосяная. Написал – и промокни; промокашка где?»»

Второй урок – классная работа, Верушка объясняет, как слова переносить: разбить на слоги, переносить по слогам; есть и особое исключение – «Имена "Ленин" и "Сталин" не переносятся!»

Отвернувшись от класса, Верушка на доске разделяет слова на слоги, все записывают в тетрадки, Кузьмич, достав рогатку, целится Кусу в макушку.

После второго урока – большая перемена, двадцать минут, трудное время: классные комнаты проветривают, а учеников выгоняют в коридор. Вот тут начинается: четвертый «а» против четвертого «б»; «ашники» сбиваются в свою кучу, «бэшники» – в свою, вытягиваются вдоль стены в линию и друг на друга жмут – кого из кучи вытолкнут; пыхтят, будто канат перетягивают, только там в разные стороны тянут, а здесь – в одну толкают. Возле класса кого-нибудь за руки, за ноги раскачивают – в «чугунную жопу» играют. В уборной курят: отрывают от газеты «Медногорский рабочий» бумажные полоски, насыпают туда махорку и склеивают самокрутки слюной. Сейчас такие полоски есть только у «курцов», а в прошлом году «Медногорский рабочий» приносили все: бумаги не хватало, тетрадки выдавали по четыре штуки на весь учебный год, и черновики писали на газетных полях. «Вся бумага идет Ворошилову на приказы» – объясняла «баба – гром».

Кто курит, а кто, самокрутка в зубах, еще и в «жестку» играет; жестка – это кусок свинца, как большая пуговица, а к ней провололочкой прикручен клочок меха. Свинца на свалке полно, а мех достать трудно, иногда его в раздевалке из какого-нибудь воротника вырезают. «Жестку» подбрасывают ногой, чтоб на пол не падала. Говорят, в седьмом «а» есть такой силач, что без остановки, то правой, то левой ногой, раз семьсот набивает. Игорю это неинтересно, и он потихоньку выбирается из коридора на первый этаж. Там тихо, классов нет, есть только спортзал и пионерская комната. Эта комната обычно закрыта; на плакате у дверей нарисованы красный галстук, горн и барабан и написано непонятно «Пионерская символика и атрибутика» – никто и слов таких не знает! Другая надпись тоже непонятная: «Пионер – всем ребятам пример»; «Кому это "всем" – разве что октябрятам-первоклашкам, – удивляется Игорь – у нас в классе все пионеры, даже второгодники».

После перемены – география. Игорь любит читать про путешествия, представляет себя то на каравелле с Магелланом, то с папанинцами на Северном полюсе, далеко-далеко от школы. Верушка говорит, что Игорь – «начитанный». Правда, география на уроке совсем другая: Верушка показывает на карте, где границы СССР, где Москва, где Медногорск. Жаль, что пограничную полосу на карте не видно: в классе многие хотят быть пограничниками, шпионов ловить. Вот и в «Пионерской Правде» недавно рассказ был про пионерку Таню. Она жила в большой квартире с соседями. Однажды почтальон бросил в почтовый ящик письмо. Девочка посмотрела – письмо соседу, а на конверте – иностранная марка. Таня отнесла письмо милиционеру, и так и оказалось, что сосед – иностранный шпион.

Вдруг с улицы доносится медленная музыка – похоронный марш.

Возле школы проходит дорога на кладбище. Вот и сейчас из окна видно, как по дороге медленно ползёт грузовик-трехтонка, на кузове – черные полосы, задний борт опущен, за грузовиком идет духовой оркестр. В классе переглядываются – понимают, почему Евдака нет: он в оркестре на трубе играет. Покойников называют «жмуриками», и завтра Евдак будет весело рассказывать, как «жмура тянули».

После географии – арифметика, так, тянучка скучная, зато последний урок поинтереснее – внеклассное чтение; Верушка вслух читает книжки, которые положено знать школьникам, но они не знают: у одних книжек этих нет, другие читать не привыкли. В прошлом году читали «Сын полка» и «Васек Трубачев и его товарищи», а теперь читают то про Володю Ульянова, как он учился хорошо, то про Павлика Морозова – как он отца-вредителя разоблачил. Павлику, говорят, в Москве даже памятник поставили, но Москва далеко, а здесь порядки другие. В классе тоже есть доносчики – Котямов бегаёт потихоньку в учительскую, шепчет, кто курит, кто списывает, кто кол в дневнике на четверку переделал. Дразнят его «Кот-сиксот» (наверное, слышали, как взрослые шепотом говорили про кого-то «сек.сот» – секретный сотрудник, значит, из милиции, все его боятся). Когда не знают точно, кто донес, Котямову на перемене делают «темную» – накидывают сзади пальто на голову и лупят.

На прошлой неделе вместо внеклассного чтения был «классный час». Кто-то из рогатки разбил лампочку, пришла завуч, каждого по очереди спрашивала, кто разбил, но никто ничего не видел. Весь класс вывели после уроков в коридор – стоять вдоль стенки, пока кто-нибудь сам сознается, или другие скажут. Все молчали, время шло. – «Сами себя задерживаете», – мрачно объявляла «баба-гром», листая классный журнал. Подошел директор и ткнул пальцем в Кузьмича:

– Это ты разбил! У тебя рогатку видели!

– Чо я делаю? Я ничо не делаю! – привычно затянул Кузьмич; его оставили, остальных отпустили. Зато сегодня, наконец, Верушка начала читать интересную книжку – «Тимур и его команда».

После уроков Игорь возвращается длинным кружным путем мимо кинотеатра – вроде бы узнать, что в кино идет, а на самом деле, чтобы огольцов не встретить. Огольцы – это двоечники, шпана малолетняя, в школу не ходят, а других ребят задирают, особенно примерных: то дразнят хором, то шапку на дерево закинут – лезь за ней! Шпана эта крутится без дела целый день на улице у своих домов. Улицы строились в войну, названий у них долго не было. Дома – и пяти- и десятиэтажные стоят вперемешку, зато каждый дом называется по своему: есть и «Первый Северный», и «Третий Центральный». Больших домов в городе немного, а вдоль заводского забора тянутся длинные бараки; про такие места говорят «участки» – «второй участок», «пятый участок». Огольцы из больших домов то воюют друг с другом, то вместе ходят драться с пятым участком, а драка – так уж драка: у кого свинчатка, у кого матросский ремень с тяжелой пряжкой, а у кого – перочинный ножик – «пёрышко» или бритва – «гольё». Вдали от бараков – улица «Дубки»,

там живет начальство, «шишки». Трамваем туда ехать далеко, а им и не надо: у них машины, у кого «Эмка», а у кого и «Победа».

Игорь живет в «Третьем Южном»; слева от дома – мужское общежитие «ремеслухи», справа – женское. Когда ремесленники идут «к девчатам», дозорные у окон кричат: «Любка! Верка! Ухажеры идут!» Дом уже близко, вот и вывеска на углу, «Индпошив», там одежду шьют, индивидуально, но не всем, а тем, кому на работе талон дали. Игорь сворачивает за угол – и на тебе! – у подъезда огольцы околачиваются, человек шесть, камнями в телеграфный столб кидают. Главный тут – Шурка Огурцов, «Шурец-огурец», лоб здоровый, на голове кепочка-восьмиклинка козырьком назад, совсем как бескозырка у матросов. Шуркина мать, швея-надомница, делает такие из обрезков и продает на базаре. Шурец школу бросил и осенью пойдет в «ремеслуху». Проскользнуть мимо не удастся – пацанам скучно.

– А, профессор! Профессор кислых щей! – радостно начинает Шурка. – Скажи «жопа»!

Игорь покорно бормочет.

– Громче повтори!

– А скажи «х...»!

Это Игорю выговорить стыдно – как будто мама услышит. Но Шурец сегодня в хорошем настроении, он говорит:

– Ладно, расскажи приключения! – и Игорь пересказывает «Из пушки на Луну». Эту книгу никто не читал, и Игорь рассказывает, растягивая и добавляя от себя и про запас воды, и про большую пушку, и про то, что на Луне прыгать легче, чем на Земле. Пацаны сказки любят и слушают все, даже Стас-лоботряс, который недавно «честное пионерское» давал, что сам видел, как «на Луне показался всадник».

Поговорив минут двадцать и пообещав в следующий раз рассказать ещё, Игорь попадает, наконец, домой. Теперь можно поесть, яичницу поджарить: мать на работе раз в месяц получает паек, а иногда дают еще УДП – «усиленный дополнительный паёк», как говорят соседи – «умрешь днем позже». Этой еды хватает на неделю, хорошо, что в остальное время есть картошка. Иногда из картошки, морковки и лука мать делает что-то вкусное, называется «фальшивое жаркое», ешь – и как будто мясом пахнет. Но сегодня на столе в банках остался ещё американский яичный порошок (на рынке обменяли на махорку из пайка) и масло топленое, жёлто-серое, зато долго хранится прямо на столе, а сливочное, хоть и в холодной воде его держать, хоть и воду каждый день менять – всё равно портится. Холодильник Игорь видел только у Куса, так у него, говорят, отец – в Горторге начальник.

Игорь с родителями приехал в Медногорск в начале войны. Про таких говорили «эвакуированные», а в городе их называли «выковырянные». Отец Игоря недавно умер,

мать с утра до вечера на работе. Она боится, чтобы ребёнок, безотцовщина, не слонялся по улицам и не «попал в шайку», поэтому ему находят занятия и после уроков. Второй год приходит учительница английского языка, Женя; ей лет восемнадцать, она студентка, и фамилия для таких уроков подходящая – Женя Лондон. Чтобы запомнить побольше английских слов, Женя задает заучивать известные песни, но на английском, вот эту, например, «Капитан, капитан, улыбнитесь...» (из кино «Дети капитана Гранта», все смотрели). Недавно в классе Верушка спрашивала, кто какие песни знает, а Игорю похвалиться захотелось, вот он и запел по-английски. В классе затопали ногами, закричали: «Фриц! Фриц!»; продолжать пришлось по-русски: «Ведь улыбка – это флаг корабля!» Однако, сегодня, только начали урок, прибежала Ленка, соседка, кричит:

– В магазине у бани муку дают! Три кило в руки! По второму талону!

Уроку – конец, схватив талон, Игорь мчится к магазину; там во дворе, возле двери, клубится очередь. Муку еще не дают, а очередь уже гудит и волнуется: сначала разделяется на две очереди – мужскую и женскую, потом из разных мест несется то крик: «Стояла! Не стояла!», то тревожный шепот: «Всем не хватит! Велели больше не занимать!»; начинают пересчитываться, свои номера чернильным карандашом на ладони пишут. Стоят плотно, к Игорю прижали тётку в фуфайке и валенках с галошами, сам он дышит кому-то в затылок, в кармане сжимает талон и красную тридцатку с портретом Ленина...

В таких очередях – то за мылом, то за керосином – Игорь стоял часто, но сегодня очередь была особенно нервная, многие шептались: – Хлеб дороже будет...

– Деньги другие будут...

– Надо все в сберкассу класть...

– У нас сосед на все деньги вперед за квартиру заплатил...

– Уже видели тридцатки новые, со Сталиным...

Дверь в магазин закрылась, когда Игорь был на полпути от двери, сказали – приходите завтра с утра. На следующий день повезло больше – часа через три и его очередь подошла. В школе он не был, но видел – за мукой во время уроков стояли с утра даже учителя, историчка и Верушка; так что, может, обойдется, и прогул в дневник не запишут.

2. О чём детям знать рано

Сегодня воскресенье, день без школы! Ещё просыпаясь, Игорь думает, как день провести. Надо бы к Димке из их класса сходить, марки-двойняшки поменять. Димка собирает любые марки, а Игорь – только военные. У него для обмена довоенная марка есть, ещё сорокового года, серия «Освобождение братских народов»: советский солдат с ребёнком на руках на Западной Украине. Димка согласен отдать за неё зеленую

«Маршальскую Звезду» и еще одну, трофейную: немецкий мальчик с барабаном и девочка с книгой, оба в пилотках и галстуках, салютуют флагу со свастикой. Чтобы марки не украли, Димка клеит их в самодельную тетрадку из обёрточной бумаги.

Есть и другое дело, тоже интересное – скоро будет солнечное затмение, надо кусочек стекла закоптить, чтобы на Солнце смотреть.

Про планеты Игорю интересно всё – сколько их, откуда взялись, чем от звёзд отличаются. Спросить об этом в Медногорске некого; хоть и живет Игорь в доме для работников Института, да работникам не до того. Вот Николай Павлович, инженер с первого этажа, его уважают – серьёзный; говорят, ему даже разрешили читать в библиотеке иностранные журналы по технике, а это заслужить надо! Когда заговорили про солнечное затмение, Игорь дождался Николая Павловича на крыльце дома и спросил вежливо: «Вы не знаете, как возникло Солнце?»

– Солнце существовало вечно, – коротко бросил инженер.

– Вечно? Миллион лет? Тысячу миллионов? – Игорь чуть не плакал, не мог вместить в себя это «вечно». – Со взрослыми что говорить, они всё равно не отвечают. Вот недавно в школе шептались, что на заводе авария была – ковш с расплавленным металлом опрокинулся, и вся смена в цехе погибла. Хоронили потихоньку, без оркестра, и в газете про это ничего не было. Игорь спросил у матери, та, молча, кивнула, но сказала: – Детям об этом знать не надо.

– Про Солнце книги пишут, хоть оно и далеко, а про то, что рядом, и спросить нельзя?

– Тебе рано об этом знать. Читай лучше книги хорошие – что может быть прекраснее Пушкина! Мать, бывшая гимназистка, действительно, в это верит. В библиотеке нет стихов Есенина, так она по памяти от руки переписала для Игоря есенинское «Письмо к Матери». Нет в библиотеке книг и о том, как дети рождаются. Пацаны в школе, когда говорят про это, подмигивают, улыбаются, но слова все у них похабные, какие на заборе пишут, и Игорю не верится, чтобы его мама и папа могли заниматься этим. Соседка с третьего этажа, Станислава Борисовна, тоже повторяет: – Детям надо говорить только хорошее, плохое они сами узнают, когда вырастут.

Станислава Борисовна давно работает в Институте, преподает предмет с длинным названием «Основы Марксизма-Ленинизма». Она не замужем, живет одна и часто рассказывает соседским детям про ДнепрогЭС, про Перекоп, про шахтера Стаханова и рабочих-стахановцев, а любой рассказ заканчивает одинаково: «Для Вас главное – учиться, учиться и учиться!». Для нее самое плохое в жизни – это ленивые студенты. Она не может забыть студента, который на экзамене ошибся и сказал, что в Гражданскую войну было четыре похода Антанты: «Но их было три. Три! Как можно это не знать!»

Вне своего предмета она знает немного: когда Игорь говорил ей о подводном плавании капитана Немо, Станислава Борисовна уточняла: – А кит может съесть

подводную лодку? – Марки завтра поменяю – наконец решает Игорь – а, сегодня, лучше к Пешке сходить. Он планет не знает, марки не собирает, зато с ним интересно по улице погулять. Мать дала пятьдесят копеек – можно на базар сходить, конфет купить: красный петушок на палочке семь копеек стоит, тётки на базаре сами их делают из жжёного сахара.

Пашкина семья – тоже «выковырянные», из Полтавы, – живет в бараке на Ежовке. Игорь вначале думал, что там ежей ловили, а потом Паша вполголоса объяснил: – Тут ещё до войны жили эти, которых Ежов прислал, ну, работяги сосланные, завод строили. Игорь понял, что и «Ежов» – это что-то страшное и запретное, о чём тоже не говорят.

Барак одноэтажный,ходишь с улицы в длинный коридор, а там слева шесть комнат, справа – четыре, и кухня – одна на всех. На кухне у каждого своя тумбочка и плитка; тумбочки запираются, у кастрюль на крышках – тоже маленькие замочки: попробуй кто в чужую кастрюлю заглянуть – побить могут. В воровстве всегда подозревают Фильку-пьянь; и он, и жена его – оба коновозчики. При заводе есть такой цех – конный двор, легкие грузы на телегах возят. Работают там одни женщины, а Филька у них бригадир. От него всегда пахнет «бражкой»; самодельную брагу из пшена и сахара – это заменитель сахара – пьют вместо водки. Пашкин отец, аптекарь, называет кухню в бараке «коммунальный пищеблок». Когда там начинается ссора, он бормочет невесело, но складно:

«Коммунальный пищеблок

Есть источник многих склок»

Мать Пашки, буфетчица в столовой на заводе, к таким ссорам относится спокойно:

– Попало – и правильно, нечего по чужим тумбочкам шарить! Еще до войны, когда в Полтаве жили, тоже в коммуналке, так и тогда кастрюли запирали, хоть и не голодали! Даже когда яичницу ели, так скорлупу давили и в мусор кучкой клали, чтобы соседи не считали, сколько кто яиц съел.

Игоря она жалеет, учит мягким полтавским говорком:

– Ты сиротинка, хлопчик книжный, жить не умеешь, что почём – не знаешь. По улице ходи сторожко, коли тебя кто что спросит – кажи «нет».

Узнав, что Игорь собирается на базар, она тоже дает сыну полтинник, и ребята идут вместе. Недавно по репродуктору объявили, что с завтрашнего дня отменяются продуктовые карточки; мать Игоря даже не успела последний талон на «мясо и мясопродукты» отоварить, так он и остался на память. Деньги тоже поменяли, а кто сторублевки в кубышке копил – тот и прогорел: рубль на рубль меняли только до трех тысяч, а выше – за старый червонец давали один новый рубль. Мелочь не менялась, так что некоторые не зря пятаки собирали. У ребят – полтинники, по старому – пять рублей, хватит и на петушка, и на газировку с сиропом.

Пашка хоть и не оголец, но на улице с ним легко. Вот идет навстречу Гавря, силач из их класса; поравнялся с ребятами, замахнулся, будто ударить хочет, и пугает понарошку:

Стой! Режиком заножу! Пашка тоже руку подымает, будто прикрывается, но не ударяет, а макушку чешет – видно, что свои встретились. Проходят мимо бани, а там в буфете у входа очередь волнуется, ждут, что бутерброды с колбасой подвезут.

– Ишь, собрались с утра, токари по хлебу, – веселится Пашка – «стакановцы» наши! – складно говорит, видно, у отца научился.

Сегодня воскресенье, на базаре, наверное, полгорода. У входа цыганки на картах гадают:

– Тридцать шесть картей, четырёх мастей, скажите, расскажите всю правду про ... – как тебя зовут-то?

Тут же точильщик со станком, ногой педаль качает, лезвие точит, «вжик – вжик!», искры летят. Рядом – барахолка; тетки-перекупщицы, на руках брюки намотаны, на шее – полотенца, всех спрашивают:

– Мужское есть? Нету? А бельевое?

Мужское – это фуфайки, кальсоны, гимнастерки; бельевое – всё, на чем спят и в чем спят. Свой товар тетки нахваливают:

– Пиджачок хороший! тёмный, ноский, – и тебе личит! – значит, к лицу идет.

Ходить по барахолке – глаза разбегаются. Вот стиральная доска, вот мыльница и помазок для бритья, а вот и грибок деревянный круглый – дырки на носках штопать. Есть и блузки из парашютного шелка, спереди цветы гладью вышиты; из обрезков блузок платочки делают, края синей ниткой обметаны, в уголке якорь вышит – подарок на память. Кто хочет на память фото подарить – можно рамку купить, а на рамке стихи написаны:

Если встретиться нам не придется –

Значит, наша судьба такова.

Пусть с тобой навсегда остается

Неподвижная личность моя.

Дома у Игоря давно не осталось ни «мужского», ни «бельевого» – все это давно обменяли в колхозе на еду. Время от времени «институтским» давали грузовик, они набивались в кузов и ехали часа три в какую-нибудь деревню «менять»: денег колхозники не брали, но за брюки или мыло можно было получить окатыш сливочного масла. В

городе на базаре тоже есть обмен без денег: за барахолкой в овраге стоит небольшой домик, на окнах решетки, называется «Сибзолото». Там за золотое кольцо или серьги дают то, что многие давно не видели, – масло, сахар или макароны.

Вечером Игорь идёт на именины к Ленке. Ленкин отец работает в Институте, мать – медсестра. Станислава Борисовна с третьего этажа часто удивляется вслух:

– И что он в ней нашёл? Без высшего образования, не член партии...

Игорь несет подарок – книжку, басни Крылова, на странице за обложкой написано, как полагается: «Дорогой Лене от Игоря на долгую память в день рождения». Сначала на именинах – домашний концерт: один выучил «Песнь о вещем Олеге», но только начало, две девочки хором читали стихи Симонова «Сын артиллериста», Игорь, намотав полотенце на голову, как чалму, изображал факира, угадывал числа. Драчливый Шурка номер не приготовил, вызывал всех на «петушиный бой»: прижав руки к груди и прыгая на одной ноге, «петухи» насакивали друг на друга. Потом всем дали чай, пирог из сгущенки и ореховое варенье, чуть горьковатое, с мягкими косточками; Станислава Борисовна произнесла негромко и как-то торжественно: – Любимое варенье Светланы Сталиной... Ленкин отец принес невиданный жёлтый фрукт – лимон, потом сказали, что достал в «Сибзолоте». Тонкой бритвой лимон разрезали на четырнадцать долек – столько было гостей – и каждому дали по дольке. Завели патефон, принесли пластинки – «Катюша», «Синий платочек». Ленкина мать взмахнула рукой:

– Споём сами, все вместе!

Дети смущались – кто помнит «Эй, вратарь, готовься к бою», но только первую строчку, по репродуктору пели, кто в кино слышал «Три танкиста, три веселых друга», но только припев запомнил. Хозяйка подбодряла:

– Ну, какую все знают?

Дети помолчали, откашлялись, и вдруг нестройно затянули:

Шаланды, полные кефали

В Одессу Костя привозил...

Этой песне нигде не учили, но слова знали все. Родители гостей переглядывались удивлённо – наверное, петь эту песню детям тоже было рано.

3. «Пионерским звонким маршем»

Кончился учебный год, наступил июнь; пора всем в пионерлагерь ехать. Мать принесла путевку – «...срок заезда – четыре недели, с собой иметь мыло, зубной порошок, тазик и тряпку для ног». Ехать недалеко, километров пятьдесят; лагерь – десяток барачков на поляне в лесу, в каждом бараке по две палаты, в каждой палате – один пионерский

отряд, сорок коек; отдельный барак – столовая, рядом – озеро. Игорь в лагере не первый раз, знает заранее все, что будет.

Как приедут – разместятся в палате, потом обед, «мёртвый час», а после – сбор отряда, будут выбирать «председателя совета отряда» и звеньевых. А вот и новость – старший пионервожатый Володя, взрослый уже, в девятый класс перешёл, объясняет, что теперь главный в отряде называется не «председатель», а «начальник штаба отряда». А как его выбрать, когда все из разных школ, друг друга не знают? Ничего, вожатый подскажет, кого выбрать. У Игоря в отряде знакомый оказался: Шурец-оголец, тоже приехал, лучше бы его не было! Есть и воспитательница, она и в прошлом году была, утром и после «мёртвого часа» проверяла, как койки заправлены:

– Все подушки – ровненько, пирамидкой, все одеяла – в линию!

Что значит – не получается? А как ты в армии красноармейцем будешь? Перестилай, давай! Не умеешь – научим, не хочешь – заставим!

На следующий день после зарядки и завтрака отряд пойдет «делать линейку». Посреди лагеря есть квадратная площадка с мачтой и красным флагом; по краям площадки-дорожки; это – «линейка». На дорожках каждый день, утром и вечером, выстраиваются все отряды. Возле мачты стоят начальник лагеря и старший вожатый, невдалеке маячит бессменный завхоз, коротыш пузатый, щёки со спины видно, у него и кличка подходящая – «Сыр Колбасович». «Начальники штабов» по очереди командуют «Отряд – смирно!», маршируют к мачте и рапортуют старшему вожатому, потом тот – начальнику лагеря. После всех рапортов начальник командует «Флаг поднять!» или «Флаг спустить!». Баянист, инвалид, без ноги, играет песни – утром всегда «Пионерский марш»:

«Пионерским звонким маршем

В нашем солнечном краю

Мы идем на помощь старшим

Строить Родину свою».

вечером – «Марш Энтузиастов»:

«...Здравствуй, Страна Героев,

Страна Мечтателей, Страна Ученых!»

и отряды строем шагают вокруг мачты – линейка окончена.

«Делать линейку» значит уравнивать дорожки от краев площадки к мачте, посыпать их песком, обложить по краям красными кирпичиками, а из осколков этих кирпичей выложить что-нибудь красивое – Кремль со звездой, самолет или еще один красный флаг,

а рядом из белых камушков надпись, например, «Миру – мир!». Сегодня дорожки выровняли быстро, теперь выкладывают самолеты, на крыльях – звёздочки. Жарко, тени на поляне нет, все спрашивают: – Когда купаться пойдём? Пионервожатый строг: – Как закончим, так и пойдём. Сами себя задерживаете!

Если кто-то долго стоит, разогнувшись, вожатый окликает;

– Все работают, а ты что – особая личность?

«Интересно – молча, удивляется Игорь – вожатый сам еще только в школе учится, а уже командует, как «баба-гром». Линейка, наконец, готова, и можно идти на озеро. По лагерю шагают строем, а за ограду вышли – бегом. На берегу сразу видно, кто не умеет плавать, – Мося Штипельман: все раздеваются, водой брызгаются, а он – в сторонку, за кусты. Мося сутулый, лицо белое, глаза огромные, живет в бараке на пятом участке, по-русски говорит плохо – их семья перед войной приехала из Польши («от фрицев бежали», уточняли соседи).

Володя, вожатый, всех на берегу выстроил, предупредил: – Кто далеко заплывет – больше на озеро не пойдет! потом объявил: – Будем сдавать нормы БГТО – «Будь Готов к Труд и Обороне!» Про БГТО многие слыхали – это физкультура такая, там есть и гимнастика, и прыжки, и плавание. Но БГТО – так, для начинающих, а сам Володя – значкист ГТО («Готов к Труд и Обороне» – уже готов, это потруднее, чем просто «будь готов!»); он ещё и другой значок носит – разряд по легкой атлетике, красивый такой, красный кружок, эмалевый, с зубчиками, как шестеренка, внутри бегун нарисован, ленточку на финише рвет, а по краю кружка написано «третий разряд».

Игорь не плавал, но всё же зашел в воду повыше пояса – как все.

Из воды вышли, позагорали, а как второй раз окунаться, так и про Мосю вспомнили – где он прячется? Все купаются, а он – нет; пацаны, человек пять, схватили Мосю за руки и за ноги и потащили в озеро – учишься плавать! Тут Шурец командует, а пацаны тащат, стараются. Мося визжит, просит отпустить, а его опять кидают в воду – потеха! Другие, правда, не участвуют, но и не мешают, а вожатый пошёл мяч надувать. Это Игорь тоже знает – сколько не выбирай звеньевых, сколько не назначай председателей совета отряда, а атаманом все равно Шурец будет! К нему сразу пацанята поменьше прилипли, Генка и Юрка, шумят, каждое слово за ним повторяют; у него такие огольцы и в городе были, их «собачками» звали. В лагере, кто посильней, – у тех имена, а у слабых – клички:

Лопухин – лопух, Седаков – седак, а Штипельман – тот, вообще, «щи – пельмень». После купанья загорают, спорят, кто сильнее – борцы или боксеры:

– Борец его за шею двойным нельсоном – и на лопатки!

– А боксёр хуком справа – и будь здоров!

Поговорили – скучно стало, и Мося куда-то делся. Генка неторопливо приговаривает, как рычит:

– Боксёр-р, бор-рец – и вдруг поворачивается к Игорю

– А ну, скажи «На горе Арарат растет крупный виноград».

Игорь говорит, но почти не картавит, и Генка замолкает.

Вечером, после ужина, показывали кино. Когда кино про войну, там всё понятно, где наши, где фрицы; когда на экране «Катюши» стреляют, все хлопают. А сегодня – «Багдадский вор», картина трофейная, много непонятного, и Людмила, воспитательница, сидит с отрядом, объясняет шепотом, что на экране делается:

– Это он кофе пьет, чтоб не заснуть. Кофе сон отбивает, в нем вещество такое содержится – кофеин.

– А почему после чая тоже не спится? – спрашивают Юрка.

– А в нем содержится чаин – говорит Людмила. – Тише, не мешай смотреть!

На следующее утро после линейки отряд идет на завтрак: яйцо, горошница и компот.

– Компот несладкий – бубнит Шурец.

– Компот, как компот – думает Игорь, но ему хочется быть поближе к Шурке-атаману, и он поддакивает:

– И каша жиденькая...

– Сам ты жиденький! – вдруг взрывается Генка. – Что, каша русская не нравится? Катись в свой Биробиджан!

Игорь промолчал, как будто не слышал, но почувствовал тоскливо – «Началось!» В школе и то лучше – отсидел и ушел, а здесь – весь день на виду, и едят и спят вместе, и обязательно вылезет что-то тайное и постыдное, связанное с непонятным словом «еврей».

Идти с отрядом на прогулку не хотелось, и Игорь одиноко побрел от столовой. Неожиданно подскочил Володя, вожатый:

– В шахматы играешь?

– Играю...

– Отлично! Завтра – соревнования, будешь за отряд выступать!

Через полчаса Игорь уже сидел за шахматной доской, вспоминал ходы, вспомнил даже «ферзевый гамбит»...

Потянулись дни – надо четыре недели перетерпеть. Утром – со всеми в лес, после «мёртвого часа» – полдник, а потом – соревнования, чаще всего – по волейболу. Шурец – капитан команды, красиво играл: и «свечки» тушил, и «кручёные» мячи подавал. Генка и Юрка за него болели, чуть что – вопили «Судью на мыло!» Кто в волейбол не умел, те бежали эстафету. На другой день – сдача норм БГТО, прыжки в высоту. Норма – восемьдесят сантиметров, а Шурец прыгнул на метр пять. Володя поднял планку – вдруг Шурец дотянет до юношеского разряда? Он трижды пытался, но сбивал планку.

– Ничего, завтра попробуешь, – утешал Володя. – Еще желающие есть?

Вдруг подошел Рафик Гарибян из шестого отряда. Разбежавшись, он ловко перевернулся в воздухе и с первого раза перелетел через планку.

– Как-то ты не по-русски прыгаешь, – недовольно пробурчал Юрка.

– По-армянски! – радостно взвизгнул Генка.

Рафик, не отвечая, резко нагнулся, поднял половинку кирпича, и запустил Генке в голову. Тот прикрылся рукой, удар пришелся по плечу, а Рафик уже пинал его ногой. Генка попятился – и вдруг побежал. Все молчали, только вожатый, подняв голову от бумаги, – он записывал результаты прыжков – сказал: «Ну, вы, потише!» Сдача норм продолжалась, на другой день Генка тоже сдал.

В последний день смены был «Костёр дружбы». Группа из старшего отряда плясала «Яблочко», хор пел «Песню о Сталине»:

«На просторах Родины чудесной,

Закаляясь в битвах и труде,

Мы сложили радостную песню

О Великом Друге и Вожде».

Всё, конец смены, завтра – домой!

Приехав, Игорь объявил матери, что больше в лагерь не поедет; почему не поедет – говорить не хотелось. Обещал, что будет зарядку делать, дома помогать – пол мыть и на огороде работать. Огород матери на работе выделили – участок на бывшей свалке. Там хорошо росла картошка, сорняки тоже неплохо кустились. Картошку сажали «глазками»: весной из картофеляины вырезали несколько кусочков с ростками; эти «глазки» сначала хранили в золе, потом высаживали. Игорь ходил полоть картошку, заодно выполнял и

«домашнее задание на лето»: Верушка велела каждому собрать гербарий, засушить листья разных растений.

Когда Игорь перешел в пятый класс, родственники из Ленинграда прислали ему в подарок посылку с книгами. Там был роман Джованьоли «Спартак», про то, как рабы сражались за свободу, как мстили за годы унижений. Истории этой борьбы Игорь внимал трепетно, многие места читал вслух, воображая себя мстителем. В посылке была и другая интересная книга «Герои и мученики науки». Роджер Бэкон («В знании – сила»), Джордано Бруно («Человек мира, Космополит»), Галилео Галилей («А всё же она вертится!») – все они казались маяками в ночи, несли свет, а тьма пятилась от них. После этой книги любимым героем Игоря стал Христофор Колумб...

Пока Игорь был в лагере, он забыл, что квартиру надо всегда на запоре держать. Все вокруг воров боятся, страшные истории рассказывают: то в комнату через окно влезли, то ключ подделали. Когда спать ложатся, запертую дверь изнутри столом подпирают, а соседи – те ко входной двери на ночь цинковое корыто приставляют – если начнут снаружи открывать, вот грохот будет! Когда в дверь стучат, надо спрашивать «Кто там?», а если ребенок дома один, тут уж никому не открывать!

Однажды Игорь нарушил это правило. Днем, мать на работе была, в дверь постучали.

– Кто там?

– Кушать хочу, помогите, – донеслось из-за двери. Не обычное «Подайте, Христа ради!», а «помогите». Игорь хотел, как учили, отрезать «Работать надо!», но что-то в этом голосе остановило его, и он приоткрыл дверь. На лестнице стоял нищий, оборванный, лет на десять старше Игоря. Он был не похож на вора, не пытался войти в квартиру и просил тихо, будто стеснялся. Игорь вдруг вспомнил разговоры шепотом про пацанов, которые за хлебную карточку работали на заводе, а в тюрьму сели за то, что опоздали на работу. «Может, из тюрьмы, вышел, – мелькнуло у Игоря, – а когда посадили, может, таким был, как я». Игорь, молча, вернулся на кухню, оставил себе суп, а горбушку и несколько картошин вынес на лестницу. Нищий, молча, наклонил голову, положил еду за пазуху и пошел на другой этаж. Оставшись один, Игорь вдруг почувствовал себя виноватым. Было стыдно, но за что? – за то, что ты дома, а он – на лестнице?

Думать об этом не хотелось, и Игорь пошел в гости к Ленке, соседке – в шахматы сыграть и порисовать. Играть в шахматы по правилам надоело, и они играют по-своему: сначала всем фигурам вырезают бумажные костюмы из газеты: пешкам – простые платья, подпоясанные ниткой, королеве – длинное, чтобы сзади волочилось, так и называют – «платье с волокитой». Прежде, чем одеть фигурку, ей выписывают ордер – как у взрослых: белому слону – «отрез на пальто», черной королеве – талон в «Индпошив» Нарядив шахматы, строят для них замок из домино, кубиков и бочоночков лото; есть и тюрьма – пенал, там пешки сидят, крышкой заперты. Построив, играют в войну и бомбят замок шариками от подшипников, их на свалке полно. Когда все кубики разбросаны, расставляют шахматы на доске, но и здесь хочется чего-то нового: отгородив газетой свою

половину доски, ставят фигуры без правил: то коней вперед выдвинут, то короля за два ряда пешек спрячут. Потом газету убирают – и играй, хотя черные совсем не так построились, как белые.

После шахмат хочется порисовать. Ленкино богатство – карандаши цветные, трофейные, в металлической коробке; цвета всякие, есть даже белый карандаш, как мелок. Ленка не жадная, карандаши даёт, только просит не давить, чтоб не стирались.

Порисовав, поиграли в «парашютистов» – прыгали со стола с раскрытым зонтом, как будто зависали в воздухе, и пошли на улицу – родителей с работы встречать.

Возвращаются родители поздно, так что остаётся время и про соседей потолковать. Вот Николая Павловича мать, молчаливая старуха, бродит вокруг дома, сердито глядит на окна, шевелит губами, что-то бормочет; если прислушаться, можно разобрать слова: «...и жрут, и жрут, и жрут...». Вот Коза траву рвет – Козой Галку Загянскую дразнят, с третьего этажа; у них на балконе все лето коза живет, Галка для нее траву собирает и доить помогает. Вот Баранов, доцент, с братом идет, а брат странный какой-то, говорят, в голову контуженный: был на фронте врачом, а как вернулся – не захотел на выборы в Верховный Совет идти. Надо идти за Сталина голосовать, а он говорит: «Я его не знаю». Теперь он не работает – сказали, что после контузии с ума сошёл, так у брата и живет.

А вот и сам Николай Павлович, сосед, тоже из Института возвращается; вдруг он остановился, и говорит:

- Леночка, поздравь папу – его сегодня наградили!
- Папу? Чем? Туфлями? – радостно подскочила Ленка.
- Медалью – улыбнулся Николай Павлович. – Медалью «За трудовое отличие».

4. Танец суворовцев

После лагеря Игорь решил стать сильным – весь июль и август дважды в день делал зарядку: гирь не было – выжимал утюги, проходя в двери, подтягивался на дверной раме; приседал на одной ноге «пистолетиком», каждый день на одно приседание больше, и все мечтал, как однажды, подойдя к Юрке, врежет ему, молча, без слов, – сразу за все. К этому дню Игорь готовился упорно, в одиночку и в тайне от всех.

Хранить тайну было нетрудно: знакомые разъехались, кто снова в лагерь, кто – к бабушке в деревню. Чтоб не скучать, Игорь играл в Робинзона Крузо – пытался сам делать бумагу и вести дневник. Если листья фикуса разрезать на ровные квадратики без толстых жил, квадратики склеить по краям липким соком фикуса, придавить кирпичом и засушить – получится плотный желтый листок, как картонка. Сначала Игорь не знал, о чем писать, а потом вспомнил про солнечное затмение и вывел на листке длинными, узкими, как будто старинными буквами: «Было Солнечное затмение», поставил дату и расписался. Самодельную летопись положил в пустую коробку от тушенки, крышку залил свинцом,

расплавив на электроплитке кусок свинца со свалки, и закопал за домом. Поиграл – и снова отжимания на полу, животом пола не касаться! Даже читал теперь Игорь, выпрямившись и зажав между локтями и спиной черенок лопаты, – чтобы не сутулиться.

За два дня до первого сентября тайную гимнастику пришлось отложить: с утра надо было бежать в школу, чтоб успеть учебники получить. Игорь понес свое домашнее задание на лето, но его гербарий никто не спросил. Раньше за учебниками родители ходили, а теперь – всё, пятый класс, сами большие. Вместо одной Верушки – отдельный учитель по каждому предмету (их так и называют «предметники») – ботаничка, географ, англичанка. Раньше вся школа учила немецкий, старшеклассники помнят, как выводили длинные узкие буквы – готический шрифт, но теперь, после войны, в моде – английский. Есть и классный руководитель – длинная, нескладная, губастая. Ее прозвище – Сильва, переходит из года в год, видно, в насмешку: в школе слыхали, что Сильва – это что-то очень красивое. Учебников хватает не всем, и Сильва распределяет кому – задачник, кому – историю древнего мира; чтобы сделать уроки, придётся ходить друг к другу за учебниками. Каждую книгу велят обернуть газетой, а поверх обертки сделать наклейку с надписью, по образцу: «Ботаника уч-ка 5-а класса...»; кто не обернёт – учебник отдадут другому.

Хоть и говорят, что пятиклассники «большие», а Сильва командует, как раньше:

– К первому сентября всем подстричься под ноль! Гладкая головка – это красиво. Непроливашку, ручку, перо номер восемьдесят шесть – не забывайте!

Предупреждение оказалось серьезным: первого сентября Кузьмич пришел с чубчиком – тут же с урока отправили в парикмахерскую. Кусов принес самописку – первую в классе, а Сильва раскричалась:

– Самописка портит почерк! Иди домой, принеси нормальную ручку, как у всех! Иди, не срывай урок!

Кузьмич вернулся стриженный к большой перемене и мрачно объявил: «Шерсть сдал!» Из-за стрижки он пропустил рассказ Сильвы о том, как учился Володя Ульянов. Володя учился на пятерки, и нам всем тоже нужно «упорно и настойчиво овладевать знаниями».

– Говорят «овладевать знаниями», а на самом деле – зубрить заставляют – рассказывал Игорь дома про новый учебный год. И правда – новые слова на уроке английского весь класс читает хором, чтоб лучше запомнить. Зато падежи – именительный, родительный, дательный – все сразу запомнили по порядку, потому что считалка есть:

«Иван Родил Девчонку,

Велел Тащить Пеленку».

На географии учитель маленький, пузатый «Шарик», он же директор школы, тоже твердит про «глубокие и прочные» знания. Чтобы показать такие знания, нужно пересказывать учебник близко к тексту. Вот, например, вызывают Антошку:

– Какая в прериях растительность?

Антон тараторит почти наизусть: - В прериях растёт высокая, густая, вечнозелёная трава...

Шарик водит пальцем по строчке в учебнике и... – Стоп! Пропустил, что трава «в рост человека».

Антон послушно повторяет «темно-зеленая, в рост человека трава». – «Вечнозеленая» – сердится Шарик и ставит четверку. Но он, вообще, не злой, охотно ставит и пятерки, а иногда, отвлекаясь от географии, объясняет, что главное в классе – это порядок. - Класс – это не толпа; толпа есть слепая и глупая, а здесь – класс!

Наслушавшись про степи и горы, несколько человек из класса затеяли переписку со школьниками из других городов – очень хотелось расширить мир самим, без учебников. Адрес находили просто: видишь на карте какой-нибудь город, подальше от Медногорска, пишешь на конверте название, а дальше – как про себя: «9-я школа, 5-б класс» и, если ты, например, восьмой по списку, так и посылаешь – «восьмому по списку ученику в классе». Игорь этим не занимается – у него домашняя обязанность – отсылать родственникам в Москву и Ленинград открытки к Седьмому Ноября – «Поздравляем с Государственным Праздником. Целуем» – и на Новый Год и день рождения – «Желаем здоровья!», а в конце тоже «Целуем».

Потянулась первая четверть; домашние задания стали длинными, времени на тайную физкультуру оставалось мало, да и надоело одному дома утюгами махать. В классе некоторые ходили в спортивные секции во «Дворец Metallургов». В городе был Дом культуры горняков – кинозал и библиотека, небольшой Дом культуры строителей – кинозал и спортзал, даже клуб железнодорожников, бывший барак, но у металлургов был не дом, не клуб, а Дворец – длинное пятиэтажное здание с широкими лестницами, спортзалом, кинозалом, еще с отдельным «залом для репетиций»; подвал занимала – «станция юных техников».

Когда туда шли, так и говорили: «иду во Дворец». Однажды Игорь тоже зашел в спортзал и, распрямившись и напряжив мускулы, попросился в секцию бокса. Тренер, скользнув взглядом по плечам и рукам новичка, негромко посоветовал: – Тебе, мальчик, лучше бы в лёгкую атлетику или в шахматный кружок...

Про лёгкую атлетику даже думать не хотелось – туда Юрка ходил.

А вот шахматы... Главный там – Григорий Захарович – согнутый, сморщенный, с красными глазами, видно, что чахоточник; хотя было ему лет тридцать и он, единственный в городе, имел первый разряд по шахматам, звали его просто Гришей.

Говорили, будто он давно был бы кандидатом в мастера, если б не «белая головка» – так называли бутылки водки, запечатанные вместо пробки чем-то белым, вроде сургуча. Он мог принять новичка, даже если тот едва знал фигуры на доске, но зато быстро отвечал на какой-нибудь хитрый вопрос, вовсе не про шахматы. Когда Игорь впервые появился в шахматной комнате, Гриша сразу спросил:

- Былину про Илью Муромца читал?
- Читал...
- Соловья-разбойника помнишь? Как было его отчество?
- «Соловей-разбойник, Одихмантьев сын... Одихмантьевич! – радостно выпалил Игорь.
- Соображаешь, – хмыкнул Гриша, расставляя фигуры на доске. – Ходы знаешь?

Посмотрел Игорь и на станцию юных техников: авиамоделисты клеят из плотной бумаги, похожей на кальку, и тонких реечек маленькие модели самолетов с резиновым моторчиком. Такой моторчик – это резиновый жгут, а запускают модель вдвоем: один ее держит, другой – потуже жгут закручивает. Отпускаешь резко – и в самом деле, пропеллер завертелся, и летит бумажный самолетик, пока резинка не раскрутится. В соседней комнате – кружок радиолюбителей; кто постарше, те к Седьмому Ноября ламповую радиолу большую собирают; лампы, конечно, фабричные, но все остальное, даже корпус деревянный, сами делают. Новички – те сначала учатся катушки мотать: проволока медная, тоненькая, мотаешь на каркас ровными слоями, двадцать слоев, тридцать, пятьдесят – а руководитель все не доволен: «ровнее, аккуратнее!». На стене висят открытки от радиолюбителей из далеких городов, даже из Заполярья, с которыми УКВ связь установили. Новички пристают к руководителю: – Когда начнём сами УКВ – передатчик делать? А приёмник? Тот отмахивается: – Научись сначала катушки мотать! – И почему это называется «спорт» – радиоспорт, авиамоделный спорт, шахматы – тоже спорт; еще и мастера спорта у них бывают, разряды получают. А сами сидят в подвале, учатся, как в школе. И девчонок нет, тоже как в школе... Скучно – решил Игорь.

Выходя из подвала, он столкнулся на лестнице с Кузьмичом, второгодником из своего пятого «А».

- Ты куда, Кузьмич?
- В репетиционный зал, в студию. – В студию? В какую студию? – В балетную. – В танцевальный кружок, что ли? – Ты чо, глухой? Говорят тебе, в балетную студию!

Игорь пошел с ним – да так в этом зале и остался, стал дважды в неделю ходить на занятия. Занятия назывались «репетиции», ребят было немного, девчонок побольше. Раиса, руководитель, бывшая балерина, не одергивала новеньких, как в других кружках: «Куда

тебе? Сначала выучись...», а сразу начала готовить выступление, «номер». Студия – это было интересно, дважды в неделю был праздник.

«Репетиционный зал» – большой, двусветный, вдоль стен на уровне пояса тянется палка, называется «станок». В начале занятий – упражнения у станка. Все стоят вдоль стен, одной рукой за палку держатся, всем специальные тапочки с тесемками выдали. Это не «Смирно! – Вольно!», как на физкультуре; тетка из музыкалки на пианино играет, а Раиса в центре зала под музыку командует:

– Работаем! Третья позиция! И – начали!

Чтоб никто не отвлекался, староста, Толя Чертолясов, лоб здоровый из девятого класса, за порядком смотрит. Не зря его шепотом зовут «чёрт в коляске»: чуть кто с соседом заговорил – староста быстро обоим по шее – раз, раз – и сам опять к станку. А Раиса в ладоши хлоп, хлоп – значит, внимание, новое движение показывает:

– Большой батман! Андор, андэдан!

Делает Игорь батман, и слова пытается запомнить, непонятные, но красивые – по-французски, наверное. Тут, в зале, и музыка, и спорт, и Ирка Потатурина, тоже из пятого класса, косы вокруг головы, платье серое в клетку, тесемки на тапочках по три раза перевязывает. Игорь с неё глаз не сводит, а она и не замечает.

Упражнения – до перерыва, а после перерыва – репетиция «номеров». Расставили всех по росту в восемь пар, Игоря поставили с Комой. У неё настоящее имя – Коммунелла, а все зовут Комкой. Раиса объявила:

– Будут смотрят детской художественной самодеятельности, сначала – городской, потом – областной. Готовим танец суворовцев!

Как в пары построили, мальчиков стали называть кавалерами, а девочек – барышнями. Танец начинался медленно, торжественно, каждый кавалер вел барышню за вытянутую руку. – Смотрим друг на друга, улыбаемся! Ножку тянем, ножку! Пятая пара, Игорь, Кома, улыбайтесь, ну!

С тех пор Раиса так к нему и обращалась: – Игорь из пятой пары, о чём размышлял? Начнём ещё раз!

Как медленную часть разучили, музыка пошла быстрее, а команды стали веселее:

– Правую руку кладем барышням на талию! Смелее! Кружим барышень вокруг себя!

Вскоре привезли костюмы – девочкам белые платья, мальчикам – темные гимнастерки и брюки с красными лампасами, как у суворовцев, в «Индпошиве» сделали, Дворец заплатил. Начались репетиции в костюмах.

Суворовцев в Медногорске видели только в кино. Это было, как сказка: говорили, будто у них в училище день говорят по-немецки, а день – по-французски, будто их учат, как сидеть за столом и как красиво ходить. «А они в самом деле так танцуют?» – спросили ребята у Раисы, но та ничего не ответила.

Однажды, во время перерыва, когда пианистка вышла из зала, Игорь подошел к пианино посмотреть на ноты, кто написал музыку для такого танца. На нотах было написано: «Полонез и мазурка из балета «Лебединое озеро». Игорь подскочил к Раисе после репетиции, когда их никто не слышал: – А почему эти полонез и мазурка называются «танец суворовцев»? – Так надо, – отрезала Раиса. – Много будешь знать – скоро состаришься.

– Надо – значит, надо – не удивился Игорь; вот Кузьмич в другом номере занят, русскую пляску готовят, впрысядку пляшут, как в бараке на Ежовке, а называется «Танцевальная Сюита "На колхозном поле"».

Как-то в перерыве ребята столпились в углу, за пианино: девчонки подсунули какую-то книжку посмотреть, с закладкой. Книжка, как книжка – рассказы Горького, а закладка – на странице, где рассказ «Двадцать шесть и одна», как один из двадцати шести рабочих в пекарне на спор быстро слюбился с неприступной горничной Таней, а остальные двадцать пять обругали их за «это». Страница заложена, а некоторые строчки еще и подчеркнуты, – и как девчонки находят книжки про «это»? В библиотеке такие книги не дают, в учебниках об этом ни слова, только в «Ботанике» есть про «тайнобрачные» растения, и то – одна строчка.

Девчонки в студии, вообще, активные: недавно Игорь нашел в кармане своего пальто записку: «Игорь, Виталик, Женичка! Мы любим одного из вас. Кого мы любим – это наш секрет. Больше писать нечего. Ира, Катя». После репетиции показал записку Виталику (Кузьмичу), только хотели Женьку позвать, а он стоит у двери, а Ирка перед ним с ноги на ногу прыгает, платье выше коленок, себя по коленкам ладонями хлопает, «Женичке» улыбается, на щеках ямочки – какой уж тут секрет?

Иногда, после репетиции, Игорь заходил в шахматный кружок – партию сыграть, с Гришей поговорить; Гриша, казалось, знал всё и обо всем. Выходят они как-то после игры, а рядом, в кинозале, на сцене хор репетирует – наверное, тоже к смотру готовятся. В хоре почти одни девчонки, ребят мало, а если кто есть, так, значит, из музыкалки – это у них обязателька. Спели про конницу:

«Кони сытые бьют копытами,

Встретим мы по-сталински врага!»

и начали разучивать про лётчиков:

«Если надо, Коккинаки

Долетит до Нагасаки...» – Коккинаки – знаешь кто? – спросил Гриша. – Знаю, летчик-испытатель. – А Нагасаки где? – В Японии... А разве он туда летал? – Нет, до Нагасаки другие долетели – те же, что и до Хиросимы. Про Хиросиму Игорь уже слышал, в «Пионерской Правде» писали, что там американские вояки натворили.

Накануне Первого Мая, наконец-то, был смотр. Станцевали хорошо, и Раиса разрешила всем идти домой в тех костюмах, в которых выступали. Игорь шел, нет, бежал мимо Первого Северного, мимо Третьего Центрального, вдоль трамвая, и, казалось, вся улица смотрела на костюм суворовца, даже из трамвайных окон высовывались.

Как-то незаметно промелькнул учебный год, пошла четвертая четверть. Шарик каждый день повторяет: – Третья четверть – решающая, а четвертая – завершающая! Скоро годовые оценки выставлять будут, а у Игоря по истории – четыре, четыре и пять. Историчка объявила «фронтальный опрос» – это когда один начинает отвечать, другой за ним продолжает, и так успевают полкласса вызвать. Игоря тоже вызвали:

– Почему восстание Спартака потерпело поражение? Игорь вспомнил книгу Джованьоли, хотел рассказать про восставших рабов и про их предводителя, но ответил так, как говорила историчка: – Потому что тогда ещё не было рабочего класса. За четверть поставили пятерку, и за год – тоже пять.

5. Каждая пятёрка – удар поджигателям войны!

Такой лозунг начал твердить Шарик с начала нового учебного года. Про этих поджигателей из Америки все слышали: их по радио ругают, в газетах карикатуры рисуют, а недавно в парке культуры на концерте юморист из Москвы, как будто по ошибке, вместо «англо-американские», несколько раз сказал «нагло-американские».

Началась вторая половина школьной жизни: из десяти лет пять уже пройдено. Хотя Игорь и перешел в шестой класс с похвальной грамотой, но учебный год начался у него с неприятности: Сильва дала всем задание на лето – написать рассказ на свободную тему. Игорь придумал рассказ, как в одном городе население так выросло, что воздуха на всех не хватало, и кислород стали выдавать по карточкам, как хлеб. Сильва прочла, возмутилась, позвала пионервожатую Нину Ивановну, и они вместе кричали на Игоря на пионерском сборе: – Откуда у тебя такие мысли? Кто тебя научил? Ты же советский школьник! Ты же пионер!

Вызвали в школу мать, велели больше внимания уделять сыну и, как сказала Нина Ивановна, «руководить его чтением».

В шестой класс перешли все, даже Евдака перевели. Он обещал, что этот год проучится, а следующим летом пойдёт в лётно-техническое училище. В классе удивлялись:

– Ты что? Там семилетка нужна... – Обойдёмся, у меня там дядя – майор, – хвалился Евдак. – Блат выше Совнаркома!

Появился в классе и новый ученик – Сеня, невысокий, юркий. Он водился с огольцами, всегда знал, у кого часы срезали, у кого шубу сняли, кого в карты проиграли. Отец у него – зубной врач, у них свой дом, «мебель красного дерева» – шептались соседи. Сеня, единственный в классе, ходил в хромовых сапожках, остальные – кто в валенках, кто в залатанных ботинках; в мороз ноги обёртывали газетой. Сенина мать, единственная на улице, летом носила шляпку, торговки на базаре кричали ей:

– Сюда, мадамочка, сюда!

Сеня любил рассказывать про воров – как они слово держат, какие они смелые, добрые, весёлые, даже старинные стихи про воров знал:

«...губернский розыск рассылает телеграммы,
что вся Одесса переполнена ворами,
и вот настал критический момент,
и заедает темный элемент»

– Во, даёт – удивлялись в классе, – Сильва задаёт наизусть выучить кусок из «Песни про купца Калашникова», почти страницу, а этот сам запоминает, что хочет, без задания...

По заданию Сеня ничего не запоминал; выяснив это в очередной раз, Сильва злорадно объявляла: – Садись! Два! Сеня гордо шёл на место в последнем ряду, «на Камчатку», улыбаясь и, зная, что на него смотрят, бормотал какие-то одесские строчки: – ...Вам хочется песен? Их есть у меня... В конце сентября снова пришла пионервожатая Нина Ивановна; ей лет двадцать, не больше, а выступает, как Шарик:

– Надо усилить общественную работу! В следующем году будем вступать в Комсомол! Каждый пионер должен иметь общественное поручение! Тут же стали поручения распределять: кому – отстающих подтягивать, кому – санитаром быть, проверять, чтоб руки мыли; Игоря назначили редактором стенгазеты «За Учёбу». Пока Нина Ивановна раздавала поручения, Евдак, подойдя сзади, подставил близко к ее ноге свой ботинок и на носок положил осколок зеркала. Во время речи он ухмылялся, глядя вниз, в зеркало; когда пионервожатая ушла, Евдак, подмигнув, объявил: «У ней трусы синие!» – то ли разглядел, то ли так сказал.

Первый номер стенгазеты велели выпустить к Седьмому ноября. Игорь расчертил лист ватмана на три колонки, карандашом разлиновал строчки, передовицу – кто ее читает? – переписал из прошлогодней «Пионерской Правды». Хотелось написать что-нибудь интересное, чтобы читали, и тут он вспомнил, что недавно им делали прививку против оспы.

Взяв книжку «Герои и мученики науки», Игорь пересказал в стенгазете историю про английского сельского врача Дженнера, который еще в восемнадцатом веке заметил, что доярки, которые перенесли коровью оспу, человеческой оспой не болеют. Тогда Дженнер привил мальчику коровью оспу, а потом – человеческую, и мальчик не заболел. Церковники были против новшества, пугали прихожан: – «Кому сделают прививку, у того вырастут рога, он будет мычать и бодаться!», а теперь, спасибо Дженнеру, прививку делают во всем мире.

Статью читал весь класс, но Сильва оставила Игоря после уроков и раскричалась: – Нечего про иностранных учёных писать! Низкопоклонство перед западом! Нам безродные космополиты не нужны!

Про космополитов, которым всё иностранное дороже русского, Игорь уже слышал, их ругали вместе с поджигателями войны. В газетах объясняли, что и самолёт, и электрическая лампочка, и даже «озёрный батометр» – стакан с крышкой, которым берут пробу воды со дна озера, изобретены в России. Кроме того, заграничные учёные – Эдисон, Маркони, братья Райт – хотели разбогатеть, а русские учёные работали для народа. – А что, значит, за границей настоящих учёных и не было? – приставал Игорь к Николаю Павловичу, инженеру, с которым говорил раньше про солнечное затмение. – Ну, почему, – рассудительно отвечал инженер, – мы признаем Дарвина, Ньютона ... – А у них больше и нет никого! – уверенно мотнула головой, проходя мимо, Станислава Борисовна. Она всегда говорила негромко, но уверенно, как будто знала что-то, неведомое другим.

Про следующий номер стенгазеты никто не напоминал, можно было уроками заняться. В расписании почти каждый день шесть уроков, да еще раз в неделю – политинформация, вслух газету читают. Шарик объяснял, как понимать заголовки: если написано: «Что думают на Темзе?» – значит, в Лондоне, а если «Капитолийский холм» – значит, речь идет про Вашингтон; это место Шарик называет «капиталистский холм», там капиталисты управляют.

В танцевальный коллектив Игорь ходил всё реже – скучновато стало в пятой паре, а в первую – сам понимал, что не тянет. Там тоже начали иностранные слова искоренять: «па-де-баск», по-французски «танец басков», – прыжок вбок на одной ноге, прихлоп ногами в воздухе – переименовали в «голубцы». На репетиции Раиса так и командовала: – Голубцами направо – пошли! И – раз... Гриша, слушая такие новости, не удивлялся: – Что в газете, то и в балете... Космополитов ловят!

Зимние каникулы у Игоря оказались длинными – он заболел скарлатиной и шесть недель провел в больнице. В маленькой палате, где Игорь лежал один, проходя «карантин» после болезни, школа не вспоминалась. Здесь он впервые читал увлекательную книжку про математику – не учебник, не задачник, а истории про числа, которые привлекали людей, и про людей, которых привлекали числа; книжка так и называлась – «Живая математика». Палата была почти как необитаемый остров – раз в два дня заглядывал врач, а дважды в день медсестра Валя ставила термометр; больше никто в «карантине» не появлялся. Узнав, что Игорь в шестом классе, она рассказала, что и сама учится в фельдшерско-акушерской школе. Однажды вечером, записав температуру, Валя

выглянула в коридор, прикрыла дверь и вдруг тихо зашептала: – Сейчас по коридору шла, там темно, а в углу чёрное что – то шевелится, я так напугалась - и бежать, сердце бьётся... Хочешь послушать, как бьётся? – Валя прижала руку Игоря к белому халату, там, где сердце – слышно, нет? А ты так положи – и Валя просунула руку Игоря под халат – прижми крепче, чувствуешь? Ой, а ты весь дрожишь, – Игорь и впрямь дрожал от какого-то непонятого страха. – Замёрз, что ли? – Валя потрогала рёбра, провела рукой по животу. – Давай погрею, – и она попыталась откинуть край одеяла. – Не надо, иди, иди, – отмахивался Игорь и тащил одеяло на себя. Валя отодвинулась, молча, застегнула халат и вышла. Вскоре карантин закончился, и Игоря выписали – конец каникулам.

После скарлатины Игорь совсем забросил танцы – пока болел, место в пятой паре отдали другому, да и времени на домашние задания не хватало. Откроешь дневник, а там: по грамматике – выучить десяток слов с безударными гласными, по литературе – знать наизусть отрывок из «Тараса Бульбы» («Нет уз святее товарищества!»), по английскому – запомнить полдюжины неправильных глаголов. Правда, с английским Игорю легко: почти три года он учил язык дома с Женей Лондон. Прошлым летом она куда-то уехала, говорят, в Польшу вернулась, а у Игоря – новый учитель, Алексей Михалыч, пожилой человек, в Институте работает. Учебников Алексей Михалыч не признавал, заучивать словарь не требовал. Вместо этого он дал Игорю старый сборник английских сказок и научил его переписывать каждый день по одной странице из этого сборника. Потом эти сказки нужно было пересказывать на уроке, и постепенно в памяти всплывали готовые предложения, хотелось даже что-то добавить к рассказу. Учитель поощрял: «Врать можно, но только на хорошем английском!»

Однажды он посоветовал Игорю переписывать ежедневно страницу в тетрадь и из русской книги – чтобы по-русски грамотно писать, не думая о правилах. Страница из «Записок охотника» занимала в день сначала двадцать пять, потом двадцать минут, и к концу шестого класса Игорь в безударных гласных не путался и запятые ставил верно. Оценки по русскому языку были главными оценками в таблице; отличников по истории много, по географии – тоже есть, но по «русскому письменному» – один-два на всю школу.

Игорь свыкся с необходимостью быть отличником; это давало опору внутри себя, а иногда – и какую-то защиту в классе.

В шестом классе в расписании появились новые предметы – алгебра, геометрия, физика. Все эти предметы вела Калерия Романовна – добрая толстая тетка, ей очень подходила ее кличка «калория». Иногда она приходила на урок по-домашнему, прямо из бани, обвязав голову полотенцем. Когда к доске вызывала – предупреждала: – Не выучил – признайся честно, благородно, не тяни время!

Кто не признавался, выходил к доске, а там мялся, не знал, с чего начать, – она грустно качала головой и напоминала: – Время идёт, а путь стоит! Это означало, что успехов в учёбе не видно. Все же среди всех учителей «Калория» была самая спокойная, не то, что Сильва или «баба-гром». Однажды на физике она опыт показывала: из высокой банки выливалась вода через два отверстия, одно – высоко, у горла банки, другое – возле дна. Струя воды из верхнего отверстия падала вниз почти отвесно, а из нижнего –

отлетала далеко от банки. Это было удивительно, все, молча, уставились на струи, а Сеня с последней парты выкрикнул: – Ссыт! В классе стало совсем тихо, все ждали, что сделает физичка. Она подождала, пока банка опустеет, а потом спокойно сказала:

– Есть такие вещи, которые мы делаем, но о них не говорим. А Сене даже в дневник не записала – зря он высказывал.

Игорь часто возвращался после уроков с Витьком Щегловым из своего класса. С ним было интересно – Витек любил читать, знал даже про доброго разбойника Робин Гуда, как тот богатых грабил, а бедным дарил. Ему нравились книжки про путешествия, и Игорь, хоть свои книги из дому не выносил, ему дал почитать «Робинзона Крузо». Витек звал Игоря «Робин», и Игорю это нравилось – как будто играли в Робинзона или в Робин Гуда. Однажды, когда спорили, правду ли Сеня рассказывал про благородных грабителей и воров, которые никогда не работают, Игорь поинтересовался: – Слушай, а почему я – «Робин»? – Ну, ты ведь, – Витек замялся, – ты же – «робинович». – Напомнил, – обожгло Игоря, но он спокойно поправил: – Это слово через «а» пишется, не через «о»; эх, ты, безударная гласная!

Игорь и сам не знал бы, что он – еврей, если бы в школе и в пионерском лагере ему не объяснили его невидимую метку.

Потом шли дальше, вспоминали книгу «Человек-невидимка». Игорь сомневался, что такое возможно, Витек горячился: – Отец сказал, что, если хорошо знать физику, математику и химию, можно стать невидимым!

В апреле Сильва вдруг вспомнила, что уже полгода не выходит стенгазета, велела срочно выпустить номер к Первому Мая. Игорь не забыл историю с Дженнером, но все равно, хотелось сделать такую газету, чтоб ее читали. Он и тему для статьи нашел – как учили школьников в прошлые века. Статья заполнила два столбца стенгазеты (один ушел на первомайскую передовицу) и начиналась издали:

«Раскрытая книга и восходящее Солнце не сразу стали эмблемой школы. Вначале символом учебы были розги».

А дальше – про то, как школяров наказывали, какие предметы были в расписании (грамматика входила, а арифметика – нет), как зубрили вопросы и готовые ответы из учебников; даже пример такого урока отыскан в книжке про учёных Средневековья: – Что такое воздух? – Хранитель жизни. – Что такое язык? – Бич воздуха. – Что такое человек? – Раб старости, гость в своем доме. Статью читал весь класс, особенно понравилось про «бич воздуха», даже историчка во время урока посмотрела газету. На следующий день пришел завуч, но ему газета не понравилась: – Опять не о том написано... – видно, завуч не забыл историю с Дженнером. – К Первому Мая хорошо бы заметку о пионерах-героях труда. Вот, Мамлакат Нахангова – узбекская пионерка, собирала в колхозе хлопок. Все держали сумку для хлопка в одной руке, а другой собирали, а она повесила сумку через плечо и, собирая хлопок двумя руками, набрала больше, чем взрослые; её наградили орденом Ленина. – Но для новой заметки нет места...

– Ничего, будет школьная стенгазета, там выделим место. Завуч явно добивался, чтобы о Мамлакат написал именно Игорь. Спорить не хотелось – завуч в старших классах литературу преподает, учитель вежливый, даже к пятиклашкам обращается на «Вы», так и говорит: «У Вас лицо в чернилах».

Заметка никак не получалась, хотя Игорь попробовал даже стих сочинить. Сначала пошло легко:

На стене висит плакат, на плакате – Мамлакат!

но дальше было нескладно. Пришлось просто наклеить в газету её портрет из журнала «Костёр». Завуч дал книжку «Сборник колхозных пословиц и поговорок», оттуда и надпись подобрали:

«Великая отрада – от Родины награда!»

Газету вывесили в срок. Завуч был доволен, даже поинтересовался у Игоря: – Вы в библиотеку записаны? – Да, во Дворец Металлургов. – Какие книги берёте? – «Белеет Парус Одинокый», сейчас на «Два Капитана» очередь подходит. – Интересные книги – одобрил завуч. – Но Вам надо больше читать про героев войны и труда, очень советую «Молодую Гвардию» Фадеева; кино «Молодая Гвардия» смотрели? Кино смотрели всем классом, про комсомольцев-подпольщиков из Краснодона Олега Кошевого и Сергея Тюленина знали все, даже марка была: на синем фоне – Золотая Звезда и пять Героев-краснодонцев. Игорь чувствовал доверие к завучу, не то, что к Сильве или к историчке, и задал вопрос, какой им бы и задавать не стал: – А почему на уроке не так рассказывают про Спартака, как в книге «Спартак»? – Учебные программы готовят в Москве, – спокойно пояснил завуч, – а там работают люди поумнее нас с Вами. Вежливо сказал, не обидно, не «поумнее тебя», а «нас с Вами», значит, поумнее и его тоже.

Спрашивал Игорь об этом и у Алексея Михайловича, но тот ответил загадочно и не так вежливо: – В шестом классе пора быть умнее. А умён тот, кто понимает, на чем зиждется порядок вещей.

Слово даже выбрал такое – не «держится», а «зиждется».

6. Комсомольский ручеёк

Наступило лето, но ехать в пионерлагерь Игорь отказался еще в прошлом году: надоело «делать линейку», надоело слышать про «профессора кислых щей» и ждать каждый день, когда смена закончится. Чтобы ребенок целыми днями не сидел дома один, мать договорилась в городской библиотеке, что он будет помогать библиотекарям в детском отделе – подклеивать порванные книжки, заполнять формуляры, оформлять витрину «Пионерской двухлетки». Игорь приходил в библиотеку каждый день к десяти утра, ему нравилось называть эти походы «работой». Услыхав про такое начинание, Станислава Борисовна всполошилась: – Какая ещё работа? Это в Америке дети работают, а у наших ребят – счастливое детство! Узнав позже, что платить Игорю не будут, она

успокоилась: – Если не за деньги, то это – общественная работа, это достойно! Поднося на выдачу книги, Игорь заметил, что есть такие издания, которые включены в каталог, а читателям не выдаются; когда такие книги спрашивали, Лидия Ивановна, библиотекарьша, ничего не объясняя, коротко говорила «нет». Запомнив несколько «запрещенных» авторов и названий – Мопассан, Фрейд, «Декамерон» – Игорь полюбопытствовал: – Это что, антисоветские книги? – «Вырастешь, Саша, узнаешь», такие стихи у Некрасова есть – отшутилась, уйдя от ответа, всегда разговорчивая Лидия Ивановна. Игорь замолк, но вопрос остался: – Опять о чём-то спрашивать рано. Вот – геометрия: есть рабочий класс, нет рабочего класса, а теорема Пифагора всегда есть!

Найдя на дальней полке в библиотеке старинную книгу «Пробуждающаяся наука» с чернильным штампом «Проверено. 1937 г.», он узнал, что еще в древней Греции одна из муз помогала астрономам; музу звали «Уrania» от слова «уранос», что по-гречески значило «небеса». Эта же муза с высокой прической, в легком хитоне, с циркулем в руках покровительствовала и геометрам. Потом, много столетий спустя, в шестнадцатом веке, первая обсерватория, построенная в Европе, тоже называлась «Ураниборг» – «небесный город». И далекая планета Уран, и грозное вещество уран, и люди, близкие ко всему этому, составляли, казалось, необыкновенный мир, удаленный от пионерлагеря, школы и дома.

Чтобы как-то прикоснуться к этому миру, Игорь собрался перерешать все задачи из своих учебников по геометрии и по алгебре, даже норму установил – десять задач в день. Если решал задачу в уме или не так, как в учебнике, – радостно мурлыкал: «Нет, Юрка, нет, Генка, – мы ещё посмотрим!» Такая «десятка» становилась потребностью, а вскоре в уме стали складываться и новые придумки – задачи сверх нормы. Это были игрушки, которые сам мастерил, сказки, которые сам сочинял. Сколько «счастливых» билетов в катушке у кондуктора трамвая? Как движутся узоры в калейдоскопе? Зажмурившись, Игорь видел треугольники синими, медианы – красными, и в этой «музыке сфер» звенел и его голос: «Я могу!»

Лето проходило размеренно – первую половину дня, с десяти до часу, Игорь отбывал в библиотеке, к двум возвращался домой, разогревал обед; хотелось сразу кинуться к формулам, но мешала привычка, завезенная из пионерлагеря, – «мёртвый час».

– Дрыхну, как в детском саду – жаловался он Алексею Михалычу.

– Дрыхнут лентяи, а у тебя – система двух утр... – Система чего? – Система двух утр; это полезно, даже Лев Толстой так работал, – Алексей Михалыч всегда умел хорошо сказать.

Каникулами Игорь остался доволен – жил, как хотел. В конце августа он пришел за учебниками и узнал новость: Евдак, наконец, бросил школу и перешел в ШРМ (вечерняя школа рабочей молодежи). «Осиротели» – притворно пожалел Сеня, но было видно, что он доволен: теперь первый школьник – он!

В начале седьмого класса Игоря пересадили на первую парту – со своего прежнего места в середине ряда он плохо различал, что написано на доске, а очки надевать не

хотелось. Когда сидишь на первой парте, полагается подсказывать, особенно если ты – отличник. Правда, историчка пообещала за подсказку ставить двойки обоим – и тому, кто отвечает, и тому, кто подсказывает. Из-за этого первой оценкой Игоря в седьмом классе чуть не стала двойка по истории. Вызвали Антона рассказывать про Яна Гуса, как тот в пятнадцатом веке стал во главе восстания в Чехии против короля и римского папы, как враги заманили его в ловушку и сожгли на костре. На перемене Антон успел заглянуть в учебник и, стоя у доски, запинаясь и ловя подсказки Игоря, добрался кое-как до того, как Гуса схватили. Историчка тоже уловила спасительный шепот Игоря и подошла поближе. – Папские судьи схватили Яна Гуса и приговорили... – лепетал Антон, делая шаг к первой парте. Историчка тоже сделала шаг навстречу. –...на костре сжечь – еле шевелил губами Игорь. –...и приговорили... – повторял Антон, наклоняясь к первой парте и пытаясь расслышать шепот. – Ну, так к чему приговорили? – нетерпеливо спросила историчка и стала совсем рядом с партой –... костер, на костре...– Антон, наконец, что-то услышал и уверенно закончил: – Приговорили кастрировать!

Историчка, зажав рот рукой, выскочила из класса. Пока ее не было, семиклассники радостно слушали, как Сеня громко объяснял с «Камчатки», что значит глагол, произведенный от слова «костёр». Через минуту историчка вернулась и спокойно продолжала урок, даже двойки обещанные не поставила.

С сентября появился новый предмет – «Конституция СССР» – и новый учитель, Ярослав Исидорович, «Ярослав», молодой мужчина; пионервожатая говорила о нем уважительно: «работник райкома комсомола». Рассказывая о диктатуре пролетариата и о предстоящей мировой революции, Ярослав часто останавливался на том, какая будет жизнь при коммунизме, как у каждого в классе сбудутся все мечты. Витёк спросил про свое, заветное: – А можно будет стать невидимкой? – А зачем тебе прятаться от товарищей? – удивился Ярослав. – А я хочу стать штангистом... или гиревиком – признался Антон; все знали, что он мечтает стать силачом. – Станешь – пообещал учитель. А сейчас наша задача – обеспечить стопроцентную явку на октябрьскую демонстрацию: все вы готовитесь вступать в комсомол.

На демонстрацию собрались задолго до начала. Физрук строил классы в колонну, завуч раздавал флажки, Сеня шкодливо улыбался и подмигивал – видно было, что он что-то задумал. И действительно – когда колонна мужской школы проходила мимо такой же женской колонны, Сеня вытащил из кармана пакетик с презервативом, быстро надул его, перевязал ниткой и перекинул этот воздушный шарик в женскую колонну.

Учителей рядом не было, а школьницы как будто и не заметили.

Игорь знал, что купить презерватив было трудно, даже слово это сказать вслух считалось неприличным. Он сам видел, как в аптеке взрослые выжидали момент, когда аптекарь останется один, и шепотом, с глазу на глаз, просили: – Дайте, пожалуйста,... за четыре копейки...

Аптекарь иногда давал, а иногда мог отрезать: – Рано тебе ещё...

Кинув свой шарик, Сеня опять оказался в центре внимания; пока медленно, с остановками, продвигались к главной городской площади, где у подножья памятника Сталину стояло на трибуне городское начальство, Сеня улыбался: – Ишь, в аптеке не дают! Да у меня брат уже делал это с соседкой, она сама его попросила... Да даже самые великие люди говорили, что лучше этого ничего на свете нет!

Тут школьная колонна приблизилась к трибуне, духовой оркестр грянул «Москву Майскую», и разговор заглох.

Во второй четверти представился случай увидеть женскую школу поближе, чем на демонстрации. По воскресеньям для школьников со всего города начали устраивать культпоходы в театр на дневные спектакли. В первом культпоходе смотрели «Молодую Гвардию», билеты давали бесплатно. К началу – к одиннадцати утра – собрались зрители, человек восемьсот, с шестого по десятый класс, да еще учителя. В антракте после первого действия все зрители высыпали в фойе и стали плотно вдоль стен, в середине образовался круг. Появился духовой оркестр и заиграл «Цыганочку». Танька Андреева из десятого класса, помахивая платочком и подбоченясь, поплыла по кругу одна – не зря ее зовут «королева»! Все захлопали в такт, а Танька, поравнявшись с высоким парнем (Игорь узнал его – вот он, «Черт в коляске» из танцевальной студии!), всплеснула руками и рассыпала в переплясе дробный «отбой», – это было приглашение, «Цыганочку» они заканчивали вместе. Потом раздались звуки «Гопака», и в круг вытолкнули двух девчонок, за ними выскочил еще один из Игоревой школы, из девятого класса. Пока смельчаки плясали народные танцы, остальные зрители в круг не выходили, стояли группами вдоль стен – школьники отдельно, школьницы отдельно; между группами прохаживались учителя.

После «Гопака» оркестр смолк, а в круге появился Василий Васильевич – высокий мужчина в черном костюме с галстуком, «дирижер танцев» из городского парка. В городе его знали и звали «Васвас»; именно этот дирижер выгонял с танцплощадки в парке те парочки, которые пытались танцевать иностранные танцы – танго или фокстрот. Василий Васильевич развёл руки и зычным голосом объявил, как на танцплощадке: – Комсомольский ручеек! Попрошу всех желающих пара на пару пройти в круг! Комсомольский ручеек!

В фойе возникло движение, некоторые зрители начали отходить от стен. Девочки-старшеклассницы брались за руки и, поднимая руки, шли пара за парой под медленную музыку; поднятые руки образовали живой коридор. Мальчики постарше, комсомольского возраста, пригнувшись, двигались поодиночке по этому коридору, высматривая, какую пару разбить, чтобы самому пройти за руку, с кем хочешь. Игорь приметил семиклассницу в коричневом форменном платье и в парадном белом фартуке, узнал, что это – Люда из Третьего Южного, хотел подойти в «ручейке», но боялся, что в классе засмеют – «девчатник». Пока думал, раздался звонок – конец антракта.

Началось второе действие, длинное, в три картины; Игорь из партера выследил, что Люда сидит на балконе, тоже пересел на балкон и стал ждать второго антракта.

Во втором антракте события развивались быстрее. Народных танцев не было, а Василий Васильевич сразу встал перед оркестром и объявил, звонко и раскатисто: – Краковяк! Движения этого танца мало кто знал, только несколько пар, девчонки с девчонками, кружились по фойе. Оркестранты быстро закончили краковяк, и Васвас тут же, без перерыва, выкрикнул: – Танец конькобежцев! С «конькобежцами» было проще – пары брались за руки крест-накрест и прыгали скользящими движениями, как по льду. Говорили, что раньше этот танец назывался по-французски «па- дэ-патинер», а теперь, чтоб не было иностранных слов, перевели это название на русский, вот и получился «танец конькобежцев». Пока Игорь высматривал Людю, та уже скрестила руки с какой-то девчонкой и вышла в круг – упустил!

Сразу после «конькобежцев» оркестр ушел, исчез и Васвас. Зрители постояли в фойе до звонка и – всё, антрактов больше не будет! – пошли смотреть третье действие, последнее. – Ничего, – обнадеживал себя Игорь – Шарик обещал, что скоро – новый культпоход, и пьеса интересная, про партизана Котовского, героя Гражданской войны. Недавно про него кино смотрели, он, оказывается, голову брил наголо; после этого про лысых стали говорить «пострижен под Котовского».

В канун Нового года пришла пора вступать в комсомол. На пионерском сборе всем давали рекомендации; родители тоже присутствовали, задавали вопросы. Когда подошла очередь Игоря, чей-то дедушка поинтересовался: – А он – не хулиган, в драке-пьянстве не участвует? Услышав, что не участвует, дедушка тоже поднял руку – принять. Однако, это было только начало, а принимали окончательно в райкоме комсомола, с каждым беседовали отдельно. Игоря спросили: – Кем хочешь быть, о чём мечтаешь? – Хочу быть математиком. – Учителем математики? – Нет, учёным... – М-да... А о рабочей профессии не думал? Интересные профессии – водитель трамвая, машинист подъемного крана, тут и математика пригодится. Вот Сергей Петрович Лупинов – наш депутат в Верховном Совете СССР, токарь-скоростник, рабочая косточка; после семилетки окончил техникум, сейчас работает в цехе и учится в вечернем институте. Такие люди – наши маяки! Подумай...

Игорь кивнул, и его приняли в комсомол – на целых четырнадцать лет: ему сейчас четырнадцать, а в этом союзе молодёжи состоят до двадцати восьми. Когда пришел домой, его особенно горячо поздравила Станислава Борисовна. Поздравила, а у самой неприятности на работе; хоть она и говорит всегда про борьбу за мир и великие стройки коммунизма, и кружок текущей политики для сотрудников института ведёт, а трудность возникла: когда в кружке обсуждали, как сильна дружба народов СССР и Китая, один слушатель кружка, доцент Купцов, вдруг сказал: «Ещё неизвестно, как поведёт себя Китай». Специальная комиссия разбирала эти слова и решила, что в недомыслии доцента виноват не он сам, а виновата Станислава Борисовна, которая плохо учит кружковцев; к тому же у неё обнаружили родственники за границей. Станиславу Борисовну выгнали из института с кафедры марксизма-ленинизма, и теперь она – учитель истории в вечерней школе, в ШРМ, там, где Евдак. Однако, сейчас она радостно говорила Игорю, какое это счастье – состоять в комсомоле, а он, молча, недоумевал: «Всегда одну пластинку крутит, как будто не её за дверь выставили».

Летних каникул на этот раз Игорь ожидал с нетерпением: матери на работе заплатили сверхурочные, и возникла возможность съездить в отпуск в Москву, после десяти лет разлуки увидеть родственников и Игорю Москву показать. На родительском собрании в конце седьмого класса Шарик вручил ему похвальную грамоту и торжественно объявил:

– Игорь Стекольщик – наш кандидат на золотую медаль! – так что поездка в Москву стала заслуженным подарком.

Поезд до Москвы шел почти четыре дня, достать билеты было непросто – очередь в кассу занимали задолго, кто-нибудь был «наблюдающим», составлял список с номерами и каждый день устраивал переключку. Билетами запаслись за месяц до отъезда – два места, верхняя и нижняя полки в плацкартном вагоне. Однако, как пришли на посадку, – верхнее место занято; там разместились какая – то тётка, у которой был билет на неудобное боковое место. – Это – наше место, я за него заплатила, вот наш билет, – мать пыталась показать билет тётке, но та отмахивалась: – Ничего, парень молодой, на боковушке доедет! С соседних полок тётку поддерживали: – Ишь, барыня, заплатила... В этот раз Игорю повезло – тётка сошла на следующий день, и он смог занять свое спальное место на верхней полке. Однако, почти весь день он ехал, стоя в тамбуре: там было удобно смотреть в окошки на обе стороны дороги. Мелькали телеграфные столбы, падали вниз и взлетали вверх провода на столбах, и Игорю казалось, что он и сам все дальше отлетал от Медногорска.

В тамбуре попутчик, севший по дороге, крепкий, наголо бритый мужчина в кителе без погон, похожий на снабженца, охотно объяснял Игорю, как он попал в поезд: – Прихожу на станцию, билетов нет, а там – два полковника, Герой Советского Союза – и все ждут... Ну, да меня диспетчер знает, знает, что за мной не заржавеет – вот, я и еду... Новый пассажир рассказывал про станции, через которые проезжали, советовал, где что покупать: – Скоро будет Абдулино, здесь лук берут, – и точно, на станции к поезду бежали женщины, намотав на шею гирлянды луковиц. – Через четыре часа – Пухово, там платки пуховые... Заглушая снабженца, с грохотом промелькнул встречный поезд. Игорю захотелось воспользоваться заминкой и вставить слово. – Я в «Занимательной Механике» читал, что поток воздуха вблизи мчащегося поезда может затянуть человека под колеса. Молча выслушав эту новость, снабженец продолжал: – Сейчас к Семикозову подъезжаем; тебе валенки на зиму нужны? Мне Витявский, еврей, говорил, что здесь можно чёсанки хорошие взять рублей за двадцать.

– И что это он про Витявского? – недоумевал Игорь. – Намекает, что ли, чтоб не умничал со своей механикой, грамотей?

Так, в разговорах, доехали до Москвы.

В Москве остановились у двоюродной тёти возле станции метро «Дворец Советов». Устав после первых разговоров, вышли пройтись по столице, как сказала мать, «вдохнуть московский воздух». Подходя к Центральному телеграфу, Игорь увидел, как по осевой линии улицы Горького мчались друг за другом три одинаковых чёрных «ЗИС»а. Машины

шли «верёвочкой» – средняя обгоняла первую, потом последняя обгоняла среднюю и занимала ее место, потом сама становилась первой ... «Верёвочка» вилась непрерывно, прохожие, не обращая внимания, равнодушно глядели по сторонам. Игорь, застыв на ходу, уставился на машины, но тётка резко дернула его за руку и быстро увела в переулок. Отойдя подальше и оглянувшись, она шепотом объяснила, что это ехал кто-то из «больших людей», может быть, сам Сталин.

Через несколько дней Игорю захотелось побродить по столице одному, без родственников, почувствовать себя самостоятельным. Тётя предупредила: – В Москве народ разный, с посторонними не болтай; если видишь в толпе, у кого ухо висит, – отойди подальше! Игорь не понял, но переспросить про ухо постеснялся.

Первая самостоятельная прогулка по столице была прекрасна. Взяв с собой, как настоящий путешественник, блокнот и самописку, он дошёл до парка Горького, съел три сорта мороженого. В парке он увидел ларёк с газированной водой и, под стеклом, длинный список сладких сиропов, которые добавляли в газировку. Очереди у ларька не было, только какой-то мужичок в байковой куртке, похоже, пьяный, дремал, облокотясь на прилавок и прикрыв лицо кепкой. Игорь подошёл к прилавку, выпил по стакану «черносмородинной» и «малиновой» и, достав блокнот, начал записывать названия остальных соков: «яблочный», «грушевый» – известно, что путешественникам полагается делать путевые заметки. Тут он вздрогнул: кто-то крепко взял его за руку. Игорь оглянулся – над ним возвышался мужик, казалось, дремавший у прилавка; сейчас он распрямился, а его злые маленькие глазки торопливо обшаривали Игоря. – Ты что записываешь? – мужик схватил блокнот и прочитал: ...яблочный, грушевый... – это что такое? – Я – приезжий, у нас таких сиропов нет; когда приеду, хочу в школе рассказать про Москву, – Игорю казалось, что его голос звучит спокойно. Мужик еще раз пролистал блокнот – тот был пуст, и вдруг отпустил почему-то приезжего пацана, отдал блокнот, а потом опять согнулся, как пьяный, и замер у края прилавка, прикрыв лицо кепкой. – Вот оно – «ухо висит», – обожгло Игоря, когда он быстро пятился от ларька; он почувствовал себя, как моряк, проплывший в лодочке возле верхушки айсберга.

7. Дети и деньги

В восьмом классе первое сентября – особый день : можно приходить в школу с прической, дежурные не остановят. Правда, в парикмахерской делают только три мужские стрижки – «бокс», «полубокс» и еще «с пробором», но выбирать приятно, а главное – стричься «под Котовского» не заставляют: как-никак – старшеклассники, повзрослели.

Игорь тоже пришёл «с пробором», но чувствовал себя повзрослевшим по другой причине: после поездки в Москву ему захотелось побывать и в Ленинграде, а для этого нужны были деньги. Зная, что мать дает уроки английского языка для детей в богатых семьях, у заводских начальников, он тоже попытался стать домашним учителем.

– Раньше, до революции, студенты давали уроки, гимназисты давали уроки, а я чем хуже? – убеждал себя Игорь, видя, что в классе никто этим не занимался.

Урок вскоре нашёлся – требовался репетитор по арифметике для сына главного инженера завода. Главный инженер жил в отдельном коттедже в «Дубках», его жена ездила в магазин на прикрепленной «Победе». «Начальнички, – посмеивался Алексей Михальч, – новый класс; Маркс и Энгельс его не предусмотрели!» Юный жилец коттеджа, Эдик, еле переполз в шестой класс и уже успел отказаться от двух взрослых репетиторов – не понравились. Летом в пионерлагере Эдик не поладил с отрядом: в столовой кто-то плюнул ему в кашу, он визжал и больше не хотел идти в столовую. Барчонка забрали домой, и родители решили, что школьник, почти сверстник, сможет сладить с капризным Эдиком. Урок арифметики длился полтора часа, Игорю платили за урок два рубля – это была его первая зарплата! – и ещё угощали домашним пирожком или стаканом компота. Занятия проходили дважды в неделю, и Игорь оказался хорошим репетитором: чтоб оживить занятия, он перебирал старые учебники в библиотеке, находил даже задачи в стихах. Так, вместо нудного начала «...бассейн наполняется двумя трубами; определить...» Игорь приносил задачу, которую решали гимназисты во времена Пушкина, может, и Пушкин пытался решать:

«Нововыезжей в Россию французской мадаме

Вздумалось ценить свое богатство в чемодане;

Оценщик был русак, сказал мадаме так:

Богатства твоего первая вещь – фуру

Вполчетверта дороже чепца «фигаро»;

Настоящая им цена – не с половиною четыре алтына,

Но ровно сего половина.

Спрашивается каждой вещи цена,

С чем француженка к россам привезена».

Такие уроки Эдику нравились, и к концу шестого класса он имел по арифметике твёрдую четвёрку, а главный инженер здоровался с Игорем за руку. К концу учебного года Игорь заработал на билет в Ленинград и обратно, хватало даже на подарок для матери – он мог оплатить часть её билета.

Об этом репетиторстве никто в школе не знал; школьная жизнь текла стороной. Новый классный руководитель (русский язык и литература) только начала работу в школе. Из-за толстых русских кос вокруг головы ее звали не «русачкой», как других ее коллег, а «русалкой». «Русалка» сразу начала бороться за «чистоту русского языка». Для чистоты языка восьмиклассников обязали заучивать наизусть не только стихи, но и куски прозы («Эх, тройка, птица – тройка»). Новым начинанием были и вопросы – перевёртыши:

– Кого звали Николай Васильевич? – Надо было отвечать: – Гоголя.

– Кто родился в 1814 году, а умер в 1841? – Лермонтов.

«Русалка» провела и первое комсомольское собрание класса; быстро выбрали комсорга, культорга и физорга. Комсоргом сразу назвали Петю Денисова. Он занимался в конькобежной секции на стадионе, ходил в аккуратной серо-коричневой куртке со значком третьего разряда по лёгкой атлетике, учился без троек, любой вопрос умел «трактовать в свете мировой революции». Выбор был правильный: посылали Петю приветствовать слёт юных легкоатлетов – он заканчивал приветствие красиво: – Позвольте пожелать собравшимся успехов не только на беговой дорожке, но и у классной доски! Нужно было на политинформации рассказать про «банду Тито» или реваншистов из Западной Германии – Петя клеймил их, презрительно сжав губы и гневно, с присвистом, дыша сквозь ноздри, как Ярослав Исидорович из райкома.

На общешкольном комсомольском собрании Петя тоже не подкачал: когда выбрали президиум собрания – секретаря комитета ВЛКСМ, директора школы, Ярослава Исидоровича – Петя вскочил и звонко отчеканил: – Предлагаю избрать в Почетный Президиум весь состав Центрального Комитета ВКП(б)! Все поднялись с мест и захлопали; в задних рядах, где уселись те, кто раньше пришел, тоже встали и перестали шептаться. Там в это время обсуждали новости про «дело инкассатора», о котором говорил весь город. Недавно банда грабителей напала на инкассатора, когда он вечером отвозил на лошади деньги в банк. Инкассатора застрелили из обрезка, сумку с деньгами унесли, лошадь одна дошла до банка. Через несколько дней бандитов нашли, среди них были и два десятиклассника из девятой школы, один – сын школьной технички, отца нет, у другого отец – завмаг. Объясняя на суде, зачем грабили, сын технички сказал:

– Я не хотел, чтобы моя мать всю жизнь мыла школьную уборную.

В речах с трибуны собрания это происшествие не упоминали, а в городе все удивлялись, зачем сыну завмага быть бандитом: – И что ему не хватает? С жиру бесится...

Суд по этому делу был закрытый, а после суда в городской газете появилась статья на пол-листа: не упоминая про банду, автор советовал разъяснять детям, что значение денег в нашем обществе убывает, а в будущем, при коммунизме, из золота будут строить общественные уборные.

По совету «Русалки» культоргом класса выбрали Игоря – человек стенгазету выпускал, в Москве был. Для культоргов первое дело – готовить совместные вечера с соседней женской школой. Вечера устраивались на Седьмое Ноября, Новый Год, Восьмое Марта и Первое Мая и состояли из трех частей:

1. Доклад о международном положении и новых успехах СССР;
2. Художественная самодеятельность;

3. Танцы.

Доклад, минут на тридцать, обычно делал кто-то из мужской школы, самодеятельность – какой-нибудь отрывок из Гоголя или Островского, соната на пианино, можно стихи советских поэтов – занимала около часа. На первый вечер, Седьмое Ноября, женская школа приготовила отрывок из «Мёртвых Душ» – встречу «дамы просто приятной» и «приятной во всех отношениях», а мужская – сцену Фамусова и Чацкого из «Горя от ума». С этой сценой произошел конфуз: восьмиклассник, по кличке «Жиртрест», выбранный на роль Фамусова за высокий рост и заметный живот, никак не мог запомнить слово «куртаг» из монолога про придворного вельможу «на куртаге ему случилось оступиться», так и на концерте сказал: «...на кураге ему случилось оступиться».

Потом началось главное – танцы, часа полтора. Смелчаки приглашали девочек, говорили о высоком: кто больше нравится – Пушкин или Лермонтов, или – кем быть. Танцы шли под радиолу, пластинки приносили сами, а дежурный учитель Петр Федорович (Петя-Федя) отбирал подходящие:

– Вальс? Давай. Вальс-бостон, фигурный вальс – м-гм...

Фокстрот? Ладно, один раз, фокстрот «Бомбардировщики», там, где песня:

«Ну, дела, ночь была,

Все объекты разбомбили мы дотла!»

Песня из кино «Искатели счастья» тоже для фокстрота годится:

«На рыбалке, у реки

Тянут сети рыбаки...»

Это что – джаз? Убери. Убери, тебе говорят! Еще Горький про джаз писал: «Музыка толстых», и в «Комсомолке» недавно статья про это была; правильная статья, так и называлась: «Антимузыкальная джазамериканщина».

Весь вечер Петя-Федя дежурил у радиолы, в полдесятого последний вальс – и все, по домам.

Когда Игорь был в Москве, увидел на улице Горького знаменитый «Коктейль-Холл», сборище стилиг: брюки-дудочки на молниях, пиджаки – мешком, прическа – Тарзан. Про них даже фельетон был в «Комсомолке», назывался «Плесень». В Медногорске «Коктейль-Холла» нет, но стилиги свои тоже нашлись. Вскоре и «плесень» своя обнаружилась: собрались как-то вечером десятиклассники на именины, потанцевали под пластинки, а один, Миша Похвалинский, говорит: «А я сам слова для танго сочинил; хотите послушать?» Все захлопали, и Миша прочел нараспев, ритмично, как под саксофон:

«В туманном Лондоне часы Вестминстера

Над тёмной Темзою протяжно бьют,

А в ресторанчике Вильямса мистера

За круглым столиком едят и пьют.

Почтенный сэръ сидит с сигарою

И кофе пьёт миссис Джанет...

Англия добрая, Англия старая –

Тебя уж нет...»

Всем понравилось, а Славка – музыкант даже слова записал, обещал потом на ф-но музыку подобрать; обещал, а сам в райком комсомола побежал – стихи про «туманный Лондон» показать, о чуждых веяниях сообщить. Похвалинскому на собрании «строгача» вlepили за моральное разложение.

«Хвалиться меньше будет» – пошутил Славка-музыкант.

Весною Игорь сам чуть не стал героем комсомольского собрания: в школе узнали о его платных уроках арифметики.

С таким нарушением школьной педагогики коллектив еще не сталкивался. Одни с любопытством расспрашивали, сколько платят, другие шипели: – Спекулянт!

– Как ты смеешь брать деньги за уроки? У нас образование бесплатное! – надрывалась «Русалка».

– Помогать товарищу за деньги – позор для комсомольца! – выкрикивал комсорг Петя.

Мать вызвали в школу, велели прекратить уроки:

– Зачем школьнику деньги так рано? Вы уродуете жизнь сына!

Игоря спас счастливый случай. Математичка, «Калория», устроила в апреле длинную контрольную работу по алгебре; каждому был отдельный вариант, писали два урока и большую переменную между ними. На перемене «Калория» вышла из класса, и сосед с задней парты тут же протянул Игорю свой вариант. Подсказав ему, что делать, Игорь двинулся по ряду, быстро «щёлкавая» уравнения на каждой парте, – не зря были его тренировки по десять задач в день. В классе стояла тишина, Игорь играл с уравнениями, как автомат. Он успел дойти до «Камчатки» и пройти еще две парты обратно, когда

вернулась математичка. Добрая «Калория» сказала только: «Сядь на место», зато позже на Игоря напустилась «Русалка»:

– Срываешь контрольную работу! Совсем распустился, думаешь, золотая медаль у тебя в кармане?

Однако, на этот раз мать в школу не вызвали – контрольную сорвал, но без хулиганства. Про историю с заработком тоже замолкли – может, не хотели задевать главного инженера. А вот массовую подсказку на контрольной по алгебре в классе одобрили. Игорь предложил организовать математический кружок, обещал показать, как легко и с удовольствием писать контрольные. Назначили день, но на первое занятие кружка никто не пришел, на второе – тоже. Когда Игорь ждал в пустом классе, заглянул Витёк и спросил:

– Тебе что, больше всех надо?

Умный Витёк уже знал эту первейшую заповедь своего времени.

После такого алгебраического марафона у Игоря появилось новое прозвище: был «стеклянный», а стал «Игрек». Необидная кличка: и про алгебру напоминает, и на «игрока» похоже и что-то таинственное, как «мистер Икс» из оперетты. Кличка «Игрек» создавала ореол среди девочек из музучилища. Рассказывая эту историю знакомым, Игорь охотно добавлял мораль, как в басне:

Всегда укроет вас Урания

От комсомольского собрания.

– Всегда ли? – переспросил недоверчивый Алексей Михалыч; похоже было, что он знал и иные примеры.

Интерес Игоря-Игрека к математике начал прорастать и в другие предметы. На географии он долго пытался понять, что мешало наклеить гладко карту СССР на глобус, – на карте получались складки, геометрия не позволяла. Калейдоскоп был поставщиком разноцветных многоугольников фантастической симметрии. В учебнике древней истории Игорь разглядывал изображение Архимеда, удивляясь, откуда взят этот профиль, – портреты тогда не писали. А однажды ему приснился Ньютон с картой мира в руке, но почему-то в белой тоге римлянина...

Деньги на поездку в Ленинград Игорь заработал, но поехать не пришлось. В июне мать уволили из Института – выгоняли космополитов (когда-то Джордано Бруно сам придумал себе титул Космополит – Гражданин Мира и гордился этим титулом, а сегодня это – волчий билет для всех «безродных» и «некоренных»); гнали и тех, кто был в оккупации; уволили даже двух «шанхайцев» – так называли русских эмигрантов, которые вернулись из Китая. Все это называлось «сокращением штатов»; шел 1952 год.

– У нас кадры засорены, надо очистить кадры, – повторял полковник Котляков, начальник военной кафедры Института, он же – секретарь партбюро.

Полковник Котляков жил в том же доме, где и Игорь, и уже полгода не здоровался ни с ним, ни с его матерью, отворачивался брезгливо, – видно, загодя готовился кадры чистить.

8. «Орден Сталина»?

В девятом классе появился новый предмет – психология. Сначала разбирали человеческие качества на примерах литературных героев: скупость – Плюшкин, лень – Обломов, страх – пушкинский Борис Годунов. Потом запоминали по порядку шкалу человеческих дарований; учитель, Николай Фёдорыч, загибал пальцы, все хором повторяли: – Способность! Одаренность! Талант! Гений!

Дальше пошли ответы на вечные вопросы: – Что такое свобода? – Свобода – это осознанная необходимость. – Какой поступок является моральным? – Морально то, что полезно для диктатуры пролетариата. Николай Фёдорыч был умелый учитель – готовые ответы вбивал, как гвозди заколачивал.

«Русалка» тоже требовала «фактические знания»: осенью на съезде партии в Москве один важный докладчик заговорил о литературе и указал, что такое «типическое» – не типичное, как раньше говорили, а именно «типическое». После этого все должны были заучить, что «типическое – это не то, что часто встречается, а то, что наиболее полно отражает передовые тенденции в обществе»; однако, даже такой цитаты было недостаточно, и «Русалка» напоминала: – Кто не выучил отрывки из статьи Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции»? Завтра – классное сочинение!

– Сто человек пьют – это не типическое, один не пьёт – это типическое – насмешливо применял Витёк новые знания к жизни, а недавно, перед открытием съезда, он возвращался с Игорем из школы, и вдруг, оглянувшись, зашептал: – Вчера по Би-Би-Си передавали: «Скоро в СССР начнется спортивный праздник; участники будут по команде вставать, садиться и хлопать в ладоши»; это они про съезд – совсем понизил голос Витёк. – Понимаю, почему кое-кто хочет быть невидимкой – улыбнулся Игорь. Приёмника у него не было, был только репродуктор, «Говорит Москва».

Другой новый предмет «Основы Дарвинизма» вёл Валентин Ильич, бывший пехотный политрук. Его уроки строились по принципу «а у нас – все наоборот»: на Западе говорят про «убывающее плодородие почвы», а у нас – «закон возрастающего плодородия». На Западе продажные биологи разводят мух якобы для опытов, а у нас – в песках цветут сады. У них в почёте мракобесы – лжеучёные, которые нарочно путают биологию с физикой, а у нас – преобразователь природы Мичурин и его последователь – академик Лысенко. Отвечать Валентину Ильичу было нетрудно, ниже четвёрки никто не имел.

От должности культорга Игорь в девятом классе отказался – надоело устраивать совместные вечера и культпоходы с соседней женской школой, каждый раз одно и то же. Ему больше нравилось бывать в музыкальном училище – там было нескучно, ставили музыкальные капустники, от заезжих артистов узнавали московские театральные анекдоты и не стеснялись слова «любовник». В такой компании Игорь встречал на домашней вечеринке 1953 год. Выпив по рюмке портвейна, играли в «цветочный флирт»: все садились в круг, разбирали имена – роза, лопух, даже рододендрон - и начинались короткие диалоги:

– Ой!

– Что с тобой?

– Влюблена!

– В кого?

– В лопуха! – а он в ответ: Ой! ... В фиалку!– и так далее.

Это были первые намёки перед танцами. Вальсы надоели на школьных вечерах, сюда приносили старые затёртые пластинки с фокстротами. Было и новое танго, прямо к случаю:

«Новый Год; зимой суровую

Колочей проволкой наш лагерь обнесен...»

Пока кто-нибудь менял пластинки – остальные играли в «бутылочку»: закрутят пустую бутылку, и, на кого она покажет после остановки горлышком и донышком, – те целуются, а их платком загораживают.

Так провели новогоднюю ночь, а тринадцатого января – в Старый Новый Год – газеты и радио сообщили, что в Кремле раскрыт заговор врачей – евреев, которые под видом лечения хотели убить вождей СССР. Всех этих профессоров разоблачила простая женщина, рядовой врач – Лидия Тимашук. Её наградили орденом Ленина, в газетах её называли «русская душа» и открыли новую рубрику – «Почта Лидии Тимашук»: рабочие и учёные, колхозники и поэты, артисты и врачи писали и требовали покарать агентов международного сионизма в белых халатах. С первого дня кампании Игорь начал делать вырезки из газеты «Правда», чувствовал: это – история.

В школе Ярослав Исидорович, вскидывая голову, призывал усиливать бдительность. В других местах ее тоже усиливали: сидя в поликлинике в очереди у зубного врача, Игорь слышал, как тётка из другой очереди вопила на весь коридор:

– Детей спасайте, детей! В хирургии врач Коган детям рак прививает!

В магазине аккуратно одетый мужчина, с портфелем, вдруг встал в очереди впереди Игоря. Он не промолвил обычных объяснений вроде «Я здесь раньше занимал», а просто подошел и встал. Игорь попытался что-то сказать, но в ответ услышал: – Ты что – ситуации не понимаешь? Вашей нации сейчас помалкивать надо! Выходить на улицу Игорю не хотелось, и, чтоб не завывать, он читал биографию Ньютона: «Силой разума, почти божественной, с факелом математики показал он движение планет, пути комет и приливы океанов». Читал – и сравнивал с очередной газетой: – Где-то – «сила разума», где-то – «факел математики», а кругом – массовый психоз, и все ждут – вот-вот суд, приговор, финал. Какой будет финал – и думать не хотелось; из Москвы доходили зловещие слухи.

Финальный свисток раздался с другой стороны. Первого марта по радио сообщили, что у Сталина удар, а пятого он умер; до дня похорон, 9 марта, был объявлен траур. Ещё до этого дня Игорь и его музыкальные друзья собирались устроить вечеринку, потанцевать на Восьмое марта. Траур был, но был где-то далеко, в Москве, а терять вечеринку не хотелось; компания собралась на квартире, где встречали Новый Год. Приглушив музыку и опустив шторы, они танцевали в полутьме, хотя на следующий день на траурном митинге многие утирали слезы. О сотнях людей, погибших в эти дни возле Дома Союзов в Москве, никто не сообщал.

«Безграничная скорбь», переполнявшая газеты и передачи по радио, наводила на мысль, что сейчас будет учрежден «орден Сталина», такой же высокий, как и орден Ленина: ведь даже в детском саду знали, что «Сталин – это Ленин сегодня». Однако, похороны закончились, газеты стали возвращаться к обычным сообщениям, писали о весенней страде в колхозах, об окотной кампании в Казахстане, а нового ордена все не было. – Смотрите, не ввели орден Сталина, – обронил Игорь на уроке у Алексея Михальча. Тот равнодушно подтвердил: – Нет, не ввели, – и вдруг, глядя в глаза ученику, добавил кратко и веско: – Всё!

«Дело врачей» тоже исчезло из газет, – казалось, рука судьбы замахнулась, но замерла. В тревоге и неизвестности тянулся март, начался апрель...

Четвёртого апреля – Игорь запомнил этот день – он вышел утром из дому вместе с матерью; он – в школу, она – на работу (мать нашла работу в техникуме). Из соседнего подъезда вышел секретарь партбюро полковник Котляков; Игорь и мать отвернулись, чтоб не встречаться взглядом с полковником, который давно и демонстративно их не замечал...

– Здравствуйте, Софья Михайловна, как Ваше здоровье? – громкий приветливый голос шел непонятно откуда, кроме Котлякова никого рядом не было. – Здравствуйте, давно Вас не видел, – это сам Котляков приближался к ним, радостно улыбаясь и приветственно приподымая руку.

– Вот и молодёжь подрастает, – теперь секретарь улыбался Игорю. – Скоро школу оканчиваем? В институт поступать будем? Молодёжь обязательно должна учиться! – и, помахав перчаткой, секретарь зашагал к трамваю.

Застыв на месте, Игорь и мать молча глядели друг на друга. Через несколько секунд их вернул в чувство пробежавший мимо Николай Павлович: – Радио не слушали? Ничего не знаете? Врачей освободили! Следователя посадили! У этой орден забрали! Отбой!

Прыгая через две ступеньки, Игорь влетел домой, включил репродуктор. Дикторский голос чеканил:

...состав преступления отсутствует, а так называемые признания обвиняемых были получены с помощью методов, строжайше запрещенных советским уголовным правом...

...всех обвиняемых реабилитировать и из под стражи освободить... ... указ о награждении врача Тимашук отменить, как утративший силу...

... честных врачей оклеветал бывший следователь по этому делу; он изобличен как изменник Родины и уже расстрелян...

Короткая пауза – и диктор повторил все сначала. – Котляков-то, видно, с утра пораньше «последние известия» по радио слушает, – вспоминал Игорь утренний случай.

Вечером мать рассказывала, что сегодня на работе многие сотрудники вместо «Здравствуйте» говорили «Поздравляем!»

В газете было то же сообщение, что и по радио, да ещё передовая про дружбу народов. Больше к теме врачей-убийц газеты не возвращались; однако, оказалось, что коллекцию вырезок заканчивать рано.

Вскоре после летних экзаменов Игорь зашел в школу, чтобы взять свою похвальную грамоту за девятый класс. Возле пионерской комнаты он увидел что-то непонятное: Ярослав Исидорович держал в руках швабру на длинной палке и, подпрыгивая, пытался палкой сбросить с крючка портрет министра внутренних дел СССР Берии. Рядом стоял Шарик и задумчиво глядел на большую картину «Товарищи Сталин и Берия на озере Рица». Оказывается, только что по радио сообщили об аресте Берии и полдюжины его генералов. Всемогущий сталинский палач оказался английским шпионом. Через несколько дней мужики в очереди возле бани делились слухами об этом аресте:

– Старые большевики Молотов и Маленков давно испытывали к нему недоверие, решили пойти к нему, поговорить; пришли – а он у приемника сидит, слушает «Голос Америки»; тут его и взяли.

Через несколько дней появилась и народная частушка:

Берия, Берия, потерял доверие,

Как товарищ Маленков надавал ему пинков.

Выдрали его фото из учебников, статью про него в Советской Энциклопедии заменили расширенной статьей про известного мореплавателя Беринга и всё – газеты его не вспоминают, пишут о жатве на Кубани.

Еще в апреле Игорь случайно узнал в библиотеке Дворца Metallургов, что областной пединститут посылает летом специальную экспедицию – собирать заводской фольклор в районе Медногорска. Это была возможность пропутешествовать по новым местам, и знакомые библиотекари представили Игоря Сергею Петровичу, начальнику экспедиции. Он объяснил Сергею Петровичу, что хочет поехать в экспедицию, потому что интересуется, как возникают новые слова, как корни слов переходят из одного языка в другой.

– Какие, например, слова? – любопытствовал начальник. – Пожалуйста, в начале века вместо слова «фотографировать» говорили «кодакировать», был фотоаппарат «Кодак». – Ладно, а еще? – А в конце прошлого века армейский писарь назывался «ремингтонист», от пишущей машинки «Ремингтон». – Значит, языками интересуешься; а знаешь, что такое «жор окуней» – это когда окуни жрут или их самих жрут? – по шутливому вопросу Сергея Петровича было видно, что он согласен взять Игоря.

Участникам экспедиции велели прихватить с собой, кроме запаса продуктов, по три пачки рафинада и по бутылке водки.

Игорь экипировался по-походному – на голову натянул старый летный шлем из потертой кожи, к поясу прицепил треугольную велосипедную сумку, издали похожую на милицескую кобуру; через плечо – фотоаппарат «Зоркий». Набившись в кузов грузовика-трёхтонки, собиратели фольклора приехали вечером в маленький уральский посёлок, где во времена знаменитого заводчика Демидова жили углежогн. Перед отъездом Игорь прочитал «Уральские Сказы» Бажова и ожидал услышать что-нибудь новое про Хозяйку Медной Горы. Разместившись в начальной школе – серой покосившейся избёнке и покидав немного волейбольный мяч, начали готовить ужин. В это время подошли поселковые ребята и попросили мяч – тоже хотели поиграть.

– Его спустили, – сказал кто-то из городских. – Куда спустили? – не поняли ребята; они никогда не видали спортивных мячей с крышкой и камерой, которую надувают и спускают. Игорь, знакомый лишь с Медногорском и Москвой, начал открывать для себя новый пласт жизни.

С утра пошли искать сказителей. Местные бабушки отказывались петь, пока не дадут сахар или не нальют водку – это в посёлке давно не видели; опытный Сергей Петрович знал, что брать в экспедицию! Получив аванс, старушки запевали, но песни и присказки были матерные, на бумагу не ложились. Единственной добычей первого дня, которую можно было записать, стала частушка – отголосок войны:

Танк танкетку полюбил,

В лес дружить ее водил.

От такого романа

Вся роща переломана.

На следующий день блокноты собирателей обогатились только двумя строчками – припевом к песне:

Ой, вы, кши, вы, кши, воробьи,

Полетайте-ка вы на дубьи!

– Рифма – как у раннего Маяковского, – одобрил Сергей Петрович, – но для отчёта не годится; песни надо отредактировать.

Что значит «редактировать», Игорь понял, когда начальник сам сочинил для отчета образец «заводского фольклора»:

Медь в печах варится горяча,

В доме лампочка сияет Ильича.

Пожив три дня в поселке, путешественники устроили недельный поход на гору Иремель. Здесь, по преданию, Демидов принимал высоких гостей, даже губернатора, выстроив для них дорогу на гору и хоромы на вершине. Однако демидовские мастеровые, спрятавшись в кустах у вершины, забросали губернатора и свиту камнями, и те скатились вниз, теряя парики и обдирая наряды...

Поднимаясь в гору по заросшей просеке, где, похоже, проходила губернаторская дорога, походники нашли в лесу остатки старинной соляной варницы.

– Давай, «кодакируй» варницу и нас всех! – скомандовал Сергей Петрович Игорю; сделали фото, обмерили развалины, так что теперь в отчете будет не только самодельный фольклор. С другой стороны горы пролежала ржавая узкоколейка, пыхтящий мотовоз таскал маленькие вагончики – совсем как детская железная дорога в парке в Медногорске. На этом «рабочем поезде» доехали до районного центра. Там у станции был базар, а на базаре – незнакомая сладость – рахат-лукум. Пока Игорь покупал восточный деликатес для подарков медногорцам, этот покупатель в закопченном лётном шлеме, в прожжённых штанах и с кобурой на поясе привлек внимание милиционера. Только что прошла бериевская амнистия, а документов у странного покупателя не было. Так он попал в отделение милиции, откуда его через час вызволил Сергей Петрович. –«Доставлен в отделение»? Поздравляем с первым «приводом» – радовались собиратели фольклора. – Дай Бог, не последний!

У этой интересной экспедиции было необычное завершение. Когда вернулись в Медногорск, начальство решило, что Игорь, как самый юный участник, должен выступить по местному радио. Игорь сочинил рассказ на две странички про бунт демидовских

рабочих на «губернаторской» дороге; про «лампочку Ильича» и свои приключения на базаре умолчал. За неделю до выступления рассказ был сдан редактору. Когда, наконец, Игорь сел у микрофона, перед ним лежал его текст, отпечатанный на машинке; внизу были какие-то отметки и подписи. Он громко читал, а тётка, сидевшая рядом с ним, водила пальцем по строчкам такого же листка, держа палец другой руки на красной кнопке, как на курке...

– А студенческий фольклор вы не собираете?– спросил Алексей Михалыч через несколько дней после дебюта Игоря на радио. –

А то я давно – еще до революции!– в реальном училище учился, так у нас свой гимн был, гимн «реалки». Сейчас его никто и не помнит, хочешь послушать?

Когда реалка основалась,

Тогда разверзлись небеса;

Завеса надвое распалась

И стали слышны голоса:

«Курите, пейте, веселитесь,

Учить уроки не трудитесь.

Ведь карты, женщины, вино

Все на радость вам дано!»

Ну, чем не «Гаудеамус»?

Игорь рассказал «Гимн реалки» Сергею Петровичу, спросил, не собирает ли кто такой фольклор.

– Рано, – улыбнулся Сергей Петрович. – Пока ещё рано.

И верно – до КВН и студенческих капустников оставалось ещё несколько лет.

Многие годы спустя, живя в Москве, Игорь часто вспоминал вечеринку, устроенную в дни траура о Сталине. Он чувствовал, что это не было простое желание повеселиться – это был голос нормальной жизни на фоне казенного кликушества. В Москве Игорь знал ярких людей, знакомством с которыми гордился, – известные профессора, авторы открытий, а в прошлом – «враги народа». 5 марта каждого года – день смерти Сталина – был для них праздником; они собирались и, не произнося тосты, обсуждали новости, читали стихи и радовались жизни. День смерти Главного Упыря они праздновали как день рождения всех живущих.

9. Кем не быть?

В первый день десятого класса «Русалка» заговорила о выпускных экзаменах: – Наша цель – готовиться к выпускному сочинению. В сочинении должны быть тема и идея, и тема, и идея! Не забывайте в конце про связь с современностью, подбирайте эпиграф. Этой весной многие выбрали тему по «Мёртвым душам» Гоголя, были и хорошие концовки, вот, например: «И сегодня рыщет по свету заокеанский Чичиков, скупает по дешёвке мёртвые души – предателей и отщепенцев». Была бы пятёрка, да жаль – две запятых лишних поставил. А у этого-то, Похвалинского, – помните, танго свое сочинял, – тема была про «Поднятую Целину», а в конце он, видно, торопился и вместо «Великая Октябрьская Социалистическая Революция» писал сокращенно: В.О.С.Р.; ему за этот В.О.С.Р. оценку снизили – ишь, придумщик!

– Кругом полно сокращений, – удивлялся Игорь, – фотоаппарат ФЭД – «Феликс Эдмундович Дзержинский» – есть, токарный станок ДИП – «Догнать и Перегнать» (видимо, Америку) – пожалуйста, лампочка завода «Светлана» – «световая лампа накаливания» – в каждом доме, а В.О.С.Р. – нельзя... Запомним!

К подбору эпиграфа Игорь был готов. Еще с прошлого года он собирал подходящие высказывания в специальную тетрадь, цитатник. Если тема про прошлый век – эпиграф критический:

«Прошедшего житья подлейшие черты». (А.С. Грибоедов)

Если тема современная – тогда по-другому:

«Как сердце, Кремль – треугольный» (А. Михайлов).

Хорошо смотрелось и торжественное заключение, где было несколько славянских слов, например, «Земля оттич и дедич».

Некоторые фразы из цитатника не годились для сочинения, зато звучали таинственно:

«Всякая женщина – зло, но дважды бывает хорошей:

Либо на ложе любви, либо на смертном одре»

(Паллад Александрийский)

Этого Паллада Игорь никогда не читал, а строчки про «ложе любви», переписанные из повести Мериме «Кармен», охотно вставлял в разговоры с девочками из музучилища.

В отдельной тетрадке собирались цитаты для устного экзамена по грамматике: «Русалка» требовала, чтобы примеры на все правила синтаксиса были поэтические, или «идейные».

Даже для междометий «да» и «нет» были заготовлены примеры:

Да, наша производственная программа реальна.

Нет, у нас нет эксплуататорских классов.

Появился и новый предмет – логика. Учитель – длинный, вертлявый, со звучной кличкой «Бацилла» – обещал научить класс «мыслить логично, а говорить красноречиво». Всю первую четверть он объяснял, как давать определения предметам и понятиям:

– Что такое бег? Бег – это способ передвижения, при котором тело то соприкасается с почвой одной ногой, то летит в воздухе. Запомнили? Повторим!

Потом начались упражнения: – Что такое дверь? Ну? Вот Митрофанушка в «Недоросле» не знал, дверь – какое имя: существительное или прилагательное. И вы тоже сидите, как Митрофанушки. Ну, кто скажет? Все молчали – дверь и есть дверь, как ее определишь... – Дверь есть створ для входа и выхода, – назидательно изрек «Бацилла». – А что такое «створ»? – немедленно съязвил Сеня с «Камчатки». «Бацилла» рассердился и показал образец красноречия: – Опять урок срываешь? Прикуси свой длинный, красный, мокрый язык!

Покончив с определениями, перешли к законам логики, заучивали «закон достаточного основания»: «никакое суждение не может быть высказано без достаточного основания». Похоже, однако, что на уроках литературы этот закон нарушался: в январе задали домашнее сочинение по повести А. Толстого «Хлеб (Оборона Царицына)». Седаков переписал слово в слово прошлогоднее сочинение своего старшего брата на ту же тему, упомянув и о «водительстве великого Сталина», но получил четвёрку, хотя ошибок не было. Обиженный Седаков пошел объясняться:

– Ошибок нет – за что четыре? – Газеты надо читать, – сухо посоветовала «Русалка»; и правда, про покойного вождя в газетах вспоминали не часто.

Позже, в четвертой четверти, она еще раз отступила от старой программы. В конце курса советской литературы десятиклассники должны были знать поэтов из братских республик СССР – Джамбула Джабаева и Сулеймана Стальского. Рекомендовалось знать, как Джамбул описывает поездку в Москву на съезд колхозников, сравнивая поезд Алма-Ата–Москва с Тулпаром – крылатым конем из казахских сказок:

За мной Каганович Тулпара прислал,

Джамбул на Тулпаре в Москву поскакал.

Самовольно скомкав рассказ про этих поэтов, «Русалка» выкроила два урока для Шекспира, Сервантеса и Гете, и тогда многие юные медногорцы впервые услышали про Гамлета, Дон Кихота и Фауста, которых в школьной программе не было.

Каждый год в начале февраля устраивался вечер встречи старшеклассников с выпускниками прошлых лет. В президиуме, на сцене, сидели учителя и герои дня – немногие счастливчики, которым удалось изменить свою жизнь, вырваться из Медногорска, стать студентами в Москве или Ленинграде. Выходя к трибуне, каждый такой выпускник расправлял крылья и показывал, что он состоялся, что сегодня он – представитель МГУ или Физтеха в Медногорске:

–...мне жаль, что в нашем знаменитом ордена... имени... Институте я – единственный медногорец! Наша школа (поклон в сторону президиума) даёт такие знания (еще один поклон), что нам не страшен конкурс! Выбирая, кем быть, следуйте только своему призванию!

Загадка «кем быть» звучала для Игоря одновременно и как «кем не быть». К концу школы у него сформировались две мечты – покинуть Медногорск и стать учёным. Науки гуманитарные – история, литература, экономика – казались скучной игрой в цитаты. Биология, медицина – женские занятия. К адвокатам медногорцы относились неодобрительно: – Преступников защищают, «аблакать»! У нас зря не судят! Самих их сажать надо! Три четверти выпускников собирались, по инерции, жить дома и учиться в «домашнем» медногорском институте. Инженеры, которых здесь учили, решали, казалось, какие-то приземлённые задачи или просто работали на заводе. Оставалась математика, оставалась физика, но такие факультеты были только в университетских городах, так что обе мечты должны были сбываться вместе.

Медногорские родственники шепотом предупреждали мечтателя, что с его анкетой да еще без блата трудно будет попасть в престижный столичный институт.

– Даже с золотой медалью? – не верил Игорь. – Даже, – опускали глаза родственники. – Но еще и до революции была процентная норма, кого-то брали, а я все приёмные задачи за прошлые годы, шутя, щёлкаю!

– Ну что ж делать? Зато дома жить легче, а учёным можно быть и тут: в нашем институте есть кандидаты наук, есть и доктора – прекрасные люди, уважаемые специалисты... Куда ты лезешь?

Внимать советам провинциалов не хотелось, и Игорь написал в Ленинград брату матери, дяде Грише. Дядя, инженер, интересный человек, еще до войны побывал в командировке в Америке, выжил в ленинградскую блокаду, сейчас работал в проектно-институте. Ответ пришел быстро: «...университет – нет, политехнический – нет, возможно в технологический институт, факультет теплотехники, специальность – «сушки и сушила». Письмо деловито подтверждало запрет на грёзы о совершенных числах и о «музыке сфер». Игорь вспыхнул: – Какие сушки, какие сушила? К черту советы, отступать некуда, впереди – Москва!

Последние дни десятого класса пролетели незаметно, экзамены прошли спокойно, все оценки – ожидаемые пятёрки.

Главная пятёрка – по сочинению: оснащённое правильными цитатами, безупречным эпиграфом и бесспорными запятыми, сочинение по «Молодой Гвардии» Фадеева показало высокий класс тренировки выпускника. Небольшое приключение было с письменной математикой. Накануне экзамена Игоря осенила неожиданная идея: все десятиклассники в СССР сдают письменную математику с одинаковыми задачами в один день, а разница во времени между Медногорском и, например, Владивостоком, – шесть часов. Если позвонить кому-нибудь во Владивосток рано утром, то можно заранее узнать варианты задач. Игорю это было не нужно, но идея понравилась; довольный своей сообразительностью, он вышел погулять на «Брод» – так в городе называли улицу возле театра, то ли от слова «Бродвей», то ли потому, что там вечерами бродили стайки школьников. Выйдя на Брод, он встретил Петю, комсорга:

– Слушай, Петя, ты знаешь кого-нибудь во Владивостоке? Или в Хабаровске? – Во Владике? Нет, а что? Игорь объяснил ему свою придумку.

– Жаль, позвонить некому, ни ... знакомых нету, – ласковым матерком посочувствовал Петя, и школьники влились в толпу на Броде.

Через день после экзамена Игоря неожиданно вызвали в гороно. В кабинете вместе с зав. гороно сидел Шарик, оба смотрели мрачно.

– Ты знал заранее экзаменационные задачи? – спросил зав.гороно. – Нет, не знал. – Ты звонил во Владивосток, узнавал варианты у знакомых? – Нет, не звонил, я там никого не знаю. – Точно, не звонил? – Нет. Зав. гороно переглянулся с Шариком: – Ну ладно, иди. – Получил, умник, – ругал себя Игорь, – хорошо, что пронесло; а Петя – когда только стукнуть успел?

Игорь часто представлял себе окончание школы, так что выпускной вечер во Дворце Metallургов показался знакомым действием. Выпускники и родители заполнили кинозал Дворца, его пригласили на сцену, Шарик громко объявил: – Игорь Стекольник – золотая медаль! Духовой оркестр сыграл туш, потом так же поздравили и серебряных медалистов. Петя приветливо улыбался Игорю – одноклассники, вместе школу окончили.

К выпускному вечеру медалисту сшили первый в его жизни костюм – перелицевали старую отцовскую «тройку», жилетом надставили рукава. Мать Пашки – теперь уже не буфетчица, а старший инспектор ОРСа (отдел рабочего снабжения) – узнала «хлопчика», подошла, пощупала коричневый шевиот на рукаве, спросила уважительно:

– Почём за метр брали?

Столы ломились от конфет и лимонада, спиртного не разрешили, а, чтоб все было спокойно, аттестаты и характеристики обещали отдать на следующий день в школьной

канцелярии. Утром, когда вышли встречать рассвет, к Игорю подошел Витёк, сказал задумчиво: – Да, Игрек, ты всем доказал, – ну и что с того?

Прав был Витёк. Через пять дней Игорь приехал в Москву и подал документы в Физтех.

– Не советуем Вам поступать, – сказали в приёмной комиссии. – У Вас – очки, слабое зрение, а здесь надо много работать с книгами. – Но у Вас много студентов в очках... – Вы – приезжий, а у нас в общежитии мало мест; не советуем Вам поступать. – Я найду, где жить.

До экзаменов Игорь, медалист, пошел на собеседование. Это было потруднее, чем экзамен, вопросы – как попрыгунчики: из алгебры – в астрономию, оттуда – в свойства линз, про которые в учебнике не написано; вопросы – расплывчатые, ответы – многоступенчатые, число вопросов не ограничено. Двадцать минут беседы и – все: – Вы нам не подходите; можете забирать документы.

Двоюродный брат Игоря, весёлый московский студент текстильного института, знаток анекдотов, успокаивал его: – Не переживай, ты не глупее тех, кого примут. Такова жизнь...

Знаешь, что такое чудо-юдо? – Это что – то из сказки...

– Верно, из сказки. «Юдэ» – по-немецки – еврей, а чудо-юдо – это еврей, принятый в Физтех или МГУ. Не теряй время – иди, куда берут.

Игорь пошёл, «куда берут». Подавленный, он вернулся домой и равнодушно поступил в медногорский институт; матери пообещал, что доучится до диплома инженера-металловеда – это была наиболее «академическая» специальность в институте. Жаловаться знакомым на неудачу было стыдно, да Игорь и не привык жаловаться. Алексей Михалыч сам заговорил с ним:

– Радуйся, что школьная дурь закончилась, и не переживай – пройдёт время, всё изменится! У нас ведь как: сначала откажут, потом прикажут...

– Да не нужна мне эта металлургия, неинтересно! В жизни должен быть полёт, а иначе это, как в школе зубрили, – «способ существования белковых тел». – А ты считай, что у тебя был фальстарт, как у бегунов; твоя дистанция – длинная, следующие попытки – впереди. А вообще, наша жизнь – это то, что мы о ней думаем!

Многие годы спустя Игорь жалел, что не записывал «максимы» своего учителя, – не записывал, но несколько истин запомнил:

а. Кредит портит отношения;

б. Самое главное дело в жизни – это то, что я делаю сейчас;

в. Какой человек счастлив? Тот, кто имеет твёрдость сказать «нет».

В китайских сказках Игорь читал о законе, который в древнем Китае сурово наказывал за проступок под названием «неследование своей колее». Практичная соседка Игоря, та, что на балконе держала козу, про этот закон, наверняка, не слыхала, но поучала тому же самому:

– Как надо жить? Как в трамвае ехать: не занимать первые места и не высовываться из окон.

К семнадцати годам Игорь ощутил, что предназначенная ему колея – быть медногорцем, и «высовываться» из этой колеи бесполезно. Такое существование казалось спокойной и тихой заводью, высоким молом отгороженной от волн, а где-то там, за молом, гудели пароходы...

10. Новые слова – кибернетика и рок-н-ролл

В августе Игорь получил стандартное извещение из Института – «явиться на собрание первокурсников тридцатого августа, жильцам общежития иметь с собой постельное белье».

На собрании объявили, что студенческая жизнь начнётся с отправки в колхоз примерно на месяц.

– Никаких освобождений! Ехать всем, вплоть до выгребов! Идёт битва за урожай! – напутствовал декан. Первого сентября студенты в лыжных костюмах и фуфайках набились в кузова грузовиков; каждый держал рюкзак с захваченной из дому едой. Через три часа приехали по ухабистому проселку в колхоз «Политотделец». Председатель колхоза обрадовался: – Шефы приехали! Девчат тоже привезли? Это хорошо, а то нашему холостяжнику гулять не с кем!

На самом деле, свои «девчата» в колхозе были, не хватало «холостяжника». Отслужив в армии и получив возможность вырваться из деревни в город, парни не возвращались в колхоз. Вечерами по тёмным улицам «Политотдельца» среди покосившихся изб месили грязь молодые допризывники, ловили «девчат» и от скуки задирали встречных, резко направляя им в лицо слабый лучик света от механического фонаря – «жужжалки». В такую избу поместили на постой Игоря и ещё пятерых его сокурсников; вшестером они заняли одну пустую комнату, спали на полу, в другой комнате жила бабка – хозяйка.

Утром студентов разводили на работу по двум бригадам – купать овец и вязать веники. Чтобы в овечьей шерсти не заводились паразиты, нужно было окунуть животное в специальную едкую жидкость – креозот. Несколько студентов выдёргивали овцу из стада и с криками – «Тяни!» – «Толкай!», «Мать!.. Мать!... Мать!...» – загоняли её в яму с креозотом. Другая бригада вязала веники для медногорского завода – ими сбивали

окалину с докрасна раскаленных металлических листов. Днем привозили обед – суп с бараниной, кашу с салом, хлеб и молоко.

В первый вечер после работы пришлось из избы не выходить. Местные пацаны лет шестнадцати-семнадцати, хватив самогонки, пришли бить приезжих – в колхозе не любили городских, особенно – студентов. Когда несколько крепких первокурсников, ростом за метр восемьдесят, неторопливо прошли по улице, – шпана тихо рассеялась.

Через неделю мойщиков овец и вязчиков веников перебросили на колхозный ток – грузить на самосвалы обмолоченную пшеницу, лежащую на земле. Зерно забрасывали в кузов большими жестяными совками-«плицами». Самосвалы и шофера, к радости местных «девчат», тоже прибыли из города; юные колхозницы распевали частушку:

Меня мамка из чулана

Шебалой да шебалой:

Вот те, доченька, машина!

Вот те шофер молодой!

Грузовики за зерном приходили не часто; грузчики резались в «дурака», дремали прямо на кучах зерна и приставали к председателю, когда тот приезжал на ток:

– Долго нам ещё тут загорать?

– До белых мух! – уверенно обещал председатель, что значило «до первого снега».

Битва за урожай кончилась для студентов первого октября – их отпустили домой. Все остались должны колхозу за питание, но деньги не взыскивали, знали, что долги с колхоза всё равно спишут.

Начался первый семестр. Многие сокурсники Игоря, не мучаясь вопросом «Кем быть?», плавно перетекли из школьной жизни в студенческую: многочасовое кропотливое черчение тушью на ватмане напоминало чистописание; обязательное посещение лекций и даже собрание родителей первокурсников казалось затянувшимся детством.

Лекции – почти все – тоже продолжали школьные предметы и школьный стиль. Математик, суетливый нудный человечек, был полон презрения к первокурсникам: – Нет, нет, немногие получают зачёт, нет... Вы думаете, Вы умеете решать? Не-ет... С математикой, физикой, английским у Игоря проблем не было; в обмен на задачи и переводы аккуратные сокурсницы помогали ему рисовать чертежи тушью без клякс. Но была и новая наука – «Основы Марксизма-Ленинизма», в расписании – ОМЛ. Этот курс читал доцент Пимен Кириллович Глебов – именно читал: его толстую тетрадь в сером коленкоровом переплете знали еще и на предыдущем курсе.

– Физика изучает физические законы, химия – химические, – медленно и сурово вещал Пимен Кириллович; – то, что не изучает никакая другая наука, изучает Марксизм-Ленинизм.

Во время двухчасовой лекции Пимен Кириллович не подымал глаз от тетради, так что в это время можно было читать книжку, играть в «морской бой» или переписывать «лабораторку» по химии; сосед Игоря два часа вырезал бритвой на внутренней стороне парты:

Володя С. с прелестной Л.

Сидели здесь на ОМЛ.

Однако, сбежать с лекции было нельзя – в начале второго часа доцент устраивал переключку.

Чтобы безошибочно запомнить, кого и когда Ленин идейно разоблачил, а кого полностью разгромил, раз в неделю проводился семинар по ОМЛ. К каждому семинару надо было конспектировать сочинения вождя, заполняя цитатами шесть-восемь страниц в тетради; в среднем выходило по странице в день – вроде ежедневной молитвы. Преподаватель, обходя ряды, пролистывал конспекты, некоторых подгонял:

– Мало! Надо подробнее конспектировать!

Вскоре Игорь сделал еще один шаг в студенческую жизнь – побывал на институтской комсомольской конференции. Отметившись в списке и получив делегатские блокноты, некоторые делегаты стали исчезать из зала; другие, усевшись в задних рядах, играли в «балду» и «морской бой». Активисты с трибуны бичевали прогульщиков, стилиаг и пассивных студентов. Перед перерывом слово взял директор, говорил о дисциплине: – Если надо будет исключить пол-института – исключим пол-института... Конференция продлилась допоздна, но кончилась мирно, никого ниоткуда не исключили.

Перед Новым Годом Игорю пришлось дважды побывать на вокзале, хотя он никуда не уезжал : сначала студентов посылали «на уголёк» – разгружать уголь, потом – на «снегоборьбу», расчищать рельсы от снега. По дороге на вокзал проходили мимо церкви; возле входа было пустынно, дверь заколочена, кругом – сугробы.

– Закрыта, что ли? – полюбопытствовал Игорь. – Давно закрыта. А ты что, не слышал? У попа сифилис нашли. – Ну и что? – Говорят тебе, сифилис! Правильно, что прикрыли лавочку!

Пришли на пути, стали разбрасывать сугробы. За работу обещали заплатить по два рубля каждому, потом пообещали все деньги перевести в профком, потом все забылось, да никто и не спрашивал – про деньги говорить было неприлично.

Вскоре после «снегоборьбы» начались новогодние праздники. Две трети студентов института были мужчины, поэтому молодые ткачихи с соседней ткацкой фабрики не оставляли без внимания институтские вечера отдыха. На новогоднем вечере многие первокурсники, не умея танцевать, подпирали колонны в актовом зале вдали от елки, а гости с ткацкой фабрики активно знакомились со студентами. Вот и возле Игоря, который стоял в углу с приятелем, остановились две ткачихи, держа в руках длинную ленту серпентина, и деловито предложили:

– Мотайте на нас! Студенты в Медногорске считались хорошими женихами...

Первую сессию Игорь сдал скромно, «на стипендию», – после летних потрясений интереса к учёбе не было. Стипендия стала меньше, чем была в прошлом семестре: ему исполнилось восемнадцать, его «добровольно» подписали на заём и стали взимать особый налог, который платили холостяки. На зимние каникулы появились московские студенты. Бывшие одноклассники из Медногорска сбегались послушать столичные новости. Новости были оглушительны:

В Физтехе преподают новую науку – кибернетику; на лекции со всей Москвы приезжают, и не только студенты! «Марксисты» с кафедры ОМЛ злятся, кричат про «идеологическую диверсию против рабочего класса».

Джаз больше не запрещают! Фокстрот устарел, появился новый танец – рок-н-ролл, вроде акробатики: партнёршу через голову кидают, под ногами протаскивают; как говорятся, слабых просят не беспокоиться.

«Раззапрещён» Есенин! «Декамерон» заново издают! Про Мейерхольда вслух говорят!

Про налог на «холостяков» москвичи тоже объяснили – это придумали в Германии для молодых немцев во время Гитлера.

Вместе с москвичами Игорь пошел, тоже, как выпускник, на вечер встречи в свою школу. Выступать не хотелось – не о чем, да и стыдно, в МГУ не попал. От местных студентов речь держал Петя Денисов; он поступил в медногорский институт и был уже комсоргом курса:

– Мы станем инженерами, создадим новую технику и будем плавить медь электричеством и в белых перчатках! После речей деловые десятиклассники просили Игоря дать им для шпаргалок его старые сочинения – «Русалка» их очень хвалила.

В Медногорске столичные веяния запаздывали, но весной все же ощутилось первое легкое дуновение европейского бриза: в актовом зале института был устроен вечер иностранных языков. Иностранцев студенты не видали, газет зарубежных не было, английские технические журналы – и те давали в библиотеке в отдельной комнате по специальному разрешению; однако, над сценой висел плакат:

«Знание иностранных языков – сильнейшее оружие в классовой борьбе пролетариата». К. Маркс.

Участники вечера играли в европейцев; кто-нибудь скажет, например, по-английски: – Гуд ивнинг! – а ему в ответ по-немецки:

– Гутен абенд!

Самодеятельность была «двуязычной»: «Вечерний звон» пели по-английски и по-русски, после «Умиряющего гладиатора» Байрона читали перевод Лермонтова. Во время танцев вездесущий танцмейстер Васвас выкрикивал на непонятном языке:

– Кавалеры, ангаже во дам!

Вскоре после этого вечера Игорь впервые увидел живого иностранца. Индийский премьер-министр Неру прилетел на один день в Медногорск посмотреть на металлургический завод. Открытая «Победа» медленно продвигалась сквозь густую толпу любопытных вдоль узкой улочки, ведущей в местный аэропорт. Гость улыбался медногорцам, стоя у заднего сиденья, покрытого ковром. Вслед за «Победой» ехали в машинах городские начальники. Колонну замыкал грузовик с пионерами, которые должны были приветствовать гостя индийским танцем в аэропорту, но там не получилось, и они собирались исполнить свой номер прямо возле дома, где остановился Неру. Когда все проехали, один дед, стоявший возле Игоря, сказал другому:

– Ну, всё – видел индийского царя, теперь и помирать можно!

В этот день медногорцы сделали еще один шагок в своем открытии мира.

Сразу после весенней сессии весь курс поехал на июль в колхоз – прополка и сенокос. В августе - каникулы, а в сентябре – опять в колхоз, на уборочную. Вспоминая приезд Неру, студенты мрачно шутили:

– Наш министр как узнал, что в Индии собирают три урожая риса в год, так удивился: когда же там студенты учатся?

Провинциальные студенты Медногорска выезжали только в близлежащие колхозы и не попадали поэтому в большие всесоюзные кампании – «Освоение Целины» или «Казахстанский Миллиард». Месяц принудительных работ в «Политотдельце» не сулил денег, да и срок этот не зависел от выработки – требовалось отбыть месяц. И все же, послушно отправляясь всем курсом в маленький подшефный колхоз, они впитывали в себя ещё одну ключевую заповедь эпохи – «...добровольно и все, как один».

11. Стрельба с Жоп

С начала второго курса началась «спецподготовка» – военное дело. Один день в неделю студенты проводили на военной кафедре; из них готовили лейтенантов запаса –

танкистов, учили тактике, объясняли, как управлять танком и как вести политработу с «личным составом». Преподаватель тактики подполковник Пивак, невысокий, одутловатый, с коротким чубчиком, показывал танковый бой, стоя возле большого ящика с песком; неровно насыпанный песок изображал сложный рельеф местности.

– Вы двигаетесь в составе головной походной заставы, – подполковник пальцем двигал по песку игрушечный танк, – ориентир номер один – отдельный дуб. Видите – у дуба стоит отдельная одинокая фигура, разговаривает на американском языке. Ваше решение, товарищи студенты? – Уничтожить! – хором рявкала вся группа. Пивак одобрительно кивал. Во время занятий он зорко следил, чтобы никто не отвлекался от тактики. Однажды он поймал Игоря, когда тот на лекции, спрятав книгу под партой, читал «Иудейскую войну» Фейхтвангера. Подкравшись, Пивак выхватил книгу и, высоко подняв ее, закричал:

– Постороннюю литературу на лекции читаешь? – но тут он разглядел название книги, и голос подполковника смягчился.

– Про войну? Про войну... – зайди ко мне в перерыв! – и, забрав трофей, лектор вернулся к ящику с песком. Во время перерыва, перевернув страницы «Иудейской войны», Пивак пожурил Игоря: – Х - ню какую-то читаешь! На вот тебе хорошую книгу про войну, – и Пивак протянул ему «Оборону СССР» – сборник речей маршала Ворошилова.

Подполковник Пивак преподавал в институте уже несколько лет, и каждый новый курс, приходя к нему, заранее знал стих:

«Уж сколько лет твердили миру

Об уважении к мундиру;

Он уважается, пока

В него не втиснут Пивака».

Любимой темой Пивака было ведение огня из укрытий – «Стрельба с Закрытых Огневых Позиций». По инструкции это называлось сокращенно «Стрельба с З.О.П.», подполковник щеголял строевым юмором – «стрельба с жоп». Игорю повезло: именно эта тема досталась ему на зачёте. Он начал ответ с истории про Наполеона, как тот, спрятав несколько пушек за холмом на берегу моря вблизи Тулона, впервые обстрелял английский флот на рейде Тулона с закрытой позиции (З.О.П.). Когда Игорь дошел до формулы, определяющей дальность цели, довольный подполковник поставил зачёт и разговорился: –Интересуетесь военным делом? Это хорошо, окончив институт, Вы можете поступить на военную службу, – нам грамотные офицеры нужны. А то некоторые офицеры собрались, понимаешь, инженерами стать... Игорь понял, куда брошен камень: майор Кравец, который преподавал на кафедре «материальную часть» танка, заканчивал одновременно вечернее отделение института, готовясь получить диплом инженера и возможность «уйти на гражданку». На кафедре его ненавидели как «изменника».

Курс с длинным названием «Политпросветработа» читал по толстой прошнурованной тетради сам начальник кафедры полковник Котляков. Эти чтения почти дословно совпадали с лекциями доцента Глебова по ОМЛ; казалось, их можно поменять местами, и замена была бы незаметна, или объединить под общим названием – символом, например, «Стрельба с Жоп». Правда, в отличие от доцента, полковник на переменах часто оставался в аудитории и рассуждал на свою любимую тему:

– Современная молодежь много о себе понимает... но мы этого не допустим!

В этом семестре Игорь хотел досрочно сдать сессию, чтобы съездить в Москву и Ленинград, самому увидеть те перемены, о которых говорили столичные студенты, а если удастся – перевестись в МГУ или Физтех. Математика, механика и физика были сданы досрочно на пятерки, но непреодолимое препятствие возникло на кафедре марксизма: – Сдать экзамен по основам марксизма-ленинизма, не дослушав курс? Это невозможно. Как Вы овладеете предметом без разъяснений преподавателя? – Пимен Кириллович считал свой предмет исключительным: не зря ассистент любой кафедры имел годовую нагрузку восемьсот сорок часов, а такой же ассистент на кафедре ОМЛ – только пятьсот часов. Этот экзамен Игорь сдавал в срок и был наказан тройкой («три с двумя минусами» – проскрипел Пимен Кириллович). На следующий день наглый студент отбыл в Ленинград, нагруженный поручениями учебной части – привезти ножи для мясорубки, лак для ногтей, корм для рыбок гуппи...

После Медногорска Ленинград казался иной планетой – другие люди, другие разговоры. В Доме писателей Игорь впервые в жизни увидел «капустник», там была актуальная сценка: в отделе кадров человек заполняет анкету, суровый кадровик напоминает:

– Подробнее пишите, о родителях подробнее... А Вы почему родителей не указываете? – А мне повезло! – Что значит «повезло»? – А я - подкидывш!

Хотя с переводом из Медногорска в элитный столичный вуз ничего не вышло, Игорь вернулся домой окрылённый – в воздухе веяли новые ветры, а вскоре грянул гром – появилось «закрытое письмо Двадцатого съезда»; письмо читали только коммунистам, но по всему городу зашелестело: – Слыхали? Сталин-то, оказывается, того...

Вымолвить слово «преступник» было еще трудно, но это слово висело в воздухе; даже в трамвае кондуктор кричала на пассажира, который уверял, что брал билет, но потерял: – Теперь никому веры нет!

Смятение нарастало, а в начале мая произошло неслыханное событие. Каждый год в первое воскресенье мая проводилась городская эстафета на приз газеты «Медногорский Рабочий». Это был общегородской весенний праздник, народное гулянье: тысячи людей, с детьми, выходили поболеть за свою команду; играл оркестр, вопили болельщики, вдоль всей трассы эстафеты продавали мороженое. Бегуны института обычно занимали первые места, так что институтская публика собиралась на финише в ожидании победы. Так было

и в этот раз – группы преподавателей и толпы студентов смешались вблизи финиша; здесь же чинно стоял и доцент Пимен Кириллович, об руку с супругой, и его коллеги...

Всё событие произошло за несколько секунд: из толпы возник высокий мужчина, приблизился вплотную к Пимену Кирилловичу, что-то сказал и ударил его – не сильно, но звонко; доцент отшатнулся, защищаясь, вскинул руки – раздалась вторая оплеуха, и мужчина исчез в толпе. Народ – коллеги и студенты – безмолвствовал.

Все рты открылись на следующий день. Нападавшего опознали – это оказался бывший студент института, бывший военный моряк. После демобилизации он поступил в институт и на семинаре по ОМЛ задавал какие-то острые вопросы. Пимен Кириллович сообщил «куда надо», и моряку дали пять лет за «антисоветские разговоры». Недавно он вернулся...

В понедельник вместо Глебова лекцию читал Савелий Федорович, в четверг – тоже. В эти же дни газеты сообщили, что в Москве скорострительно скончался писатель Фадеев, Генеральный секретарь Союза писателей СССР. Те, кто слушал Би-Би-Си, ошарашено повторяли: «Застрелился». Студенты, успевшие забыть свои патриотические сочинения по роману Фадеева «Молодая Гвардия», отнеслись к новости безучастно; все гадали, что будет с битым доцентом. Одиноким мститель больше не появлялся, а на следующей неделе стало известно, что доцент Глебов срочно переводится на работу в город Молотов. Не просто совпадение, а какая-то внутренняя связь чудилась Игорю между выстрелом в Москве и случаем на эстафете в Медногорске.

Савелий Фёдорович дружелюбно улыбался и на лекциях, стоя под портретом Сталина, читал по новенькой брошюре о борьбе с культом личности Сталина. Даже на экзамене он спрашивал ласковым голосом:

– Как Вы думаете, в чём всемирно-историческое значение ...дцатого съезда партии? – и оценки ниже четверки не ставил.

Что-то поменялось и в институтском доме. Жилец из этого дома, бывший военврач Баранов вернулся с фронта и десять лет назад, в 1946 году, не пошел на выборы голосовать за Сталина. Родственники врача объясняли тогда, что он сошел с ума после фронтовой контузии в голову. Десять лет «контуженный» нигде не работал, жил в семье брата, ходил в обносках, при встрече с соседями опускал глаза и сходил с тропинки. Но в эти июньские дни военврач, сбросив тряпье, поднял голову и надел мундир капитана медицинской службы с орденом Красной Звезды; встречая соседей, он не сворачивал с дороги и спрашивал:

– Ну, так кто тут сумасшедший? – и теперь опускали глаза соседи. Правда, секретарь партбюро полковник Котляков при встрече не смутился, поздоровался громко: – Сергей Иваныч, рад Вас видеть! Сегодня отличная погода!

После сессии следовала, как обычно, поголовная отправка в колхоз, но на этот раз произошла заминка. На комсомольском собрании, которое должно было принять решение

об отправке, студенты недовольно бубнили, кто-то вспомнил школьные прописи в косую линейку, по которым ещё детьми учились писать: «Мы не рабы. Рабы немые».

– А мы не немые! – выскочил Толик из группы технологов, любитель газет. Он принес «Комсомольскую Правду», где был напечатан призыв к добровольному участию студентов в полевых работах, и предложил принять этот призыв «за основу», а дирекция требовала другое решение: «Едем все, как один!» Спор затянулся, на помощь дирекции явился секретарь горкома комсомола и сразу начал кричать:

– Вы – маменькины сынки, вы – дезертиры трудового фронта!

– А Вы перестаньте ярлыки наклеивать! – перебил его Толик. – Эта манера закончилась – она умерла в пятьдесят третьем году!

После этого студентов начали разъединять, вызывая малыми группками в дирекцию и уговаривая поодиночке, пока те не вздыхали обреченно: – Раз надо – значит, надо...

Главный городской комсомолец, надувшись, молча сидел в дирекции, а Толику выговорил медленно и злобно:

– Вы можете оставаться – один! Коллектив вас не поддерживает! Но Толик тоже поехал – сломали всех.

После стандартного месяца в колхозе наступил август – каникулы. Ехать снова в Москву у Игоря денег не было, и он остался в городе. Вечерами он выходил пройтись на Брод, однажды встретил Юрку со своего курса. Этот волейболист, самый высокий студент на курсе, не обращал внимания на студенток, зато имел шумный успех в общежитии ткацкой фабрики. Юрка остановился и похвастал:

– В профкоме бесплатную путевку дали на две недели – в дом отдыха еду, на «Либидиное озеро». – Куда? – Ну, на озеро Сергач. – А что, на этом Сергаче лебедей много? – Много... Не «лебединое», а «либидиное», от слова «либидо»; либидо – значит половой голод.

– Это по-каковски? – Такое слово Фрейд придумал. У деда книжка Фрейда есть, старая, еще двадцатых годов. Раньше он ее прятал, а теперь дал почитать. А на это озеро ткачихи, сновальщицы, целыми бригадами ездят, - будем голод утолять! Игорь вспомнил, как несколько лет назад, когда он помогал на выдаче книг в библиотеке, книги Фрейда не выдавались. Теперь в Медногорск пришло еще одно современное слово.

В этом году среди жителей города началось расслоение: одни – их было немного – привычно твердили про «светлое имя вождя» и ждали: «всё ещё вернется»; другие – большинство – выжидательно молчали; для третьих – их тоже было мало – бывший вождь стремительно превращался в «пахана», «ёську», «усатого», и они вторили строчкам, завезенным из Москвы:

Пока отцы сидели в тюрьмах

За несодеянное зло,

А наши братья гибли в штурмах, –

У нас неверие росло.

Но первый шаг уже состоялся – монолит треснул, треснул изнутри.

12. Медногорская тропинка к Эйнштейну

Летом, между вторым и третьим курсом, Игорь впервые прочитал книжку про теорию относительности; прочитал, понял не всё, но ощутил сразу – вот он, новый отсчёт в его жизни. В институте поговорить про эту теорию – про сокращение времени и расширение Вселенной – было не с кем; люди с кафедры физики давно забыли всё, что вне программы, а инженеры крутили пальцами в воздухе:

– Это что-то такое, очень заумное, но в нашем деле это не нужно.

Каждый день Игорь заходил к знакомому студенту Физтеха – тот приехал на две недели из Москвы на каникулы. Москвич отвечал на вопросы отрывисто и уверенно – так на медногорских улицах, возле Первого Северного и Третьего Центрального впервые прозвучали легенды про Эйнштейна, Ферми и Ландау. Потом москвич отбыл в свою «страну Уранию», а Игорь вновь ощутил себя «Игреком». Он и раньше не связывал свое будущее ни с медью, ни, вообще, с этим городом, где его насильно заставили существовать, а теперь решил окончательно: только бы дотерпеть до диплома, а потом...

Давно, ещё в школе, его чувство справедливости тешилось сказкой про «гадкого утенка», который после всех обид на птичьем дворе становится лебедем и взлетает в небо. Теперь ему нравился американский романтик Джек Лондон и герой его книги, почти двойник автора, – упорный Мартин Иден, который хотел, наперекор судьбе, стать писателем – и стал! Давний враг этого героя, крепкий парень по кличке «Масляная Рожа», не раз колотил его, но Мартин, размазывая кровь, бормотал:

– Когда-нибудь я побью тебя, Масляная Рожа! – и побил! Игорю представлялась своя «Масляная Рожа»: она скалилась ухмылкой Генки из пионерлагеря, хмурилась, как приёмная комиссия Физтеха, или презрительно напоминала – «знай свой шесток!». Игорь осязал, как внутри него сжимается упрямая пружина, и представлял затаённо, как она распрямится когда-то, стремительно и неудержимо, сметая все эти «нет» и «нельзя».

Сила, тайна, авторитет – всё слилось в одном слове «физика».

Начался третий курс, студентов стали знакомить с будущей профессией – металловедением. Лекции по профессии читала доцент Сарафанова, активный участник институтской самодеятельности: на вечерах она пела романсы и арии из опер.

Сарафанова держалась как первая красавица среди работников института, а те звали ее не «Венера Милосская», а «Венера Плоская», и оценивали ее лекции, перефразируя горьковскую «Песню о Соколе»:

– «Рождённый петь – читать не может!»

Курс ОМЛ закончился, вместо него началась политэкономика – снова посыпались знакомые заклинания: «рабочий класс», «мировой империализм», «болото оппортунизма». На семинаре лектора спросили: – Будет ли революция в Америке?

Лектор заверил, что когда-нибудь такая революция неизбежно победит. Игорь не смог удержаться, пробурчал с места: – После победы город Ваш-ингтон переименуют в Наш-ингтон... Лектор раскричался, но последствий не было, – шли последние дни «оттепели», советские танки еще не начали наводить порядок в Венгрии.

У Игоря были приятели в институтской художественной самодеятельности, он рассказывал им про «капустник» в Ленинграде. Студентам тоже захотелось придумать «капустник» на местные темы. Начать решили с малого: Игорь взялся сочинить конферанс для ближайшего вечера. До начала вечера полагалось получить в партбюро разрешение на все номера конферанса. Чтобы разогреть публику, ведущий решил начать с куплетов ленивого студента:

«Надоели мне науки,
Ничего в них не понять,
Просидел я насквозь брюки,
Не в чем, выйти погулять».

Прослушав куплеты, партбюро безмолвствовало. Следующий номер посвящался «горячей» для студентов теме – вынужденному посещению лекций. На сцену должен был выйти студент с гитарой, в испанском плаще и на мотив «От Севильи до Гренады» петь романс «Тоска о Свободном Посещении»:

Ниспошли мне, небо, чары,
Красноречия фонтан;
На призывный звон гитары
Да откликнется декан!
Чтобы новшеств и открытий
Мы могли побольше дать, –

Разрешите, разрешите

Нам свободно посещать!

Экспертом партбюро по искусству была «Венера Плоская», которая сама выступала с романсами в самодеятельности. Этот «романс» ей не понравился: –Какое еще свободное посещение? Вы что же – прогульщиков поощряете? – недобрым голосом начала «Венера».

Но это было только начало. В следующем номере прилежный аспирант, в костюме шмеля, помахивая крыльями, говорил о подготовке диссертации:

Презрев земные суеты

Я высшей мудрости цветы

Из всех садов в один сношу

И диссертацию пишу...

– Вы подрываете авторитет советских учёных! – включились другие члены партбюро. Атмосфера накалялась.

Был ещё номер, когда первокурсники спорят, чья профессия лучше: один говорит – строитель, другой – металлург, третий – горный инженер, а их перебивает дипломник:

– Эти все занятия примерно одинаковые, а лучшая профессия – это профессор! – Хватит! – хлопнул ладонью по столу секретарь партбюро. – Вы что себе позволяете? Вы находитесь в партийном бюро!

Здесь на стенах – портреты вождей! Все номера запретили. Чтобы дать правильное направление творчеству автора, «Венера» предложила включить его в состав агитбригады, которая поведет кампанию против пьянства.

Руководил агитбригадой молодой преподаватель, к.т.н. – кандидат технических наук. Он жил в том же доме, где и Игорь, долго не женился: не признавал городских невест – «они все испорченные», привез жену из деревни. В институтском доме новая горожанка быстро узнала, что кандидат наук получает надбавку к зарплате, купила письменный стол и объявила мужу.

– Пиши кандидатскую! Вечером покажешь две страницы – будет ужин; нет двух страниц – и ужина нет!

Постепенно норму понизили до одной страницы, и муж, наконец, завершил диссертацию, стал «кандидатом тех. наук».

– «Тех» наук – тех ещё наук! – посмеивались соседи. Теперь кандидату нужна была общественная работа, чтобы стать доцентом, – ему поручили агитбригаду. Пытаясь наладить антиалкогольную пропаганду, свежееиспечённый учёный суматошно метался по институту:

– Где агитматериалы? Где плакаты? Где цитаты Ленина о водке?

Придумывать, к счастью, ничего не пришлось – готовые агитматериалы «спустили» из Москвы.

Вскоре агитбригада провела модное мероприятие – первую на курсе «комсомольскую свадьбу», свадьбу без выпивки. В институтской столовой собрались человек семьдесят, тосты подымали лимонадом. Балом дирижировала доцент Сарафанова, в перерывах между танцами она запевала, гости хором подхватывали. Когда затянули популярную песню про влюбленных, которые вечером под музыку идут на свидание, Юрка, знаток Фрейда, похулиганил: вместо слов из текста – «В тот вечер запели гармони», он, подмигнув, пробасил: – В тот вечер запели гормоны... – хорошо, «Венера» не слышала.

Игорь рассказал про запрещённый конференс Алексею Михалычу, но тот отнесся без сочувствия, припомнил притчу:

– При НЭПе в Москве были кабаре, там в одной сценке папаша-буржуй сытым басом спрашивал сынка, чего тот ждет от жизни: – Что ты хочешь: мамин корсет или мой кабинет?

Юный сынок отвечал пискляво:

– Нет, я хочу в синематограф... Алексей Михалыч назидательно поднял палец:

– Тебе тоже пора понять, куда ты хочешь: в физику или в «синематограф».

В эти месяцы в Москве готовились к Всемирному фестивалю молодежи; какие-то отголоски докатывались и до Медногорска.

В городском цирке по понедельникам не было представлений, и в эти дни там начали устраивать танцы. На арену клали плотный дощатый помост, на котором обычно выступали дрессированные лошади; цирковой оркестр играл новые танцы – «инфизкульт» и «террикон», сочиненные в Москве в противовес рок-н-роллу. Названия, похожие на западные, были понятны: про инфизкульт – институт физкультуры – слышали все, а террикон – гору пустой породы возле шахты – медногорцы видели из окон. Отыграв обязательные новинки, оркестр заводил гвоздь сезона – фокстрот «Мишка»: «Мишка, Мишка, ты вернешься, Мишка?» Билеты продавались неограниченно, парочки плотно колыхались на арене, гулко отбивая каблуками по доскам.

Были и ещё приметы времени: в центре города открылась необычная столовая, которая, как ресторан, работала вечером – можно было взять пирожок, блины и кофе с

молоком. Избегая чуждого слова «кафе», на новой точке повесили вывеску «Пирожково-Блинная. Это место облюбовали «стиляги» – длинные волосы, кок спереди, брюки-дудочки, девчонки – тоже в брюках. Здесь, их ловили комсомольские активисты, и, борясь за чистоту нравов, стригли коки и разрезали брюки.

На четвертом курсе студентов не отправляли осенью в колхоз – шла производственная практика. Во время практики полагалось отрабатывать по две смены в неделю на кирпичном заводе. Этот крохотный заводик приютился возле стены медеплавильного гиганта. Постоянных рабочих не хватало – кирпичи делали и цыгане, и студенты, и те, кто отбывал пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Этим утром приводила милиция, вечером их забирали, а в ночную смену ставили студентов. Сырые кирпичи подвозили со склада к печи для обжига на тачке, которую рабочий толкал по рельсам. В инструкции по технике безопасности такая тачка называлась «ручная тележка Шабебюннэ», но выговорить это было нелегко, и мастер у печи командовал:

– Эй!.. Гони сюда ручной шебвюн!

Когда ночную смену впервые привели в сарай, заваленный кирпичами, Игорь осторожно поинтересовался:

– А какая здесь норма на смену? – Норма? На двоих – одна платформа! Давай, работай! – с ударением на последнем слоге складно втолковал мастер.

Пока студенты катали тачки между сараями, другие люди запустили искусственный спутник Земли. Ночью на чистом небе хорошо был виден движущийся шарик, отливающий лунным светом. В первые дни после запуска медногорцы аплодировали на улицах, закинув головы вслед пролетающему чуду. Недавно в городе вновь открыли церковь, и батюшка использовал в проповеди новинку техники:

– Все должны хорошо работать! Кто будет плохо работать – тех будут отправлять на другие планеты!

Хорошо «гонять шебвюн» требовалось недолго – вскоре после полуночи мастер уходил спать в дежурку, остальные могли подремать на кирпичах. Проведя так две недели, Игорь получил «Комсомольскую путевку», подтверждавшую, что он «добровольно отработал четырнадцать смен в качестве брусовщика».

– Две недели потерял – зато на две недели к диплому ближе, – сводил Игорь баланс времени. – Как сказал поэт: «Чем ночь темней, тем яростнее звезды».

Летом Игорь побывал в Москве. Знакомые привели его в столичный НИИ металлургии, и здесь провинциальный студент, сильный в математике, неожиданно приглянулся одному зав. лабу. Тот пригласил студента на преддипломную практику в свою лабораторию и в разговоре упомянул о книге Лауры Ферми «Атомы у нас дома». Игорь и раньше много читал про историю науки сто лет, триста лет назад, но это была совсем другая книга – рассказ очевидца о приключениях современных физиков, людей

сказочной судьбы. Этот рассказ сразу стал откровением для медногорского мечтателя – именно мечтателя: вернувшись домой, он увидел, что о Москве и московских путях в физику можно только мечтать.

– Скромнее надо быть, и в Москву лезть нечего; надо будет – сами найдем дипломника для Москвы, – возмутился декан.

К окончанию института Игорь научился держать удар. Он равнодушно слепил дипломный проект, без радости отнесся к отличной оценке, получил диплом и направление на работу на медногорский завод, в заводскую лабораторию. До свободы оставалось отработать еще три (если повезёт – два!) года.

После защиты диплома полагалось пробыть ещё месяц на военных сборах в танковом полку. Месяц прошел не трудно, но нудно, дни смешались в марш-бросках и нарядах на кухню. Вечером, в «личное время», студентов тоже не оставили без присмотра: начальство придумало для них занятие под названием «Прогулка строем по лагерю с пением песен». Сбив толпу студентов в «колонну по четыре», старшина выводил их на дорогу, окружающую лагерь, и командовал: – Вперед, шагом марш! Запевай! Поначалу колонна отнекивалась – «строевых песен не знаем...», но старшина подал неуставную команду: – Или петь, или бегти! Бегти (бежать) не хотелось, и без пяти минут инженеры нестройно затаили: «Соловей, соловей, пташечка...» Такой прогулкой отмечали конец каждого лагерного дня, и потом, через годы, Игорь не раз вспоминал ёмкий старшинский императив – последний урок на пути к высшему образованию.

Диплом инженера в Медногорске не давал повода для ярких надежд и не сулил никаких неожиданностей: инженеров было много, работа – однообразная, зарплата – серенькая, перспектив на свое жильё в ближайшие годы – никаких. Институтский поэт верно заметил:

«Успокоительно, как бром,
Звучит название "диплом";
У меня диплом в кармане,
С ним – блоха лишь на аркане».

13. Прыжок а ничто

Первая должность Игоря в заводской лаборатории называлась длинно: «техник-исследователь сверх штата».

– Сверх штата? Богато! – язвил Юрка, который, став сменным мастером в цехе, получал зарплату меньше, чем рабочие его смены, окончившие семь классов и ПТУ. Теперь он подумывал, как бы, утаив диплом, перейти на место токаря-фрезеровщика.

– Помолчал бы, «трудовая интеллигенция», – огрызнулся Игорь. – Слышал, Хрущёв говорит – «его величество, рабочий класс». А мы – не класс, сам знаешь: «интеллигенция – это прослойка»!

Работа в лаборатории была несложной: дважды в день из цеха привозили куски медной проволоки, как там говорили, «проловки». Каждый такой кусок нужно было вставить в прибор, измерить сопротивление и записать измерения в журнал. Остальное время Игорь читал «Квантовую Механику».

С утра заглядывал начальник лаборатории, кандидат наук. Недавно он ездил в Москву на повышение квалификации, и его речь заметно изменилась. Вместо «микроскоп» он произносил «майкроскоп», а, подходя к прибору, озабоченно спрашивал:

– Какой вольтаж? – Двести двадцать вольт, – стандартно отвечал Игорь. Такое напряжение было написано на щитке у входа в лабораторию.

– А ампераж? – Десять ампер, – эта цифра тоже никогда не менялась.

Когда начальнику звонили по телефону, он, поднимая трубку, ронял солидно «У аппарата», а, уезжая в командировку, распоряжался «дать каблограмму»; даже играя в шахматы, не говорил, как другие, «шах королеве», а чеканно произносил «гордэ». Игорю он не мешал заниматься квантовой механикой, поддразнивал незлобно:

– Автодидакт, обедать идешь? Для тех, кто слабо понимает, поясняю: автодидакт значит «самообучающийся», – совсем не то, что автогигант.

Вне лаборатории с начальника слетала вся учёная шелуха.

В колхозе, сидя в копне сена, он говорил Игорю:

– Физиком мечтаешь стать? Ну-ну... А вот у меня в твои годы была мечта – помыться в бане с рыжей женщиной...

Кроме измерений «проловки» у Игоря было еще одно занятие, почти общественная работа: в любое время дня к нему заходили студенты-вечерники из всей лаборатории, все с одной просьбой:

– Можешь сделать домашнее задание по математике (физике, механике)? У меня сегодня последний срок, а тебе – раз плюнуть.

Игорь решал все подряд, даже когда приносили задачи по сопромату – самолюбие не позволяло отказаться.

Платили технику-исследователю сверх штата немного, и ему пришлось подрабатывать, тем более, что планируемый переезд в Москву требовал расходов. Удалось устроиться преподавать математику на вечерних подготовительных курсах при

техникуме. Спускаясь с поднебесья квантовой механики, нужно было объяснять простые вещи усталым людям, которые вечером, после работы, приходили на эти курсы, чтобы потом, окончив техникум, хоть немного облегчить свою жизнь. Игорю запомнился случай, когда он вдруг смог посмотреть на себя их глазами: его попросили посидеть ассистентом на приёмном экзамене – слушатели курсов, будущие прорабы, писали сочинение «Романтические герои Горького». Прохаживаясь вдоль рядов, Игорь пытался помогать – одному поправил запятую, другому напомнил, как звали Горького. Так он дошел до молодого парня, который писал про «Легенду о Данко», про то, как Данко, предводитель восставших рабов, вырвал сердце из своей груди, чтобы во тьме осветить рабам дорогу к свободе; вырвал – и умер, а когда рабы вышли из тьмы, приспособленец Ларра занял место героя.

Вместо «Ларра прыгнул» в сочинении было написано «Лара прыгнула». Игорь попытался подсказать:

– Не Лара, а Ларра, и это не он, а она. – Ну что Вы, – не поверил абитуриент, – это же Лара, Лариса; у меня даже в квартире соседка есть – Лариса. Будущий прораб оставил всё по-своему, а про себя, похоже, решил: – Математик у нас – «чокнутый», сказок начитался.

В лаборатории у Игоря никто не знал о его вечерней работе в техникуме, иначе он попал бы под новую газетную кампанию «Мещанству – бой!» Мещан выявляли среди тех, кто тратил свободное время не на отдых или общественную работу, а на дополнительный заработок. Особо яростно газеты нападали на «вещизм» – стремление к модной одежде, мебели и, вообще, к собственности, но здесь Игорь был безупречен: вещи он не покупал, а деньги нужны были для «сверхзадачи»- рывка в мечту.

В первый отпуск Игорь снова приехал в Москву. Приятели пригласили его в Обнинск, где в ядерном институте была АЭС – атомная электростанция, познакомили с физиками. В институт его не пустили, но он увидел краешек того, о чём раньше только читал. Непонятно было, когда его новые знакомые открывают «тайны природы» – казалось, они целыми днями только разыгрывали друг друга или посмеивались над «священными коровами» в литературе и в науке. Так, на сообщение о пуске АЭС поэт Сергей Михалков оперативно откликнулся стихами:

«Советские учёные

Внесли в науку вклад,

Пустив электростанцию

В пять тысяч киловатт».

Второпях автор не успел зарифмовать внутренние строчки, но это не помешало физикам превратить ударные вирши в застольную песню на детский мотив «На муромской дороженьке»:

«...пустив электростанцию – коленками назад...»

Институтская стенгазета дала рецензию на новый советский роман, где, если верить автору, профессор-физик в задумчивом разговоре выпендриво призывал коллег не бояться трудностей:

– Мы работаем над тем, из-за чего недосыпали Пьер и Мария Кюри, над тем, из-за чего недоедал Резерфорд...

Рецензия была краткой:

– Мы ещё можем понять, почему недосыпали супруги Кюри, но неясно, зачем было недоедать лорду Резерфорду...

В Доме Учёных в капустнике была сцена из института биологии, где царил «академик Безволосенко»; исполнитель, похожий на академика Лысенко, учил, как собирать рекордный урожай «развесистой клюквы».

Оглушённый этим полетом жизни, Игорь вернулся домой, достал «Ядерную физику» и, как сказали родственники, «снова полез на стену». Хотя альпинизмом он не занимался, но, что такое спортивная злость, понимал. Он чувствовал, что ждать больше не может, что «гадкому утёнку» пора взлетать, иначе он кого-нибудь укусит на своем «птичьем дворе» – в лаборатории.

Отрабатывать по распределению после института полагалось три года, но уже на втором году Игорь начал приставать к директору, просил отпустить в аспирантуру:

– Разрешите мне уволиться! Не нужен я здесь...

Директор свирепел:

– В аспирантуру? Снова учиться? Ускорители тебе, понимаешь, нейтроны ускорять!

– Ну что Вы, – отшучивался Игорь, – ускорять нейтроны – все равно, что доить козла!

– Козла доить? А работать кто – Ванька будет?

Неожиданно начальник Игоря, который в сердцах окрестил его «задрыга жизни», поддержал мечтателя:

– Пусть едет – дадим человеку шанс!

Наконец, директор сдался, и в конце второго года строптивного техника-исследователя уволили – ура!

Игорь взял авиабилет до Москвы – впервые в жизни летел самолётом. Ему шел двадцать пятый год, никто в Москве не обещал ему ни работы, ни жилья, ни прописки – это был прыжок в ничто! Впереди лежала, как говорили во времена Колумба, «terra incognita» – неизвестная земля, и Игорь, нервно улыбаясь, повторял про себя первый, после отплытия, приказ Колумба: – Вперед, на Запад!

* * *

В эти годы стремительно отходили в тень прежние романтические профессии – лётчики, моряки, полярники. Потеснили и мужественных бородатых геологов с их песнями под гитару. Героем дня становился «секретный физик», и мечта Игоря совпадала с ветром века.

14. Дети манхеттенского проекта

«За долами, за лесами,

Не на небе, не на дне,

Далеко ль – судите сами –

Академик жил в Дубне». –

радостно мурлыкал Игорь, шагая по улице подмосковного города Дубна. Песня была необычная, из местного фольклора, улица тоже была необычная – не Ленина, не Комсомольская – улица Жолио-Кюри. Когда поблизости не было прохожих, Игорь, напевая, скакал вприпрыжку. Он шёл из милиции, трогая себя за карман: там лежал паспорт, а в паспорте – прописка, областная, временная, но – прописка в Дубне!

Вблизи тротуара, на небольшом пустыре между двухэтажными домами из цветных кирпичей мальчишки играли в футбол – гоняли пустую консервную банку, обозначив ворота парой булыжников. По тротуару, обгоняя Игоря, пружинисто прошагал темноволосый и темноглазый, ладно скроенный человек в спортивной куртке с тоненькой папкой.

Неожиданно он свернул на пустырь, улыбаясь, подскочил к банке и азартным ударом отбросил её к воротам; отбросил – и тут же двинулся дальше. Игроки на вторжение не обиделись, любительский матч продолжался. Игорь остановился, спросил футболиста лет десяти:

– Слушай, а это кто?

– Это? Понтекорво, – пацан замедлил бег.

– А он кто?

– Теоретик, – пояснил футболист и помчался догонять банку. ...По улице Жолио-Кюри, между жилыми домами, запросто шел знаменитый физик, итальянец, про которого Игорь читал еще в Медногорске, – живая легенда, работал в Америке, в Англии, ученик Ферми, наверное, знал и Эйнштейна. Увидеть такое – это тоже была часть полосы везения; такая полоса в жизни Игоря началась вдруг этим необыкновенным летом.

В Дубне строили небольшой филиал МГУ – две кафедры и общежитие для студентов – будущих атомщиков. Прораб на стройке, знакомый знакомых, попросил директора филиала дать шанс упорному провинциалу. Директор представил Игоря именитому академику-атомщику, и тот, поговорив с упрямым, позвонил директору:

– Хороший мальчишка, берите его. Игоря взяли – не в МГУ, так в филиал, не в Москву – так в область, не постоянно, а на год, но ВЗЯЛИ! Академик разрешил Игорю работать вместе с его сотрудниками в группе теории плазмы в Институте Ядерных Исследований в Дубне.

Прописка, таинственная Дубна на Волге, работа в Международном ядерном центре – Игорь вытащил свой «звёздный билет».

Утром он выскакивал из общежития и, пока сотрудники-старожилы добирались до Института на велосипедах по шоссе, он мчался напрямик по лесу до проходной; там, за проходной начиналась Физика. Он проходил мимо Ускорителя и через деревянную хлопающую дверь с пружиной подымался в коридор на втором этаже небольшого корпуса, построенного, как говорили, вскоре после войны, когда слово «Дубна» было секретным, а место это называлось «Большая Волга». В конце коридора висел самодельный плакат:

«Всякий Повод Для Размышления Приводит В тупик».

Двери возле плаката вели в комнаты теоретиков. Игорю дали маленький стол, чуть больше тумбочки, в комнате Олега. Там был еще один плакат:

«И До Абсурда Можно Дойти Своим Умом!».

Насмешливый теоретик Олег, выпускник МИФИ, немногим старше Игоря, сразу стал его ментором.

Бросив папку на тумбочку, Игорь уходил в библиотеку; начинать надо было с нуля – объяснять себе то, что другим давно очевидно, привыкать к сжатости журнальных статей, распознавать научные группировки. Задавать наивные вопросы – «А откуда авторы взяли вот это?» – было не принято.

Сосед в общежитии поучал Игоря: Своё невежество надо скрывать...

...В 11 часов сотрудники тянулись на застеклённую террасу – выпить кофе у стойки бара, обсудить новости, в том числе и научные. Заводская столовая в Медногорске,

обед с 12.00 до 13.00, кофе с молоком из бачка виделись каменным веком; здесь, в новом мире, рядом с ускорителем, это был не глоток кофе – глоток свободы...

Игорь прибежал из библиотеки, приносил сенсацию:

– У Ростокера из Пасадены красивая модель – от Солнца дует водородный ветер, давит на межпланетную плазму!

– Старьё! Этой модели года два! Как говорят изобретатели, прототип известен, – улыбался Олег, придвигая капучино, – Нет теперь такой мыслишки, – Чтоб своя, а не из книжки... – Кто там из великих говорил, что десять процентов людей выпивают девяносто процентов пива? То же происходит и в науке, – подхватывал Алик. – Скажи лучше, – он поворачивался к Игорю, – к слову «прототип» какие слова родственные?

Игорь чувствовал – пошла любимая здесь гимнастика ума, проверка новичка. Он начинал осторожно, с очевидного:

– Протон... – Ассоциация первого круга, – морщился Олег. – Еще?

– Протопоп ... – Уже лучше...

– Протуберанец, – пошло по кругу, – протоплазма, протокол...

Первый, кто запнется, не сможет продолжить, должен был ставить всем по чашке кофе. «Кофейный штраф» платили и те, кто нарушал график работы «журнального колхоза».

Скинувшись, сотрудники подписались на несколько толстых журналов и передавали их друг другу по графику – это и был «колхоз».

– Такая разминка длилась минут пятнадцать, обедали тоже быстро, остальное время Игорь с разных сторон наскокивал на свою задачу – это был кусочек задачи всей группы. Выдохшись, часов в пять уходил в общежитие, чтобы вечером еще подумать. Задача притягивала, в Институте было радостно, у двери в ожидании конца работы никто не стоял. Многие приходили поработать и в выходные дни. Работа бывала почти рутинной, «экстаз понимания» наступал редко, но им повезло – они появились вовремя: они играли атомами, жонглировали интегралами, на них падал отсвет сказочного Манхаттенского Проекта, – да и занятий других, достойных, не было.

– Раз в месяц появлялся комсорг, собирал взносы; в колхоз не гоняли, политучебой не мучили, может, стеснялись иностранцев, которые работали в Институте и даже входили в Дирекцию, – хоть и из соц. стран, а всё же – за граница... Казалось, тени Эйнштейна и Ферми заслонили двери парткома и отдела кадров.

– Однако, своеобразную политучебу Игорь вкусил. По пути к кандидатской степени молодые учёные должны были прослушать курс философии и сдать экзамен.

Вместе с группой теоретиков Игорь записался на курс, но на занятия ходить не хотелось: замшелые лекторы излучали непобедимую скуку. На последней лекции пронесся слух, что принимать экзамен придет комиссия из Московского Института Философии Академии наук. Бывалые люди посмеивались:

– Старая гвардия едет: «философия – наука партийная»... - Ничего, они теперь другие, – подбадривали себя соискатели.

«Другие»? Может, и перекрасились, а всё равно –

Хранят их выцветшие шкуры

Отметки «Красной Профессуры» –

«Умрём, но победим»!

Про довоенный Институт Красной Профессуры, оттуда вышли многие «философы в штатском», здесь были наслышаны.

Однако, вместо «борцов за чистоту идей», в комиссии были два молодых экзаменатора, недавние выпускники мехмата.

Они говорили свободно на почти запретные темы – гены и законы наследственности, формальный язык и искусственный разум, Зигмунд Фрейд и Жан-Поль Сартр... Какой-то будущий кандидат физ.-мат. наук поинтересовался:

А кто такой этот Сартр?

Московский философ реагировал мгновенно, как в КВН:

А это муж Симоны де Бовуар!

Соискатель недоуменно повертел головой и сел – ни сам Сартр, ни де Бовуар, французская писательница и, в самом деле, его жена, в советских журналах не печатались.

Экзамен сдали все на «отл» и долго потом спорили – то ли экзаменаторов для Дубны подбирали специально, то ли среди философов в Академии наук началось брожение...

Однажды в столовой Олег познакомил Игоря со своим приятелем и начал вдруг пересказывать Игоревы истории:

– Как ты говорил, что такое «прописная истина»? А, это то, что в Москве никого не прописывают? - Приятель улыбнулся, спросил, прицениваясь к новичку:

– А вот, представляешь картину: Первое Мая, демонстрация, идёт колонна Института математики, знамя впереди... Тот, кто знамя математиков несёт, как называется?

Новичок гордо взмахнул чубчиком: – Знаменатель!

Переглянувшись, старшие коллеги кивнули; похоже, ответ был засчитан. Съели борщ, и Олег завёлся снова: Все думают, что электрон – как маленький шарик, а вот аспирант Пупкин считает, что электрон похож на бублик; что делать с такой идеей?

Игорь был в ударе:

– Бубликовать!

Приятель снова улыбнулся, а потом сказал, что он член правления Дома Учёных, что они готовят игру КВН Дубна-Обнинск и что Игорь приглашается в команду Дубны. В игре знатоки из Дубны отстали на полтора очка – не ответили на вопрос «Как брились древние римляне?». Не помогла и домашняя заготовка знатоков – выходные куплеты эстрадной бригады заводской самодеятельности двадцатых годов «Синяя Блуза», почти антиквариат:

Мы – синеблужники, мы – профсоюзники,

Мы – не танцоры, не певцы,

Мы – только гайки великой спайки,

Своей победы кузнецы!

Обнинск выиграл, но это участие помогло Игорю, новичку в Институте, стать членом Дома Учёных, как говорили посвященные, – Д.У.

На маленькой сцене Дома Учёных устраивались иногда необычные представления. Так, «Литературная Газета» напечатала стихи Евтушенко «Бабий Яр»; автор выстроил в один ряд всех расистов – и российских, и немецких. Поэты сталинского закупа из газеты «Литература и жизнь» (по кличке «лижи!») почуяли чужака и всей сворой ринулись в погоню; запыхала газетная война. В этой войне были и неслышимые залпы – Шостакович написал симфонию на слова Евтушенко, но в Москве симфония не дошла до сцены. Первой сценой, соединившей Шостаковича и Евтушенко, стал Дом Учёных в Дубне. Игорь был в зале и слушал этот, первый за десятилетия, реквием о жертвах многоликой нацистской истерии. Когда хор басов начал опальные строки:

«Над Бабьим Яром памятников нет...

Игорь вдруг ощутил себя на крохотном островке, где **можно** то, что нигде вокруг – **нельзя**.

...Когда прогремел финал, в зале повисла тишина – никто не аплодировал. Потом первым встал Понтекорво, начали подниматься и другие. Когда встали все – раздались первые неуверенные хлопки.

После концерта зрители потянулись в кафе Д.У.; о событии не говорили, снимали напряжение за чашкой кофе. Недалеко от Игоря возле бара стоял пожилой немец, коллега из ГДР, во время войны – сотрудник Института кайзера Вильгельма в Берлине. Выждав момент, когда между ними никого не было, Игорь спросил:

– А что, **тогда** в Германии люди об **этом** не знали?

Немец ответил чётко:

– Не хотели знать...

Благодаря членству в Д.У. Игоря неожиданно привлекли к общественной работе: летом Дом Учёных устраивал курсы повышения квалификации для школьных учителей физики из Московской области. Неделю учителя жили в гостинице, настоящие физики рассказывали им о чудесах, о которых те не слыхали, показывали установки, которых те не видали.

Каждый день после «повышения квалификации» молодые учёные водили гостей по Институту, отвечая на запоздалые вопросы. Однажды настала очередь Игоря. После лекций он встретил группу учителей, спросил, есть ли вопросы, но те отмалчивались. Чтобы разговорить группу, Игорь сам начал расспрашивать их:

– Какая была сегодня первая лекция?

– «Рождение Вселенной», читал профессор Пламеневский.

– Интересно! А вторая?

– «Частицы и античастицы», профессор Грушевецкий.

Горячие темы! Неужели всё понятно, никаких вопросов? Педагоги, молча, переминались с ноги на ногу, совсем как двоечники в классе у доски. Наконец, один спросил:

– Скажите, а Пламеневский – еврей?

– Не знаю... – к этому вопросу Игорь не готовился.

– А сколько он получает?

– Не знаю... Ну, профессор, доктор наук...

– А Грушевецкий – еврей? А он сколько получает?

Так, беседуя, дошли до столовой.

– Не в коня корм, не в педагогов наука! – смеялись физики, но не все – в Урании, как видно, бытовали разные взгляды.

– Они не виноваты, им не объяснили, – искали оправдание другие.

Наплевать! – решил Игорь для себя. У него начала получаться задача, настроение было отличное, и он насвистывал вполголоса «песню физиков» – пародийную переделку слов Окуджавы, сочинённую в Институте:

«Зажжём над миром атомные бомбы,

Загоним все народы в катакомбы!..

Как просто быть ни в чем не виноватым,

Совсем простым, совсем простым солдатом...

А если что не так – не наше дело,

Как говорится, Родина велела,

Как хорошо, как просто быть учёным,

В высокие науки погруженным!»

...Там, где были физики, часто звучали стихи, составляя гремучую смесь науки и богемы.

15. В свет и печать

Первая годовщина работы Игоря в Институте совпала с особым событием – написанием первой научной статьи. Он давно уже видел в мечтах свою фамилию, набранную типографским шрифтом; приятно было думать, кому выразить благодарность, кому подарить авторские экземпляры. Однако, чтобы этот маленький триумф состоялся, нужно было сначала получить у начальства «Акт экспертизы». Если там будет написано, что работа не представляет практической ценности и не содержит новых результатов, то, значит, тайны не разглашаются, и можно просить в Москве разрешение на публикацию.

Раз в две недели курьер возил рукописи в Москву в цензуру.

Цензура называлась «Главлит»; эта таинственная контора помещалась на пятом этаже какого-то министерства и была обращена к миру единственным окошком. Прележав

там неделю или месяц – как повезёт, рукопись возвращалась с разрешением. Нетерпеливые авторы сами доставляли статьи в Главлит, и Игорь тоже повез своего первенца к заветному окошку.

Он катил в Москву в радужном настроении: накануне по радио объявили, что академик Ландау стал нобелевским лауреатом по физике; молодые теоретики сияли отраженным светом. Коллеги Игоря называли всеобъемлющий учебник Ландау просто «Книгой», даже не ссылаясь на автора; когда спорили, так и говорили:

– Посмотри в «Книгу», – там, наверняка, есть про это.

Дать старт своей первой работе в такой день казалось каким-то значимым символом.

Священнодействие в Главлите оказалась обыденным: тётка, скучавшая за полузакрытым окошком, сверила все печати на акте экспертизы и, пролистав рукопись, равнодушно хлопнула штампом по первой странице. Теперь там синел чернильный прямоугольник, и заглавные буквы разрешали «В свет и в печать»; всё, как говорили, «залитовано»!

Начинающий автор неторопливо спускался по лестнице, даже лифтом не поехал. Чтобы достойно завершить день (и год – как никак юбилей, год новой жизни!), захотелось кутнуть. Игорь знал шашлычную «Эльбрус» в начале Ленинского проспекта. Напротив шашлычной на торце большого дома два этажа занимала надпись, выведенная навечно красной краской на белой стене:

«В партийных журналах каждое слово –

Как след впереди идущего.

Партийное слово – это основа

Нынешнего и грядущего».

Внизу, под плакатом, стояли газетные стенды – «Правда», «Труд», «Известия». Во всех газетах было сообщение «Нобелевская премия – советскому учёному», про Ландау. Игорь остановился, пробежал строчки, стал читать еще раз, медленнее. Подошли два мальчика лет двенадцати-четырнадцати, постояли рядом, тоже глядя в газету. Читая, Игорь почувствовал мимолетное прикосновение к спине, как будто птица с неба капнула. Ребята отошли, а он, прочитав сообщение, двинулся в «Эльбрус». Неожиданно какой-то прохожий, обгоняя его, негромко сказал:

– У вас спина испачкана.

Игорь остановился, снял куртку. На спине мелом была нарисована свастика. Он потёр куртку руками, размазал метку и повертел головой – те двое уже исчезли. Appetit

пропал, он поехал домой.

...Когда-то Игорь читал, что в Древнем Риме во время пиров патрициев, в разгар оргии, слуги вносили гроб – не зазнавайся, помни о печальном. Вот и сегодня ему напомнили...

Вскоре наступил первый отпуск, и Игорь полетел в Медногорск, полетел победителем. В честь гостя мать пригласила соседей и сослуживцев, накрыла стол. Похвалив Игоря за приезд, соседи задавали осторожные вопросы – над гостем нависал ореол тайны. Выяснив, что «ребёнок» ещё не женат, начали обсуждать знакомые семьи:

–...он получает... она получает...

– ...защитил... защищает... никогда не защитит... – это о диссертациях.

Игорь привез красивую коробку конфет, каких не было в Медногорске, поставил на скатерть. Все потянулись к коробке. – Какие конфеты красивые! Из Москвы? – Нет, из Дубны.

Руки, протянутые к конфетам, враз отдернулись, как от отравы; гости дружно стали накладывать домашнее варенье из вазочек. Позже, в разговоре с матерью, они, оправдываясь, бормотали:

– Это же оттуда... атомное ... – страх перед неизвестным пересиливал любопытство.

Слух о приезде холостого столичного физика разнёсся по медногорской интеллигенции, и через два дня к Игорю явился представительный незнакомый мужчина лет семидесяти в светлом пиджаке с медалью «За Трудовую Доблесть». Он назвался общественником, сказал, что помогает достойным молодым людям создавать семью и хочет познакомить Игоря с добродетельной девочкой, которая, как раз, заканчивает медногорское муз. училище. Однако, вначале он ещё раз проверил данные Игоря: – Вы в самом деле учёный? А **туда** как попали? По блату?

– Нет, я много занимался теор. физикой, кончил институт...

– А, институт... А в институт – по блату?

– Нет, я школу кончил с золотой медалью.

– Ну а медаль – по блату? Сват, как настоящий ученый, доискивался до первопричины; не доискавшись, он заговорил о невесте, вернее, о ее семье: – Какой отец! Какая мать! Чтобы остановить напор, Игорь изобразил интерес: – А эта, ваша, – она блондинка или брюнетка? – Шатенка, – сват осторожно нащупывал ответ. – А мне больше блондинки нравятся, – схватился за соломинку кандидат в женихи. – И блондинка есть! Пединститут кончает! Одевайтесь, поедem сейчас смотреть! – Общественник теснил Игоря к дверям. Пообещав подумать, Игорь выпроводил гостя.

В отпуске он еще раз посмотрел кино «9 дней одного года» – про жизнь физиков в научном городке; куски фильма снимали в Дубне. Эту картину он уже видел, но захотелось взглянуть на свой новый мир глазами того восторженного мальчика, который раньше жил в Медногорске и ходил в этот кинотеатр. Конца отпуска Игорь дождался с трудом – хотелось домой, так он теперь называл Дубну.

В Институте было не скучно: по лабораториям ходила писательница Г. Николаева; недавно вышел ее роман «Битва в пути», где, при желании, можно было прочесть между строк какие-то намеки на советскую жизнь, а ей уже был нужен герой для нового романа – «физик, молодой, талантливый и с драмой в личной жизни». Кроме того, приехал известный психолог, поборник гипнопедии – обучения во сне. Он искал добровольцев, которые согласятся ставить ночью магнитофон возле своей кровати; в определенное время аппарат будет шептать английские слова, а спящие без труда изучат язык. Новинка привлекала внимание – недавно за знание языка стали доплачивать пятнадцать рублей в месяц. Приятель Игоря из ЛЯП (Лаборатория Ядерных Проблем) сдал экзамен, и ему повысили зарплату; когда обмывали прибавку, жена приятеля спела, как тост, частушку из капустника института иностранных языков:

«А мой милёнок – норовистый,

Переводит он Дюма,

Лучше графа Монтекресто

Я живу теперь сама».

Игорь с приятелем пытались пригласить знаменитого скульптора Конёнкова; тот был в преклонных годах, за ним чудились тени его знакомых, легендарные и полузапретные имена – Шагал, Дали, Модильяни – но жена скульптора отказала:

– Не трогайте его, ничего он уже не помнит, путает Ленина с Богородицей...

Это был единственный прокол – в Дубне любили гостей, и гости любили Дубну. Там возникал ореол избранности и для хозяев, и для гостей. Похожих мест было немного – Обнинск, Новосибирский Академгородок. Без такого притока свежей крови дух закрытого «почтового ящика», где люди годами и работали, и жили вместе, напоминал спёртый воздух отдаленного гарнизона.

Выпав на время отпуска из институтской круговерти, Игорь задумался о своём положении. В роли эрудита, «способного мальчика», он становился переростком; наступала пора определяться. Казалось разумным поступить в аспирантуру, решив одним махом все проблемы – и научные, и личные. В Дубне аспирантуры не было, но было естественно проситься в аспиранты в МГУ на кафедру, которой заведовал известный академик, шеф Игоря. Академик собственноручно написал Игорю рекомендацию, и все бумаги пошли на физический факультет МГУ. Ситуация казалась однозначной: работа в Дубне + самостоятельная статья + сданный кандидатский экзамен + рекомендация

академика.

Прошёл месяц, и Игорь узнал, что он даже не допущен к приёмным экзаменам. Секретарша в приёмной комиссии, тетка с голосом Железной Маски, объяснила причину: – Вы не учились в МГУ. – Но по правилам приема это и не требуется! – Нет-нет, забирайте скорее документы; в партбюро и так хотят выяснить, как Вы попали в Дубну – зловеще добавила Маска.

Справку о сданном экзамене она не отдала, прикрыла рукой: – Это остается в деле! Игорь, рассвирепев, схватил справку, бумага порвалась. Секретарша заверещала, и неудавшийся аспирант хлопнул дверью.

На работе неудачу Игоря вслух не обсуждали, хотя он услышал нечаянно, как Олег говорил кому-то в коридоре: – В МГУ с космополитами опять строго...

В этот вечер Игорь в тоске сидел один в общежитии, чередой текли невесёлые мысли – путь преграждала все та же свора... Вдруг за дверью раздался шум – неожиданно, без предупреждения, ввалилась вся теор.группа : Олег нес водку, Алик – портвейн, остальные – колбасу, батон и лечо. Последним шел Митя с гитарой за спиной.

Если первым иностранцем, которого Игорь увидал, был Бруно Понтекорво, то первым знакомым иностранцем стал Димитр, Митя, программист из Болгарии. Высокий, с заметным животиком, он слыл лучшим танцором в Дубне; все женщины были для него желанны, и каждая была «Львица». Митя ловко играл на гитаре, даже выступал в Москве на вечерах Общества дружбы «Болгария-СССР»; конференсье так и объявлял:

– Выступает математик-эстрадник!

Пока искали стаканы и открывали бутылки, Игорь понял – пришли поддержать, хотя про неудачу никто не упоминал. Чокнулись, обсудили новости, неожиданно Олег обронил: – Меня самого в МИФИ на спецфак не взяли – дед был «вражок».

– Кто-кто? – Вражок; дед в тридцать седьмом жил в Воронеже, там «врагов народа» сажали по плану, списки загодя готовили. По местной инициативе кандидатов на посадку разделили на четыре группы, по убывающей: враг, вражок, вражонок и вражонок. Брали по порядку, дед оказался во второй очереди... Что говорить... Митя, спой лучше про нули, – Олег неожиданно переключился.

«Балладу о нулях» написал автор из Дубны, специалист по ядерным реакциям. Митя взял гитару:

«Дело было на Луне,

Нуль женился на нуле...

Говорят нулям нули:

Мы, нули, есть соль земли,
Мы круглы, фотогеничны
И центрально симметричны.
Нуль за что мы уважаем?
Он взаимозаменяем:
Служит нам спина фасадом,
Голова нам служит задом,
Служит нам рука ногой,
Сердцем – орган половой».

На шум заглянула Галка со второго этажа; увидав полдюжины кавалеров, порхнула к столу. Комсорг медсанчасти, она сумела поселиться в общежитии физиков, дружила со всеми жильцами и охотно учила талантливых увальней из провинции выплясывать замысловатый чарльстон; когда танцор неумело обнимал Галку за талию, она шептала ободряюще:

– Эрогенная зона...

Галантный Алик поднял тост, завезённый с симпозиума астрофизиков:

– Пьём за прекрасных женщин, которые, подобно звёздам, сияют в ночи и исчезают к утру! – Митя, смени пластинку! Повеселее давай! – попросил Игорь. – Даю! – отозвался гитарист. – Баллада о законах сохранения!

«Если выйдет девка замуж,

Станет девка дамою,

А не выйдет девка замуж –

Станет то же самое!»

– Галка, твой тост! – требовали кавалеры. Галка потупилась:

– Мы люди простые, на симпозиумы не ездим; давайте выпьем, как пьют связисты на АТС: – За связь без брака!

...Разошлись за полночь, и Игорь подумал, что это был один из лучших вечеров в

его жизни: в трудный день друзья не ждали просьб, не говорили высоких слов – просто стали рядом с ним.

Услышав про сплочённый отпор парткома и приёмной комиссии МГУ, академик вскипел и рекомендовал Игоря в аспирантуру Академии наук. Тут экзамены прошли благополучно, и Игорь стал аспирантом Физического Института Академии наук, знаменитого ФИАН. Чёрная полоса в жизни сменилась белой, даже не белой, а розовой.

Покидая Дубну, Игорь видел себя повзрослевшим, но не сломленным: колёса Системы лязгали рядом, но не зацепили. Теперь он вспоминал старую сказку про Уранию, усмехаясь грустно и понимающе, – при взгляде изнутри волшебный остров напоминал крепостной театр.

16. Аспирант первой статьи

Новая жизнь Игоря началась с аспирантского общежития Академии наук. Комендант, румяный отставник, бывший майор из охраны Бутырской тюрьмы, назвал номер комнаты, напутствовал кратко: – Давай, поселяйся, но смотри: баб водить – только в выходные! Нужная дверь была заперта на ключ изнутри. Игорь постучал. – Кто? – раздалось из-за двери. – Я – Стекольщик, ваш новый жилец, – Уйгур? – Нет, не уйгур. – Не надо, иди, – беседа завершилась. – Фу ты, забыл, им своих подавай, – вздохнул комендант. – Будешь жить в другой секции.

Придя на три года в Институт, нужно было отметить в комнате под названием «военно-учётный стол». За железной дверью сидел моряк, тоже отставник. Зная, что для защиты диссертации нужны три напечатанные статьи, он делил аспирантов на три группы по степени их готовности к защите: как на флоте были старшины первой и второй статьи, так и он называл будущих учёных – аспирант первой статьи, второй и т.д. У Игоря была одна печатная работа. – Первостатейный аспирант! – похвалил он новичка.

Увидев в военном билете новичка слово «танкист», отставник расцвел улыбкой: – Танкист – это хорошо! Танкистов у нас мало!

За выходцами из элитных вузов в его картотеке значились модные околонуточные военные специальности – связь, хим. защита, аэродромная техника. «Танкист» значило – институт из провинции; отставник нечаянно признался, как редки здесь чужаки, и Игорь вспыхнул от гордости – его занесли в Красную Книгу.

Времени для аспиранта у академика не было, и Игорю был назначен «микрошеф» – молодой доктор наук. Доктор знал наизусть толстые справочники по математике и усердно наращивал список своих работ. Время от времени он признавался, утомлённо и кокетливо: – Я весь в мыле – пишу сразу две работы... Однако, когда новичок спросил его, как вывести какую-то формулу, микрошеф сердито отрезал:

– Я за Вас работать не буду!

Микрошеф ходил на работу через день, потому что делил маленький кабинет с другим доктором, с которым был в ссоре. Второй доктор излагал похожий взгляд, но более образно:

– Я – как Лист; тот сажал ученика к роялю рядом с собой и говорил: Делай, как я!

Педагогика в Институте была простая: можешь – тяни, не можешь – тони. На шефов не обижались – как пел хор профессоров в капустнике:

«С нас три шкуры драли тоже –

Как на кошке зажило!»

С общежитием Игорю повезло: сосед по комнате, Вадим, попался спокойный, практичный, теоретик, но без мании величия. Он планировал свою жизнь на несколько лет вперед, обсуждая подолгу вечные вопросы:

Какая профессия лучше – уникальная или массовая?

Дают ли деньги свободу?

Как остаться после аспирантуры в Москве, не женись на москвичке?

Такие общие разговоры велись обычно перед сном, а утром он деловито спрашивал Игоря, рано выбежавшего из общежития:

– В забой? – В забой! – подтверждал тот; это значило – в Институт.

Ответ на первый из этих «вечных» вопросов Игорь знал, по крайней мере, на ближайшее время, – академик не советовал хвататься за модные темы: – Видишь – бежит толпа большая, локтями толкаются, – отойди в сторону; будь первым там, куда все кинутся года через три; учись работать в стол, – день придет.

В моду входила вычислительная техника, и пачки перфокарт на письменном столе подтверждали, что хозяин стола – человек на уровне. Однако, кропотливо набивать перфокарты, «дыроколом работать», Игорю казалось скучно. Он двинулся на поиски своей жар-птицы, поставив срок поиска – не больше года. В этот год Игорь «впитывал» Москву – бегал по лабораториям, вписывал в толстую «амбарную книгу» резюме семинарских докладов, а главное – встречал новых людей. В журнале «Америка», почти недоступном, он вычитал, что качество жизни тем выше, чем шире круг знакомств, и ему нравилось улучшать качество своей жизни.

В начале аспирантских дней Игорь впервые увидел живого американца: это был Митчелл Уилсон, в прошлом – физик, сотрудник Ферми, а теперь – знаменитый писатель; его романы из сегодняшней жизни американских физиков, особенно «Жизнь во мгле», знали все вокруг. Он приехал в Москву и захотел встретиться с аспирантами. Когда гость,

а с ним – академик Прохоров, появились в зале, все стулья были заняты, опоздавшие стояли у стен. Вступительная речь писателя сразу ошарашила публику: – Ваши коллеги, ученые в США, в начале карьеры получают примерно втрое меньше своего профессора; но ваша зарплата в семь-восемь раз меньше зарплаты босса, – и гость повел головой в сторону академика. – Ваши перспективы лучше, рад за Вас!

Слушатели вежливо молчали, а Игорь думал, что правильно делали древние греки, помещая богов на Олимп, чтобы смертные не видели бессмертных вблизи.

Митчелл Уилсон не обратил внимания на большие плакаты – «Моральный Кодекс Строителя Коммунизма», развешанные на всех этажах. В кодекс входило около дюжины заповедей, но особо запомнились две:

«Борьба с нетоварищеским отношением к женщине»;

«Непримиримость к карьеризму и стяжательству».

Первая заповедь питала передачи «Армянского Радио», вторая привлекала своей загадочностью. В стяжательстве никто из аспирантов не признавался, но тема приработка всегда витала в разговорах. Иногда удавалось наняться циклевать полы в гостинице «Минск»: ночь работы, а утром – порция цыплят «Табака», пятьдесят грамм коньяка и пятьдесят рублей, пять процентов стипендии, без всяких расписок. Игорь нашел работу временную, зато почти по специальности: преподавать физику на летних подготовительных курсах при Артиллерийской академии. Слушатели – полсотни капитанов и майоров, все старше Игоря, – дружно вскакивали, когда «товарищ преподаватель» в яркой ковбойке навыпуск входил в аудиторию. Абитуриенты съехались из глухих мест, и Игорь, отмахнувшись от рапорта дежурного, старался, выходя за программу, рассказать им и про судьбу Галилея, и про жизнь Ньютона. Слушатели, видимо, восприняли эту вольность как нестроевую слабину и постепенно перестали вставать навстречу лектору; в аудитории нависал шумок. Когда, в очередной раз, курсанты встретили его сидя, без рапорта, Игорь вспомнил свою военную кафедру и выкрикнул, хотя и без сноровки, но старательно: – Встать! Удивлённые капитаны и майоры начали приподыматься, лектор продолжал: – Товарищи офицеры! Когда я был студентом, и мы на военных сборах так вставали перед взводным, нас гоняли строем по лагерю с пением песен. Дежурный, рапорт! Команда, явно, была неуставная, но дежурный быстро подскочил с рапортом. Начиная с этого дня, занятия покатались наезженной колеей – и по содержанию, и по форме, а проблемы исчезли. Игорь припомнил, как ему еще давно, в шестом классе говорили:

– «Тебе, что, – больше всех надо?» – умно ведь говорили!

Осенью Игорь нашел работу поинтереснее: писать популярные заметки про научные новинки в газету «Московский Комсомолец». Поле было непаханое, научные новинки так и сыпались – биофизика, семиотика, фотонная ракета... В редакции физика-популяризатора одобряли, вспоминали завет классика: – Давай-давай: «Работать для науки и писать для народа!» Печататься под своей фамилией не хотелось – все твердили,

что ученый должен быть бессребреником, – и Игорь придумал себе нехитрый псевдоним – Серов. Видя такой псевдоним, журналисты ухмылялись: это оказалась фамилия президента академии художеств, автора полотен «Зимний взят» и «Ходоки у Ленина».

Была даже песня, сложенная начинающими художниками на известный мотив «Когда страна быть прикажет героем...»

«Мы молоды, энергичны, суровы

И в Третьяковку стремимся гурьбой;

Когда страна быть прикажет Серовым –

У нас Серовым становится любой!»

Платили газетному Серову немного – рублей двадцать в месяц, цена пяти бутылок коньяка, – но работа была веселой.

В Москве у Игоря были дальние родичи: дальний дядя – министерский старожил, жена – из другого министерства, дочка – в НИИ. Провинциальный племянник, без московской прописки, да ещё с бредовыми планами, воспринимался в этой добропорядочной семье как ненужный смутьян. Однако, став аспирантом Академии наук, Игорь вдруг получил приглашение к ним на вечеринку – отметить Седьмое ноября. Праздник устраивался в складчину, по тридцать рублей с носа, с пары – пятьдесят. Квартира была двухкомнатная, и, пока в дальней комнате, за закрытой дверью, накрывали стол, в другой комнате стоял гомон: «...Вишневская... билет – триста рублей, а сто – сверху... на французской выставке омаров давали...». Каждому гостю предстояло, вытащив фант, показать себя; хозяйка спела у пианино «Вечер вальса, вечер вальса...», Игорю тоже выпал музыкальный номер. Вспомнив фольклор былых студентов, он заменил пение стихами:

В гареме нежится султан,

Ему счастливый жребий дан:

Сто женщин может он ласкать,

Ах, если б мне султаном стать!

Но он – несчастный человек,

Вина не знает целый век,

Так запретил ему Коран –

И вот я больше не султан...

И Папой римским сладко быть:
Вино без счёта можно пить,
И деньги есть в его казне,
Ах, если б Папою стать мне!
Но он – несчастный человек,
Не знает женщин целый век.
Не смеет женщин он ласкать –
Мне Папой Римским не бывать!
Я разделенья не терплю:
Вино и женщин я люблю!
А чтобы это совместить,
Простым студентом надо быть:
В одной руке держу бокал,
Да крепче, чтобы не дрожал,
Другою обнял нежный стан –
И вот я Папа и султан!

Ужин задерживался, и гости стали втягивать декламатора в модный спор, который уже второй год подогревала «Комсомольская Правда»: кто важнее для общества – физики или лирики, точные науки или общественные. Физик уверял, что у его коллег горизонты пошире: – Если девушка знакомится со студентом, который слышал и про Аррениуса, и про Сибелиуса, но не знает, кто из них – физик, а кто – композитор, то это – студент физтеха, но не консерватории.

Спор прервался – позвали к столу. Сервировка была необычна: на каждом блюде лежала бумажка с ценой. В Медногорске тоже устраивали складчины, но счет гостям не выставляли. Сидя среди ценников, Игорь недоумевал: это что – столичная новинка или извечное «Как бы чего не вышло...». Он был здесь впервые, но другие гости не удивлялись. Поддерживая начинание, Игорь взял с подноса ломоть ветчины и положил клочок салфетки, написав “1 руб.” Шутку никто не поддержал, видно, это была бестактность.

Раз в месяц Игорь приезжал в Обнинск – там в Доме Учёных приглашали интересных гостей из Москвы. Центром притяжения на этих встречах был Тимофеев-Ресовский – знаменитый генетик, восемнадцать лет работавший в Германии, знакомый с Бором и Планком. Над ним, как и над Понтекорво в Дубне, был отсвет тех имен и тех лабораторий, про которые в СССР знали только из книг. «Хранитель огня», он всегда был окружен группой теоретиков; лидер группы, Валя Турчин, доктор наук в тридцать лет, и его сотрудники успевали все – выступали за Обнинск в команде КВН, готовили сборник «Физики шутят» и находили многоступенчатые подходы к необычным гостям.

Встречи в Доме Ученых, на фоне «Первой в мире» (так, по-свойски, называли здесь Обнинскую АЭС) устраивались на разные вкусы, но интересны были все: в один вечер доставали из Госфильмофонда картину Феллини «Восемь с половиной» – фильм, который нигде не показывали. Книгу Дудинцева «Не хлебом единым», изданную на излёте оттепели, в пятьдесят шестом году, растоптала советская критика, и вот Дудинцев – гость Обнинска. Этот город стал почти единственным местом, где Студенческий театр Московского Авиационного Института показал свой спектакль «Снежный Ком, или Выеденное Яйцо» – аллегория того, как рождается и ширится очередной общественный почин.

...На сцене был птичий двор: под кумачовым лозунгом «Наша цель – превратиться в цыплят “Табака”!» кокетливо пританцовывали молодые курочки в жёлтых балетных пачках; несколько петухов с красными гребешками обречённо внимали толстому индюку, который с трибуны зачитывал призывы:

«100 процентов яйцекладки

Дать от каждой куромамки!»

Один хромой петух отнекивался: – Стар уж я для этой штурмовщины! А оратор ему в ответ: – Ты, прежде всего, ко – ко – коммунист, Петя ! В глубине сцены в это время звенел хор курочек:

«Слава, слава птичницам –

Курятницам, яичницам!»

Такая встряска на несколько часов прикрывала зрителей – восемьсот человек, всего один зал, – от грохота починов, которые, разрастаясь снежными комьями, непрерывно катились со страниц всех газет огромной страны: «Даёшь Большую Химию!», «Всем классом – на завод!», «Всей бригадой – в театр!», «Догнать и перегнать Америку!»

Местный горком терпел заезжих зубоскалов до падения Хрущёва, а потом, наконец-то, сам показал зубы, «навёл порядочек»; обнинские посиделки больше не повторялись...

После нескольких месяцев вольготной аспирантской жизни микрошеф призвал Игоря и объявил, что хватит искать тему – пора делом заняться, а конкретно – работать с ним «в четыре руки».

Задача была поставлена, Игорь начал втягиваться, но возникла новая проблема: соседняя группа в той же лаборатории делала ту же задачу, но по-другому. Между соседями шла долгая позиционная война, и Игорь, подневольный аспирант, с трудом держал нейтралитет. Каждую группу порознь убеждали, что в научной сваре и победитель, и побежденный пачкаются одинаково, но ответ был один:

– А вот они... и так далее.

Даже в поликлинике Академии наук Игорь слышал знакомые перепевы; в очереди у терапевта беседовали два уважаемых джентльмена: – А мы сняли Ваш доклад с симпозиума, – приветливо улыбаясь, сообщал один. – А мы Вашу статью не взяли в сборник, – парировал другой. – Горячка белая, – подытоживал такие истории знакомый Игоря, ироничный профессор, переводчик Эйнштейна, смотревший вокруг с высот текстов, которые он переводил. Услыхав про молодых антагонистов из лаборатории Игоря, профессор поморщился: – Это – так, мелкая рябь на научной луже. Хуже, когда океанские валы сшибаются, – такая пена летит! – Это Вы про борьбу научных школ? – Игорь наострил уши. – Про нее... Знаю я пару таких «борцов»: лет сорок назад, в университете, на первом курсе, была у них одна пара ботинок на двоих, носили по очереди; кто на свидание шел, тому вне очереди давали... А теперь в один «ЗИМ» не садятся!

От такой «горячки» было два противоядия: можно было на время «нырнуть в уравнения», там было просторно и комфортно, но потом приходилось выныривать обратно. Другой способ – читать историю науки и, видя похожие примеры в жизни людей, чьи портреты вошли в учебники, относиться к этим слабостям с пониманием, даже с юмором, – так, как описано в книжке «Физики шутят»; не зря даже подражание появилось – «Музыканты шутят».

На воскреснике в институте, когда аспиранты выбрасывали макулатуру из библиотеки, Игорь подобрал несколько пожелтевших листков – похоже, что это были остатки какого-то старинного сборника документов по истории Академии наук. На мятых страницах можно было разобрать куски академического устава Петра I. Там предусматривалась, в частности, и такая неуставная ситуация: «Во время конференции де-Сиянс Академии студентам дозволяется стоять за стульями профессоров но, под страхом порки, не вступать в разговоры, а буде среди профессоров учинится драка – сей момент покинуть помещение».

17. Самость и данность

В первые аспирантские месяцы Игорь обежал дюжины две московских семинаров – от астрофизики до истории математики.

Вспомнив необычный экзамен по философии в Дубне, он забрел даже в Институт философии на доклад по психологии творчества; лектор уверял, что творческая личность обязательно имеет два признака – «самость» и «данность». Первый, похоже, обозначал на обычном языке неповторимость личности, а второй – талант, который ей дан. Точную границу – где кончается самость и начинается данность – докладчик не провёл, но Игорю идея приглянулась, и он стал выискивать эти качества в окружающих.

Вскоре представился случай расширить круг поисков.

В те дни, придя в ФИАН, академик Колмогоров рассказал, что он открывает при МГУ особый интернат – физмат школу «для Ломоносовых из провинции». На олимпиадах по математике и физике в каждой области отберут несколько способных старшеклассников – всего человек двести, чтобы учить их в Москве по специальным программам. Отбирать будет комиссия из этого интерната – никакого блата, никаких анкет и характеристик, только решай задачи! Игорь вспомнил свои мытарства, подошел к Колмогорову и попросился в дело; через неделю он уже вел в Интернате свой первый урок физики.

Казалось – вот они, и самость, и данность, тридцать отборных особей в классе. Программа – почти свободная, да и учителя – не из Горно: как пелось в интернатском гимне,

«...аспирант и пол – доцента

На процент ученика».

Замшелые методисты из академии педагогических наук, наследники Крупской, услышав про Интернат, скрежетали зубами: – Опять эти ундервуды! – слово «вундеркинд» они принципиально произносили как название старой пишущей машинки. – «Академия» – огрызались «интернатские», – дидакты от слова «дед»! – Вы в букваре для первоклашек, как тридцать лет назад возле буквы «т» рисовали тачку, так и сегодня рисуете; у англичан – телевизор, у немцев – транзистор, а у Вас – тачка!

Новизна начинания, легендарное имя Колмогорова, мировой космический бум – над интернатом веяла особая аура. Вскоре Игорь и сам был в жюри; отбирали способных школьников на олимпиаде в Ростове и злорадно – «Вот тебе!» – отказали местному секретарю обкома комсомола, который просил за чьего-то отпрыска. Неувядающая сказка про Уранию на одном, отдельно взятом острове вновь обретала зримые контуры...

К концу второго года аспирантуры в жизни Игоря произошло Событие – он женился; жена – студентка, не москвичка, жила в общежитии. Институтские остроловы ехидничали:

– Нарушаешь «Моральный Кодекс Строителя Коммунизма»? Проявляешь нетоварищеское отношение к женщине! Микрошеф, бормотнув по-советски «Поздравляю с законным браком!», деловито осведомился: – Сколько у Вас на двоих? Сосед по

общежитию достал вырезку из газеты; там обсуждали закон о браке: – Что является целью брака – знаешь? Небось, про глупости думаешь? Читай: целью брака является совместное ведение хозяйства и воспитание детей в духе... В Духе!

Совместно вести хозяйство было негде, и молодожены сняли комнату в трехкомнатной квартире: чтобы отдать долг за новую мебель, хозяева впустили квартирантов, выставив им старый стол и продавленный диван. Шестилетняя хозяйская дочка, встречая жильцов на кухне, рассказывала, какой у них красивый гарнитур – югославский «Загреб». Аспирант и студентка оправдывались: — Подожди, у нас тоже гарнитур будет, когда начнем «загребать»! Дошкольница не поверила: – Нет, Вы этого не достанете! Когда долг за мебель выплатили, квартирантам велели съезжать.

Деться было совсем некуда, но помог Петровский, ректор МГУ: поддержав преподавателя колмогоровского интерната, ректор распорядился поселить Игоря временно в Доме студентов МГУ, как «гостя Университета». С письмом Петровского гость пришёл к коменданту Дома, застав его в окружении властных тёток – начальниц этажей. Обстановка была нервная – размещали первокурсников, места в общежитии – на вес золота.

– Гость? Раньше гостем Университета был Нильс Бор, а теперь ты? – интеллигентно съязвил комендант; но тут строчкой ниже он увидел, что нужно не одно место, а два, и интеллигентность враз испарилась. Забыв про подпись ректора, раздатчик мест взвизгнул: – И баба с ним! – Тётки вокруг стола тоже яростно загалдели, но Игорь всё же вышел с ключом от комнаты на восьмом этаже МГУ на Ленинских горах.

Втиснувшись вдвоем в семиметровку, предназначенную для одного старшекурсника, новосёлы начали знакомиться с соседями.

Этаж заполняли аспиранты МГУ, из которых готовили преподавателей для периферийных вузов. В смежной комнате жил Дима – аспирант по научному атеизму, его тема называлась «Антирелигиозные мотивы в творчестве Кондрата Крапивы». Материала было немного, каждую строчку Крапивы приходилось трактовать развернуто. В первый же день Игорю показали строки про деревенского попа, пьяницу и ёрника, который

«такие сочинял припевки,

что возмущались даже девки»

Исследователь колебался, где ставить ударение: на «возмущались» или на «девки» – от этого менялся смысл. – Ставь посередке, на «даже», хуже не будет, – советовали люди из науки, далёкой от атеизма.

Раз в месяц Дима, молодой коммунист, ездил на общественную работу в городское управление торговли – Горторг: там он проводил политучёбу для торговых работников. После занятий местный парторг вручал общественнику гонорар: дефицитную «палку» финской колбасы, банку югославской ветчины «со слезой», швейцарский сыр с дырками.

Соседи по общежитию выставляли бутылку, вместе обмывали гонорар, подымая тосты за спаржу «горторг-парторг».

Жилец из смежного отсека, аспирант по научному коммунизму, считался везунчиком – его тема была связана с хрущёвским разделением райкомов на промышленные и сельскохозяйственные. После падения Хрущёва тему сменили, а соискателю продлили срок – ещё на два года оставили в Москве. Другому соискателю из того же отсека повезло меньше: проблему «Работа Шуйской районной партийной организации по восстановлению народного хозяйства в 1947-1949 гг.» ему только что утвердили, и продление не предвиделось. – А почему взяты именно эти три года? Что там случилось? – приставал Игорь к диссертанту. – Ничего не случилось! – втолковывал историк физику. – Просто, по темнику, следующие три года, с пятидесятого по пятьдесят второй, другой пишет. – По какому еще темнику?

Историк вытащил из портфеля замусоленную книжку – «Темник научно-исследовательских работ по общественным наукам», ткнул пальцем в свои «47-49 гг.». История в «Темнике» размеренно планировалась по областям, годам и организациям – партийным, комсомольским, профсоюзным, для отсебятины места не было. – А про пионеров почему ничего нет? – увидел пробел Игорь. – Ком. воспитание по педагогике идёт, – диссертант четко знал дело.

Отдельный блок занимали аспиранты-физики, Стас и Марклен. Стас, холёный, всегда в начищенных туфлях, постоянно носил в портфеле номер журнала «Америка». Завидев в метро очередную «сексапилку» (Стас первым принес это слово в общежитие!), он становился рядом, доставал журнал и небрежно перелистывал яркие фото; неважно, что журнал вышел в позапрошлом году, – это была визитная карточка, оружие победы. Шефом он восторгался:

– Молодой, всё в порядке, член-корреспондент...

Покидать столицу Стас не собирался, искал перспективную невесту и охотно поучал соседей – будущих провинциальных доцентов: – Знаешь, что такое эксцентрик? Клоун такой? – Нет! – «Кулачок, насаженный на вал...» – сам ты кулачок! Эксцентрик – это олух, которого отправили из центра на периферию; а я – не эксцентрик!

Другой аспирант, Марклен, что значило «Маркс и Ленин», приехал из Гомеля, – он был зятем какого-то тамошнего областного начальника. Провинциальный номенклатурный зять умиленно вспоминал, как, отбывая в МГУ, полагалось представиться ректору местного университета, и, чтобы попасть к нему, пришлось прождать в приёмной около тридцати часов. Московского шефа он воспринимал как бытовое явление:

– Ничего мужик, выпить может... Считался Марклен аспирантом не простым, а «целевым»: поначалу это было непонятно, – казалось бы, цель у всех одна, но вскоре разница прояснилась: после защиты его ждало место в Гомеле, в обкоме, в отделе науки. Физика входила в Марклена нелегко, и даже его соавтор с кафедры, молодой коммунист,

по столичному циничный, говорил про гомельца, окая, голосом Максима Горького и его словами, заменив в известной горьковской цитате слово «знать» на «получать»:

«Если я знаю, что знаю мало,
я добьюсь того, чтобы получить больше».

Всех обитателей этажа – и физиков, и «лириков» – объединяла общая тревога за судьбу «кандидатской надбавки». Уже несколько лет «Литературная Газета» вела дискуссию – платить или не платить надбавку за ученую степень. Маятник слухов раскачивался, взлетали и падали надежды, «стяжательство» пытались отделить от «социалистических накоплений». Дискуссия то затухала, то оживала, но «Вечерка» каждую неделю, не замедляясь, печатала штук сто новых объявлений о защитах диссертаций. Подспудно было ясно, что отмена надбавки все равно не остановит конвейер диссертаций: на заводе – в смену ходить, врач долго учится, получает мало, а тут – день не нормирован, отпуск большой, да ещё лишних двадцать метров жилплощади и чувство: «Достиг!». Никто не знал, сколько нужно учёных, чтобы догнать и перегнать Америку, но снежный ком катился, как в той обнинской пьесе: огромный инкубатор работал, яйцекладка шла по плану, а что многие яйца – пустышки, так это тоже, наверное, планировалось. Хотелось понять, зачем...

Дважды в неделю Игорь мчался с утра в колмогоровский интернат. Здесь партком еще не начал свою маниакальную борьбу «за чистоту рядов» и «против чуждых идей», здесь делили физиков не на наших и не наших, а на «первых» и «не первых». Близился первый выпуск, хотелось вылепить научных искателей, а не завтрашних «соискателей».

Ещё в первые дни интерната решено было говорить школьникам «правду, только правду, ничего, кроме правды», – и без скидок на «молодо-зелено». Выпускники знали про нелёгкую судьбу Ландау и Королева, но сейчас Игорь чувствовал, что он должен заранее предупредить выпускников, особенно некоторых, что на приёмных экзаменах Фемида, сдвинув с глаз повязку, подглядывает в анкеты абитуриентов. Говорить об этом было противно, этим отрицалось всё, чему учили в Интернате, – и Игорь так и не нашел слов, понадеялся – вдруг проскочат.

Зато выпуск не был омрачен ни для кого. На выпускном вечере ряженные флибустьеры размахивали черным разбойничьим флагом с белыми костями и профилем профессора физики Смородинского и покидали интернат с вольными пиратскими песнями:

«Хорошо идти фрегату
По проливу Каттегату...»

Класс Игоря подарил ему глобус, где фото его учеников были расклеены по всему земному шару. Двадцать лет спустя этот дар оказался пророческим...

Пока школьники Игоря приближались к студенческому старту, сам он выходил на промежуточный научный финиш: три года истекали, работ – выше нормы, «аспирант пятой статьи». Микрошеф сухо признал:

– Созрел, результаты есть, есть даже изюминка... Защищайся!

...Когда долго ждешь какого-то события – оно приходит буднично, даже праздновать не хочется; полтора часа защиты – и всё, Игорь может писать перед своей фамилией к.ф.-м.н. – кандидат физ. – мат. наук. Наконец-то, не придется больше извиняться: «Я – инженер, но люблю физику». Провинциал догнал столичных сверстников, осталось встать в их строй.

Игорь пригласил несколько друзей – отметить первую пятилетку своей жизни в физике. Вначале подымали традиционные для таких встреч тосты-перевёртыши: – Раньше у мужчины была мечта: красавица – жена и приличная зарплата; теперь мечта другая: приличная жена и красавица – зарплата! Выпьем за объединённую мечту!

Позже прозвучал тост-притча: – Давным-давно, когда во Франции строился знаменитый Шартрский собор, ехал мимо стройки какой-то путешественник. Тысячи рабочих вручную копали землю, месили глину, таскали бревна. Путешественник заметил троих, которые катили по доскам тяжёлые тачки с кирпичами, и спросил одного: – Что делаешь? – Деньги зарабатываю – детей кормить. Спросили другого – он признался: – Деньжат подкоплю – лавку открою. Третий, не выпуская такую же тачку, ответил: – Строю Шартрский собор!

– «Строители собора», вольные каменщики, – какая-то масонская притча! – отделался, вместо тоста, эрудицией ещё один гость.

Ответ молодого юбиляра тоже был «средневековым». Он вспомнил, что, во время оно, когда строили Шартрский собор, университеты ласково называли друг друга «сестрами», науку тоже величали по-родственному «Сестра Схоластика», да и слово это ещё не было ругательным. Ответ родился быстро:

Открой, сестра Схоластика,

Свой вечный арсенал:

Перо, бумагу, ластики,

Свод брани и похвал,

Открой мою чернильницу,

Как Януса лицо –

Научную могильницу,

Из золота яйцо.
Ужель, сестра Схоластика,
Твой каждый прозелит
Со временем становится
Научный паразит?
Не сетую, не плачу я,
Доволен я судьбой;
Как пленник скован с тачкою,
Так скован я с тобой.
Ты в дар фигуре согнутой,
На испещренный лист,
О, «Терра», о, «Инкогнита»,
Хоть мысом появишься!

18. Косвенная переписка с Израилем

После защиты Фортуна вдруг отвернулась от Игоря. Его амфитрион, дубненский академик, неожиданно умер. В Дубну возвращаться не хотелось, искать место в Москве было бессмысленно – ни прописки, ни угла. «Старшие товарищи» попытались сосватать молодого кандидата в «почтовый ящик» недалеко от Москвы:

– Занимаются там космической связью, а, главное, – жильё светит! Ящик, конечно, не Академия, там железо делают, изделие к сроку – вынь да положь; приходиться тоже надо вовремя, к девяти ноль-ноль, зато и премиальные идут – как часы!

Сменив, для солидности, ковбойку на костюм с галстуком, Игорь поехал знакомиться. Приходя в новое учреждение, он всегда останавливался у стенгазеты и доски приказов. Стенгазета в ящике называлась «Импульс». В первом столбце «Импульса» все ещё пылились первомайские лозунги, хотя был уже конец июля; во втором – ругали какую-то лабораторию за «недоперевыполнение плана»; кроме того, эта лаборатория сорвала график отправки сотрудников в столовую – помогать на кухне. На доске приказов висело распоряжение «За опоздания на работу депремировать ...» и шёл список.

Отдел, в который приехал Игорь, размещался в длинном зале; начальник сидел спиной к двери, лицом в зал; вход и выход были только мимо его стола. В углу под стеклом стояло переходящее красное знамя – раз в квартал этим знаменем награждали лучший отдел. Кроме того, на одном столе в глубине зала был маленький красный флажок ударника – этим переходящим флажком раз в неделю отмечали лучшего сотрудника.

Простыми словами Игорь рассказал, какую пользу получит отдел от него, и, добавив вскользь: «подробности вот здесь», подал начальнику несколько своих статей. Тот кивал одобрительно: – У нас все – технари, а Вы – физик, теоретик; нам свежие идеи во как нужны! – начальник полоснул ладонью по подбородку и дал Игорю заполнить анкету. Пробежав глазами все безупречные «не был» и «не имею», начальник попрощался, сказав просителю через неделю позвонить. Провожать гостя к выходу пошел его зам, как видно, «ящичный» старожил. – «Кадры» у нас своевольные, – осторожно предупреждал он Игоря. – Весной тоже один приходил – парень грамотный, английский знает, а по национальности – ну, с мехмата... Сказали «мест нет», он в Новосибирск уехал.

Через неделю Игорь позвонил – начальника не было, а секретарша передала, что мест нет и не предвидится. Игорь поблагодарил знакомого за поддержку и уточнил причину отказа: – **Это?** – Это, – знакомый грустно улыбнулся. – Человек, говорят, состоит из души, тела и паспорта, а с последним у тебя... Ты понравился, начальник отдела уламывал кадровика, но тот уперся, отказал «за косвенную переписку с Израилем». Кадровик – он поэт своего дела, а что не взяли – так, может, оно и к лучшему: институт закрытый, раньше ракетные дела, вообще, были «сидячие», а, вот, ядерные – нет. Цена свободы...

Невольно выбрав свободу, Игорь начал новый виток. В это время в Москве не разрешали строить исследовательские центры – науку пытались рассредоточить. Но неразрешимых задач в Академии не существовало: одни институты разрастались за счет школьных или парикмахерских зданий, другие плодили свои филиалы в Подмоскovie, там же строили и жилые дома. В этих новых «городах науки» строителей селили вперемешку с «научниками». В одном таком городке Игорь получил место младшего научного сотрудника Института и прописку в общежитии. Принимая новичка, директор сказал несколько слов о науке, а потом добавил, сгустив голос: – Мы живём в окружении райкомов и горкомов; каждый год нам дают нормы сельхоз. работ, так что колхозная повинность есть долг каждого сотрудника.

Прописывая нового «научника», комендант общежития Полина поставила условие: в общежитии место не занимать, снимать комнату на стороне. Найти такую комнату можно было только у строителей и только по рекомендации той же Полины, которая знала весь городок. Достав в Москве подарок – огромную коробку шоколада, Игорь вдруг засомневался, удобно ли нести сувенир прямо в кабинет коменданта. Новые сослуживцы подсказали, что по утрам Полину можно встретить на улице «Весенняя» – там она прогуливает свою болонку. На следующее утро, завернув коробку в газету, даритель поджидал «даму с собачкой» возле её подъезда.

Впервые в жизни подкрепляя просьбу подношением, Игорь нервничал и что-то лепетал о трудностях быта, но комендантша, спокойно взяв конфеты, сразу заговорила про возможный вариант: восьмиметровка в двухкомнатной квартире, хозяйка – кладовщица с базы, с мужем разведена, живет с дочерью в большей, проходной, комнате. Пока Полина деловито объясняла условия, чистенькая белая болонка обнюхивала брюки Игоря. Неожиданно из кустов выбежал черный, грязный, лохматый кобель и полез на домашнюю собачку. Отвернувшись, собеседники продолжали говорить о своём: ...место на кухне, отдельный ключ, настольная лампа... а рядом кобель, пыхтя, делал свое дело. Через минуту возня прекратилась, кобель скрылся в кустах, а вскоре и Игорь отправился смотреть комнату, улыбаясь своей первой коммерции: резвая черно-белая собачья случка осталась в его памяти как символ взятки.

Хозяйка сдавала пустую комнату: уходя от нее, муж порубил мебель топором. Квартиранты привезли две раскладушки, знакомые дали складной стол и самодельную табуретку, так что восьмиметровка была заполнена. Разведённая кладовщица замуж не собиралась, говорила:

– Зачем мне мужик? Стирайся на него, стирайся... Однако, проходящий мужик все же был – строитель Витя. Вечерами бригадные собутыльники приносили его и прислоняли к двери. Хозяйка открывала дверь, Витя впадал внутрь и лежал в передней; к ночи она перетаскивала дружка на кровать.

– Найти другую комнату в маленьком городке было трудно. Квартиранты приходили поздно, засиживались на работе; еду готовили, поставив плитку на табуретку и не выходя на кухню; вечерами старались не слышать, как невменяемый Витя бьёт табуреткой в стену и кричит:

– Я – мужчина, и не позволю, ... а кладовщица в ответ:

– А я – женщина, и тем более... – и так длилось часами.

Утром Витя выталкивал хозяйку из постели, требовал похмелиться, но та жеманничала: – Не пойду! Сонная жопа – барыня! Чтоб не завывать, Игорь, сидя на раскладушке, писал свою первую статью на новой работе, писал по-английски, в международный журнал. Это был бумажный мост в иную жизнь, которая должна была когда-нибудь наступить.

В Институте близилось распределение нескольких квартир, но перспективы Игоря были туманны. Раздачу квартир вершила жилищная комиссия, а женщины, заполнявшие эту комиссию, недолюбливали приезжих, особенно семейных:

– Мы здесь столько лет в грязи жили, через то многие замуж не вышли, а Вы явились на готовенькое!

Очередники подкрепляли свои просьбы справками о беременности жены; неплохие шансы давал и туберкулез тещи; кандидатский диплом Игоря не имел никакого веса.

Главным крикуном в комиссии была профсоюзная активистка, мать-одиночка. В Институте не любили ее за двуличие, называли «мать-одноночка», но свою квартиру она вырывала зубами. Другой сильный претендент, инженер Павленко, постоянный член профкома, давно был в очереди на однокомнатную квартиру, но недавно неожиданным зигзагом перешел в другую категорию: по случаю награждения Брежнева очередной звездой хватистый инженер послал «Дорогому Леониду Ильичу» письмо: «Семья Павленко ликует!», приложил детские рисунки и просьбу о двухкомнатной квартире. Просьбу удовлетворили, а «однушка», предназначенная инженеру, нечаянно досталась Игорю. В тридцать два года у него впервые появилась своя «жилплощадь». Все семейное имущество перевезли на санках в пяти чемоданах и трёх тюках.

Началась имплантация в Систему, а точнее, в «деревню» – так местные жители называли свой Академгородок. Мужья и жёны зачастую работали рядом, а соседские размолвки прорастали в институтские интриги. Иностранцы в институте появлялись редко, приглашения на встречи с ними фильтровал «ответственный за приём»; мощные глушилки успешно подавляли передачи Би-Би-Си и «Немецкой волны»: чтоб разобрать несколько слов, переносную «Спидолу» приходилось таскать по всей квартире; «журнального колхоза», как в Дубне, не было. В оценке сотрудника слово «простой» считалось знаком качества, даже про Ленина пели:

«Он хороший и простой...»

Если в Дубне или в Фиане поседевшие романтики сетовали, что героическая эпоха в физике сходит на нет, то здесь она, похоже, и не начиналась.

Раз в неделю Игорь ездил в Москву, заходил в ФИАН, потом покупал на неделю продукты, набивал портфель и большую сумку и вёз добычу институтским автобусом в «город науки». Таких пассажиров в автобусе называли «сумчатыми» – как кенгуру. В местном магазине картошка продавалась гнилая, молоко надо было «ловить», в мясном отделе на прилавке валялась мороженая рыба – бильдюга и простилома. Привезя из Москвы свежее молоко и яйца, Игорь радостно объявлял дома, что он и «подоился», и «снёсся».

Оказавшись отрезанным от Москвы и скучая за колмогоровским интернатом, Игорь попытался слепить хоть один физмат класс в местной школе. Сначала городское начальство одобрило затею, надеясь втайне, что энтузиасты заменят платных репетиторов для их детей. Потом возникло неожиданное препятствие: в райком пошли письма трудящихся. Трудящиеся жаловались, что «научники хотят своих детей отдельно учить», и затея забуксовала.

Модное начинание пообещал поддержать один из отцов города, карьерный молодой профессор. Он договорился о встрече со своим старинным знакомым, вице-президентом академии педнаук и, вместе с Игорем, поехал к вице-президенту домой. Гостей приняли доверительно – на кухне, на столе – легкая закуска. Присев к столу на десять минут, профессор вспомнил, что ему давно пора быть одновременно на двух разных совещаниях, и умчался, оставив Игоря уточнять детали. Разговор катился легко,

после каждой просьбы хозяин кивал, варьируя два ответа – Мы рассмотрим эту просьбу с благожелательным вниманием, – или: – Мы будем иметь Вас в виду. Собрав все кивки, Игорь собрался откланяться, но радушный хозяин удерживал у стола. Почувствовав себя вольно, гость, подбирая слова, заговорил о затаённом:

– Хочется надеяться, что в списке студентов МГУ найдется место для физмат школьников даже с длинными фамилиями. – А, Вы об этих, – вице-президент стал серьезнее. – Зачем, это же скороспелки: учатся шустро, а своих мыслей нет. Да их в населении – меньше процента, а в науке все места захватили, идут на нас стеной! И не только в науке – на Мосфильме кто заправляет? Роом с двумя «о» и Ромм с двумя «м»... Нет, уж Вы нам русачков давайте, русачков! Пользуясь короткой паузой – хозяин поддевал вилкой грибки из банки – гость попытался ответить академично: – Возражаю по первому тезису... – Бросьте, – отмахнулся вице-президент, – тут явный перекося сложился; должны мы этот перекося выровнять?

Игорь уже открыл рот, чтоб сказать про «зондеркоманду» – так на физфаке называли специально подобранных экзаменаторов, которые выравнивали перекося, «отстреливая» избыточных «Ньюштейнов», но удержался – положение гостя обязывало; на память кстати пришел Козьма Прутков:

«Где уж нам уподобиться Плинию,

Наше дело – выравнивать линию!» – поднял перчатку Игорь и сам себя похвалил за ответ. Но хозяин уже закрывал скользкую тему дружеским пожеланием:

– Талантливую молодежь мы всегда поддержим! Я слышал, у Вас интересные находки в квантовой оптике? Выпьем за Ваш успех! ... В тот же вечер, возвращаясь домой, Игорь почти физически чувствовал, как из него улетучивается интерес к просветительской затее; сколько раз говорили: «Тебе что – больше всех надо?»

На следующее утро, придя в Институт, Игорь увидел на доске семинаров яркое объявление – два склеенных листа ватмана. Это был план завтрашнего Ленинского субботника; стрелки указывали, где какая лаборатория собирает мусор; для дирекции и завлабов намечался «субботник на рабочем месте» – в кабинетах. Близился финал Всесоюзной «Ленинской вахты» и газетной кампании «Ленинскому юбилею – сто ударных недель». Подошел Миша, молодой математик, шепнул свежий анекдот: – К Юбилею в продаже появилась трехспальная кровать «Ленин с нами».

Миша окончил МГУ на престижной кафедре «теория игр». Выпускников этой кафедры, «игроков», брали в элитные лаборатории и даже в Госплан, но у Миши открылись родственники в Америке, и его распределили в Институт игрушки. Отбив три года среди кукол и зайчиков, иногородний математик, в погоне за подмосковной пропиской, был рад зацепиться за примитивную вычислительную машину в Академгородке.

Запомнив место, где подметать, Игорь поднялся в отдел. Сразу подскочил профорг со списком:

– Завтра празднуем день рождения Ленина. Собираем по тройку, со старших научных – по пятёрочке!

Сдавали охотно – начало весны, да и праздник двойной: хоть никто вслух не говорил, но все знали: через день после субботника – Пасха.

...Субботник был оформлен музыкально: пока уборщики разбирали мётлы и лопаты, из всех динамиков гремел «Марш коммунистических бригад»:

«Сегодня мы не на параде,

А к коммунизму на пути

В коммунистической бригаде,

И с нами Ленин впереди!»

Начальство объявило: работать до полудня. Игорь и Миша коротали время, помахивая метлами по треснутому асфальту у институтской проходной. Когда динамики смолкали, Игорь вспоминал, как прошлым летом он участвовал в «ленинском турне»: его пригласили на несколько дней в Казань в местную физмат школу. Московскому лектору оказали почёт, повезли на экскурсию по Волге на теплоходе в компании с гостями города; эта компания официально называлась «делегация редакторов молодежных газет социалистических стран, совершающих поездку по ленинским местам». Редакторы уже побывали в Варшаве, Москве, Ленинграде и ехали теперь через Казань в Ульяновск. Шёл одиннадцатый день путешествия, делегаты утомились от каждодневной пьянки, сопровождавший их «куратор» из «Комсомолки» опух от коньяка. На теплоход международная группа прибыла с утра, не успев опохмелиться; редактор польской газеты «Штандар Млодых» приставал ко всем женщинам на палубе с одним вопросом:

– «Пани первотка?» – Услыхав иностранный говор, местные пани кокетливо улыбались и просили перевести; пан журналист изящно переводил: – Сокровище при Вас? Настырного интервьюера пришлось запереть в каюте, пока не приплыли в комсомольский лагерь «Спутник»; там гостей ждал обед. Снова увидев на столе частокол бутылок и осознав, что Игорь не из их компании, журналисты шепотом признавались ему: – До Ульяновска доехать – доедем, а в Шушенское – тяжело будет...

В этом месте Игорю пришлось прервать рассказ – возле них грянул духовой оркестр из детской «музыкалки»; у оркестрантов тоже был субботник, и они, подходя к очередной группе уборщиков, играли что-нибудь бравурное. Репертуар был ограниченный: Мише и Игорю досталось почему-то «Прощание славянки». Отработав номер, музыканты переместились к соседней группе.

– Жаль, что оркестр по заказу не играет, – посетовал Миша. – А ты бы что заказал? – Сегодня, к славному столетию, подошла бы зыкинская «Липа вековая»...

Через неделю Игорю дали на майские дни неизданную книжку Солженицына «В круге первом» – пятый экземпляр на машинке, под копирку, не буквы – одни тени. Осилив за бессонную ночь всю толстую папку, Игорь ощутил вначале ожог, а потом порыв – явить этот ожог людям, знакомством с которыми он гордился. Он был вхож в дом столичного профессора, бывшего «врага народа», ныне – лауреата Госпремии. Ни по возрасту, ни по положению молодой физик не вписывался в этот круг, но он чувствовал симпатию хозяина дома, и со словами «Для меня Ваш круг – Первый» Игорь привез туда папку с «самиздатом». Оказалось, что многие москвичи уже читали «это», и папкой завладел приятель хозяина, членкор, депутат Верховного Совета; он приехал в Москву на три дня на сессию Совета. Гости профессора притворно удивлялись: – Зачем глаза портить – слепой текст разбирать? Вы там встаньте и скажите – почему книги нет в продаже?! Ведь Вы – депутат, выше Вас никого нет!

Народный избранник, не отвечая, ушел в другую комнату читать, – книгу ему дали на двое суток.

В эти дни на улицах развесили новые плакаты к Первому Мая: возле привычной пары – рабочего с молотом и колхозницы со снопом – на фоне алого знамени был изображен некто третий в очках, синем халате и с чертежом в руках. После семинара в Фиане Игорь с приятелями обсуждал новую первомайскую троицу.

– Это что за бледная спирохета в очках? – спрашивал один. – Это – ты, трудовая интеллигенция, – поясняли ему. – Как говорится, «и ученье – свет, и учёных – тьма», уже до плаката доросли!

Впервые включённый в государственную символику «научник» на фоне знамени выглядел каким-то серым и скучным, как будто именно про него написал мехматский автор:

«И Абель был, и Гаусс был, –

Вам недоступен прежних пыл.

И жизнь дана, и смерть одна,

В краю великих – тишина;

И вам, суетного сыны,

Ключи от Рая не даны!»

Не даны... Неужто не даны?

19. Таланты и полковники

Игорю позвонили из канцелярии института; удивлённым голосом секретарша сообщила:

– Вам – инокорреспонденция, пакет какой-то... Угол пакета был смят и надорван, как будто внутрь уже заглядывали; рядом синел чернильный штамп: «Поступило из-за границы в повреждённом виде».

Нетерпеливо рванув толстый конверт с яркой маркой, Игорь нежно трогал оттиски своей первой статьи в английском журнале – своей, без соавторов. Бывалые коллеги учили уму-разуму: – Не высовывайся... Расскажи работу шефу, возьми его в соавторы – жалко, что ли? Он тоже не забудет – кинет со стола что-нибудь Гордый м.н.с. отмахивался: – Принуждение к соавторству – это всё равно, что принуждение к сожительству! – Какое принуждение? – снисходительно объясняли коллеги, – помнишь песню про черного кота: «Каждый сам ему приносит и "спасибо" говорит!»

Печататься «латиницей» казалось интереснее, чем «кириллицей»: английский – эсперанто физиков, да и работать можно было без оглядки на столичную журнальную мафию. Впервые высунувшись из-за «железного занавеса», Игорь элегантно надписывал оттиски и рассылал их, внимая неслышимой музыке далеких горизонтов, – Бостон, Париж, Сидней...

Рядовые сотрудники института в одиночку в зарубежных журналах не светились; по углам поползли шепотки – работу не читали, но «умника» не одобряли. Директор погасил пересуды, сказав в узком кругу: – Институт может позволить себе содержать одного звездочёта... Вскоре прошелестел новый ветерок, коллеги допытывались: – А директор тебе родственник? Дядя? – Тётя! – огрызнулся «звездочёт» и пытался объяснить: – Поедет начальство за границу или на симпозиум – можно будет хвост распускать: «В нашем Институте впервые...» Работа – конфетка, а сделана – из ничего!

Коллеги недоверчиво ухмылялись. Пример Игоря никого не увлёк.

Глядя вокруг, «умник» и сам понимал, что сочинительство – это зыбкий путь к успеху. Местный «организатор науки», совершая крутой взлет в академию, делился секретом успеха:

– В наши дни статьи, да и книги, пишут только научные неудачники, а настоящие люди участвуют в Проектах!

В институте, куда попал Игорь, проектов не было, зато серьёзные люди участвовали в «спецтемах» и писали не статьи, а закрытые отчеты. Темы носили яркие неземные названия – «Альтаир», «Сириус», «Пульсар», но исполнители не отрывались от Земли:

– Науковеды что говорят? Наука стала производительной силой, вот мы и производим свой товар-отчёт. Полковники платят – мы делаем, все вместе делаем, никто не вылезает, – бригадный подряд, слышал?

Такой промысел приносил исполнителям тем вождённое звание – «старший научный сотрудник». После сдачи отчёта счастливицы, стоя в день зарплаты в общей очереди у кассы, расписывались в ведомости, скромно прикрывая рукой от соседней сумму премии. Никто не тащил Игоря в этот полковничий Сезам, не заставлял получать допуск, – жаждущие рвались туда сами; он чурался всех этих «Сириусов» но, почему-то, уступая доходное место другим, он вызывал их раздражение. Однажды, чтоб не ждать у кассы, Игорь попросил переводить свою зарплату на сберкнижку, как советовал плакат над столом бухгалтера, – и тут же услышал за спиной:

– Ну, конечно, ему деньги не нужны!

На самом деле, зарплата была мизерная, приходилось перехватывать десятку до полочки, но строптивый умник надеялся получать когда-нибудь нормальную плату за ту работу, для которой и создаются Академии наук.

Однажды на улице Горького Игоря окликнула пожилая женщина; он пригляделся – Раиса, которая в Медногорске вела студию танцев.

Игорь вспомнил «Танец суворовцев», коротко рассказал о себе: физик, кандидат, работает в Академии наук. Раиса восхищалась, всплескивала руками: – Игорь, Игорь из пятой пары! А Виталик из седьмой пары – из седьмой! – сейчас в ансамбле Моисеева; недавно был на гастролях в Бразилии, свитера привез, продаёт недорого – двести рублей; хочешь? – Денег нет, – застенялся физик. – Как нет? – Раиса не поверила, – Ты же сказал, что учёный!...

Следующую свою работу Игорь напечатал опять один, но, на этот раз, в советском журнале «Доклады Академии наук»; под заглавием работы стояла строка: «Представлено академиком А.Д. Сахаровым». Результаты «звездочёта» точно укладывались в «генеральную линию» института, но профорг, как всегда, выразил общее мнение:

– Не наш человек...

Сам профорг, хоть и «наш» человек, все ещё томился в рядовых инженерах, и каждое лето должен был подрабатывать, – взяв отпуск на все лето за свой счет, ездил в Сибирь «на шашку». Однажды он привез, кроме денег за ремонт коровника, еще и грамоту «за ударный монтаж шишкосушилки»; грамота, оформленная как «шефская помощь селу», висела в профкоме на почётном месте. Миша подрабатывал «по специальности» – писал студентам – заочникам контрольные по математике. Игорь подыскал более легальный приработок – отвечал на письма читателей в журнале «Юный техник». Фантазии юных авторов бывали интереснее, чем нудные разговоры «научников». Ему запомнилась переписка по проекту «Шаропоезд»: школьник девятого класса предлагал разместить кабину с пассажирами и двигатель в центре шара диаметром пять

метров; двигатель будет вращать шар, и такой экипаж, уверял конструктор, легко покатится по бездорожью, там, где и трактор не пройдет.

Наступила осень, в институте началась колхозная страда. Не зря предупреждал директор об «окружении райкомов»: и зимой, и весной сотрудников посылали то на воскресник – собирать мусор на стройке, то на «скотобазу» – так называли овощехранилище с гнилой картошкой. Пик активности приходился на сентябрь: в бархатный сезон отпуска отменялись, сотрудники разбивались на смены и, пока не уберут свои плановые га, институт не работал. Игорь попал в «бригаду кормодобытчиков» – заготавливали кормовую свёклу для свинофермы.

– Научников пригнали! – радовалась на ферме крикливая звеньевая по кличке «свиньевая». Все её звено состояло из институтских сотрудников – точь-в-точь, как в популярной частушке:

«Мы с милёночком гуляли,

Мы гуляли до утра,

А картошку убирали

Из Москвы профессора».

Бросая свёклу в бурты, кормодобытчики разминались разговорчиками:

– Вчера по телевизору толковали, какие в современном обществе проблемы; говорят, есть проблема свободного времени, – начинал Игорь. – Что делать, когда делать нечего? – Над колхозом шефствовать, – нашелся Миша. – Между прочим, письменного приказа на эти принуд. работы нет, все на словах; как говорится, «партия сказала, коллектив ответил: "Есть!"» – Может, это – плата за академическую свободу? – ерничал Игорь. – Расплата! Какая тебе свобода в академии? Как говорят в Физтехе:

«Если ты не враг народа,

Так зачем тебе свобода?» – И вообще, знаешь, какая основная проблема современности? Не знаешь?

Разговор с Мишей – как состязание, прыжки на батуте. Игорь напрягся:

– Ключ на вечер от свободной квартиры! – поставил точку Миша. Тут подвезли колхозную кормежку – молоко и хлеб, – и дискуссия прервалась.

Институтские вольнодумцы придумали лозунг для своей сельской страды: «Науку – в землю!» Однако, вольнодумцев было немного, а большинство принимало трудовую повинность «научников» как привычную неизбежность: – Ничего, не рассыплемся! – а подтекст был: – Уж лучше месяц здесь, чем на заводе круглый год ишачить! Постепенно

привычка становилась убеждением, и многие повторяли проникновенно, как заклинание: – Колхоз – это святое!

Помощь колхозу была обязательным пунктом соц. обязательств каждой лаборатории. Другим пунктом, тоже обязательным, считалась досрочная сдача годового отчета – не к Новому Году, а к Седьмому Ноября. Была шкала баллов, по которой оценивались и эти, и любые другие достижения лаборатории: взрослые люди всерьез соразмеряли защиту диссертации с участием в городском первенстве по волейболу и числом человеко-выходов на субботник. Все лаборатории участвовали в институтском соц. соревновании, по сумме баллов определялись победители, а «первые из лучших», как говорил завхоз, попадали на Доску Почёта. Однажды Игорь, по сумме очков за статьи, вплотную приблизился к этой Доске, но его отвел профсоюзный актив: – Уклоняется от сель. хоз. работ... Уклонист пытался возражать активистам с деловых позиций: – За мою работу в английском обзорном журнале государство получило семьсот пятьдесят долларов – именно государство; мне-то дали только чеки для «Березки». На эти доллары купят пшеницу, сами знаете – хлеб мы покупаем за границей; считайте, что я весь актив хлебом обеспечил месяца на три.

– А тебя государство учило бесплатно! – возмутился актив, и приговор остался без изменения. – Доспорился, деляга? Радуйся, что доски позора нет! Нашёл, где «кафкать»! – этим глаголом Миша показывал, что разговор о высоких материях был неуместен; так, вспоминая случай, связанный с ключом от свободной квартиры, он говорил: – Пришла вечером одна, аспирантка, зажигалочка такая, увидела полку с книгами, и начала выступать: «Кафка, Кафка»... А я ей: – А ну, не кафкай! От воспоминаний Миша отходил быстро: – Ладно, забудь про почёт; на конференцию в Тбилиси поедешь?

Конференции вдали от Москвы, чем дальше, тем лучше, были важной приметой столичной академической жизни. Побывав впервые на Всесоюзной конференции в Мурманске, Игорь ощутил и аромат учёной богемы, и радость бесплатного туризма в рабочее время. Заседания шли в гостинице; зелёные первогодки крутили указками возле слайдов, научные воротилы были в меру доступны, а вечером все резвились в гостиничном баре, куда обывателей с улицы не пускали. Туристские блага отпускались строго по чинам: докторов наук повезли на атомный ледокол «Ленин», кандидатов и прочих – на рыболовный сейнер. Сословия, вроде бы, давно отменены, но верно говорил Лютер, хоть и четыре века прошло: «Докторство стало новым дворянством». Пока докторов принимали в кают-компаниях атомохода, кандидаты глазели на рыбозаделочный конвейер, где крепкие рыбачки тремя ударами тесака разрубали здоровенную треску, а на стенке, недалеко от портрета Брежнева, висел плакат: «Остерегайтесь случайных связей!»

На конференции в Тбилиси Игорь понял, что сословия не забыты даже при восточном гостеприимстве: на банкете всех угощали одинаково, вина били фонтанами, лезгинка звенела, но! – кандидатов рассадили в одном зале, а докторов и иностранцев – в другом: знай место своё!

На следующую конференцию, в Баку, Игорь не смог поехать – у него родился сын. Квартира сразу показалась маленькой, а зарплата – мизерной. Пришлось снова становиться в квартирную очередь.

Он любил листать книгу со смешным названием «Теория Очередей» – так называлась наука о массовом обслуживании населения; особенно нравились названия глав – «Очереди с приоритетами», «Очереди с ограниченным временем ожидания» – хотя никакого приоритета в квартирной очереди у него не было, а время ожидания могло стать неограниченным. Записавшись в очередь на холодильник, Игорь раз в неделю ездил в магазин на переключку – отмечаться в списке; сокращая список, переключку устраивали то в полночь, то на рассвете. Вокруг роились и другие очереди – на мебель, на машину, на повышение научного ранга; Игорь и сам осознал, что очереди – это стиль жизни и в магазине, и в Академии, и в стране.

Профсоюзный активист Женя, моложе Игоря, но знавший всё и про всех, хотел помочь советом: – Ты здесь – кустарь-одиночка, по-учёному сказать – аутсайдер. Ничего не будет, пока своим не станешь; проявляй гибучесть! Сам Женя стоял в очереди на участие в научном заграничии, а, чтобы плыть без очереди, пытался вступить в партию – но там была своя очередь: «научников» брали неохотно. Пробивной активист не раз поил институтского стеклодува и сантехника, уговаривая их стать коммунистами вместе с ним, но те медлили. Поняв, что прикрыться рабочими («вступить бутербродом») не удаётся, Женя «проявил гибучесть»: подружился с секретарем парткома и помогал мыть секретарскую «Волгу». Весёлый и напористый, он всегда помнил, кто, кому и с какой ноги забил гол, хохотал над анекдотами про Ильича, но, отсмеявшись, возвращался на землю:

– Хочешь жить – плати партвзносы!

Однажды всезнающий Женя шепнул Игорю, что место с.н.с., недавно «спущенное» в институт, предназначено для жены зам. директора, Нины Ивановны, и, заметив, как теоретик вскинулся, добавил: – Возникать бесполезно – против лома нет приёма... Однако, Игорь не смог смолчать и, оскорблённый, двинулся к начальству; он заранее придумал, как сказать, чтобы краснобай-директор не сумел увильнуть от ответа. Вручив директору свои работы, изданные к тому времени в семи странах, и выслушав похвалы, проситель приступил к делу: – Объявлен конкурс на место с.н.с.... Настораживаясь, директор слегка кивнул. - А как Вы полагаете, кто больше соответствует критериям с.н.с. – я или Нина Ивановна? – распрямился Игорь, предвкушая, как хозяин кабинета засмущается, начнет юлить: – Видите ли, Нина Ивановна давно работает, а Вы ещё молоды... Но директор и бровью не повёл, ответил мгновенно: – Конечно, Вы! Но Вам дал Бог, а ей должны дать мы!

Глупый мальчишка вздумал пристыдить ветерана академических кулис! Польщённый изящным отказом, Игорь удалился, но потом несколько дней вспоминал, где он читал что-то похожее, и вспомнил – это же формула отказа в старинных сборниках китайской поэзии:

– «Ваши стихи исторгли клики восторга у самых суровых критиков, но мы подумали, что, напечатав ваши стихи, мы оставим без хлеба других поэтов, не столь ярких; поэтому Ваши стихи мы не возьмём».

Катая детскую коляску по городку, Игорь впервые стал приглядываться и к своей «среде обитания», и к самим обитателям.

Прошло десять лет, как он покинул Медногорск; за эти годы он постиг трафареты поведения, сближающие обитателей научного городка и далекого Медногорска; не сводя глаз с миражей у горизонта, он научился стремиться к ним по болотным тропам. Недавно в городке выступал поэт Д. Самойлов, и в его строчках прозвучал похожий образ такой двуединости:

«...под небом – балаган,

над балаганом – небо».

Коляска виляла среди луж, а балаганы вокруг застилали небеса...

«Наукоград»», как именовали городок в районной газете, соединялся с Москвой асфальтовой дорогой, а недавно стали застраивать улицу, параллельную дороге; расстояние между улицей и дорогой – метров двести – заполняли остатки бывшего леса. Временами улицу покрывали асфальтом, потом асфальт ломали, клали бетонные плиты, потом ломали бетон – клали кабель. Однажды молодой отец, переходя с сыном в лесок, остановился, пропуская асфальтовый каток; рядом, тоже с ребенком, стоял сосед по дому, лет пятидесяти. Поглядев на разбросанные бетонные плиты, сосед повернулся к Игорю – видно, поговорить хотел.

– Сейчас начнет скулить, что ремонту конца нет, – подумал Игорь. Однако, сосед заговорил одобрительно: – Правильно делают, что новую дорогу строят; смотри: американцы подходят к Москве танками по шоссе, а мы их отсюда – гранатами...

Сосед был трезв, рассуждал серьезно, как полковник Пивак в Медногорске пятнадцать лет назад: «...стоит отдельная одинокая фигура, разговаривает на американском языке...»

Пугала с годами не менялись; идолы тоже были неизменны. Как-то сын Игоря сильно простудился, температура подскочила, и «Скорая помощь» увезла его ночью в местную больницу. Там было несколько барачков, детское отделение размещалось в одном барачке с женским. Когда утром Игорь пришёл проведать ребёнка, он увидел, как санитарка и несколько женщин с шумом вытаскивают из барачка пьяного небритого мужика. Тот пришел требовать деньги у больной жены – часто, ложась в больницу, жёны забирали деньги из дому, чтобы муж не пропил. Когда Игорь уходил, его окликнули из женской палаты: – Видали, алкаша выгнали? У него жена здесь на сохранении лежит. В девках она, ох, хороша была, бабы в бане шпарились от злости, а связалась с этим – и всё, погасла. У ней ребёнок маленький с бабкой в деревне, ей молоко нужно, а принести

некому – мужик её, с утра, – и сюда, и сюда, – женщина пощёлкала себя пальцами под подбородком. – Вы не принесете?

Игорь пообещал, и вечером, навещая сына, передал несколько пакетов молока в соседнюю палату. Уходя, он слышал, как там удивлялись: – Не пьёт, к ребёнку ходит, и чужой бабе молока принес... Ну, просто, ну, просто – Ленин!

Когда сын Игоря вышел из младенчества, молодому отцу удалось съездить на симпозиум в Киев. Участников симпозиума повезли на экскурсию в Лавру, смотреть пещеры. Игорь пещеры видел и, коротая время, нашёл в монастыре небольшой музей истории религии и атеизма. В одном зале лежали бивни мамонта и каменные топоры, в другой – несколько школьников с учительницей, стоя у портрета Джордано Бруно, слушали рассказ экскурсовода про инквизицию. Турист-одиночка уже собрался уходить, как вдруг заметил картину, не очень большую – метр на полтора, изъятую, как было написано на табличке сбоку, из чьей-то кельи. Картина напоминала карикатуру из подпольной левой газеты, которая издавалась в России незадолго до революции. Эту карикатуру Игорь видел в книгах двадцатых годов; там она называлась «Пирамида власти». На вершине пирамиды располагалась царская семья, ниже было несколько ярусов: под семьей – министры и генералы, ниже – заводчики и купцы, еще ниже – священники, потом – жандармы. Возле каждого яруса были свои надписи: «Мы царствуем над вами», «Мы управляем вами», «Мы едим за вас». У основания пирамиды, ниже всех, трудились рабочие и крестьяне, а надпись гласила: «Мы работаем за вас».

Но та картинка была в старой книге, а здесь тема раскрывалась по иному. На всех ярусах – знакомые лица, но внизу, вместо рабочих и крестьян, – плотная толпа врагов отечества – безбожников и бунтовщиков. Некоторые лица в толпе узнавались – Лев Толстой, Кибальчич, потёмкинцы; Ленина не было. Из облаков над вершиной пирамиды небесное воинство метало молнии вниз в толпу святотатцев, а те палили вверх из ружей и револьверов. В картине был и новый штрих: толпу бунтарей плотным кольцом окружали крючконосые евреи с пейсами и совали в карманы бунтовщиков мешочки, на которых стояли цифры «1000 руб.»: тысячу – Толстому, тысячу – Кибальчичу, потёмкинцам – тоже по тыще каждому...

Игорь хотел узнать, какая картина первична, какая – вторична, но экскурсовод – атеистка про «Пирамиду власти» не слыхала.

Вернувшись в Москву, дотошный турист увидел в газетах очередные письма трудящихся, возмущённых поведением «физика Сахарова» – «...мы его статьи не читали, но хотим сказать... Ему дали бесплатное образование, а он...» От трудящихся не отставали и академики – ни в одном открытии Академии наук не было столько соавторов, сколько их набиралось в коллективных письмах в «Правду». Складывая письма в папку с обложкой журнала «Доклады Академии наук» Игорь вымученно улыбался – «...коллективное возмущение как метод убеждения». В колонках подписей он с тоской и обидой находил имена хороших учёных – видно, не зря говорят, что даже крупные открытия могут делаться мелкими людьми...

На Ленинском проспекте Игорь встретил знакомого референта Академии – тот вздыхал раздражённо: – Достал этот ваш Сахаров... Что ему надо –отоваренный, всё при нем... Да у него, говорят, настоящая-то фамилия – Цукерман, а жена его – Боннэр! Тут Игорь вспомнил другого «отщепенца», которого изображали в «Крокодиле» рядом с библейским Иудой: – Слушай, а Солженицын? – Солженицер! – со знанием дела подтвердил референт. ...Образ врага был универсален. На картину в Киеве сегодня добавили бы новые лица, заменив, в духе времени, рубли на доллары.

Впрочем, задумчиво признался референт, полное единомыслие в Академии так и не достигнуто: в разгар кампании против Сахарова, когда верстались подписи под общей «портянкой», одни академики съехали неизвестно куда, другие, стыдно сказать, отговорились внезапным поносом; к некоторым физикам даже и не обращались. На фоне общей свистопляски едва слышны казались новые звоны, которые расшифровал физик, автор «Баллады о нулях» :

«Гигантский резонанс Сахарова,

Или – как сеять по невспаханному».

20. Академическая гребля

– Учёный в СССР начинается с доктора наук, – сказал себе Игорь. Урагия вновь улыбнулась ему: корифеи физики не вычерпали до дна то озеро, в котором он плескался; озеро оказалось морем, и в этом море он в одиночку доплыл до своего Острова Сокровищ. Последние три года у Игоря не прерывался «период лактации», статьи шли косяком; обкатанный на престижных московских семинарах, он решил, что **может**. Докторская диссертация, переплетённый «кирпич» в двести страниц, был готов за четыре месяца и, как положено, вручен учёному секретарю; время пошло. Два дня соискатель уезжал в библиотеку в Москву, на третий день пришёл в лабораторию. Появился Миша, описал ситуацию одной фразой: – Весь курятник всполошился! – но в этот раз вечный насмешник был серьезен. – Смотри, старик, сделают тебе «коробочку», – предупреждал футбольный знаток Женя.

В тихой заводи института привыкли оценивать научный вес сотрудника, как в собесе, – по стажу; в защите виделась заслуженная пенсия, а нахальный мальчишка хочет урвать кусок, не отмечаясь в очереди! Незримая очередь забыла о прежних распрях и сбилась в единую стаю, повторяя, с вариациями, две темы: «Рано» и «Неэтично».

О результатах диссертации речь не шла.

Научный рынок в институте давно был поделен между местными старейшинами, хозяевами тем, и «неэтично» было высказывать с двадцатью работами самому, не взяв в долю кого-то из старейшин: они видели в этом браконьерство в своих личных угодьях. Другие институтские заправилы, далекие от занятий Игоря, почуяли в этой выходке бунт на корабле и тоже хотели, для примера, наказать выскочку; но рискованный м.н.с. уже ощутил в себе ту сжатую пружину, которая однажды вытолкнула его из Медногорска в

Дубну.

Дирекция выжидала; друзья составляли меньшинство; всё решала поддержка извне – это был, действительно, «луч света в темном царстве». Высший арбитр советских физиков, академик Леонтович, представил работу Игоря на защиту в Курчатowskiй Институт. Академик любил притчи, и проблему Игоря объяснил кратко: – Все люди съедают за жизнь примерно одинаковое количество манной каши; одни размазывают эту кашу по тарелкам многие годы, даже десятилетия, а другие получают ее в физиономию, комом, но – сразу! Вам повезло – Вы из второй группы!

Узнав про интерес в «Курчатнике» к работе Игоря, директор определился и предложил ему «защищаться» в родном институте: – Дома и стены помогают, – любезной улыбкой директор как бы предлагал упряму забыть истерику «старших товарищей». – Иногда мешают, – огрызнулся упрямец, но прикусил язык.

За неделю до защиты, когда положительные отзывы оппонентов стали известны, Игорь стал «старшим»; это был прецедент – впервые в институте сотрудник стал «старшим» не за руководство группой, а за личные результаты. В день защиты любопытные стекались в актовЫй зал института в ожидании бесплатной корриды, но главные тореро, ревнители этики, не пришли, сказавшись больными, хотя осторожный директор приглашал их лично. Мероприятие прошло парадно, но два голоса «против» напомнили соискателю, что «враг не дремлет». Но, всё равно, Игорь стал самым молодым доктором наук в институте; это была Виктория! – Свистать всех вниз! – так описывали болельщики Игоря перескок в ситуации на следующий день после его защиты; действительно, институтские кликуши сделали шаг назад, недоумённо подсчитывая выигрыш в получке сотрудника, который показал, что двигаться в полный рост в институте можно быстрее, чем на полусогнутых. – Поздравляю, ты теперь – полный профан! – ухмылялся Миша. – Это – как? – Это – сокращение: проф. ан – значит «профессор Академии наук».

Веселый профсоюзник Женя тоже пришёл чокнуться с победителем, принёс тост:

– Всё, финиш твой!

Выпив, разговорился:

– В газете пишут, что в Китае интеллигенты, чтоб не отрываться от масс, «перешли на питание совместно с крестьянами». Пора и нам провести реформу степеней по близости к народу: кто поближе – тот будет «народный физик», как народный артист, со всеми вытекающими благами; а кто нет – тот «инородный физик», и тоже со всеми вытекающими... Давай, инородный, переходи в народные! Да поздравит тебя поскорее наш главбух! – Женя поднял стакан, намекая на зарплату доктора наук.

Сам он, потеряв надежду пробиться в партию или в экспедицию на «корабле науки», даже без заходов в заграничные порты, не пал духом и начал новое дело, чтобы «сколотить деньги и купить тачку». Он открыл первый в городке пункт приема

макулатуры; за двадцать кило макулатуры давали талон, по которому можно было выкупить какую-нибудь популярную книжку вроде «Королевы Марго» на газетной бумаге. Раз в неделю к проходной института подгоняли крытый фургон, и выстраивалась очередь сдатчиков с пачками оттисков, отчетов, черновиков, перехваченных бечевками. Расширяя дело, Женя приглашал всех желающих в контору «Книга – почтой»: на одну читаемую книгу приходилось брать три-четыре книжки – нагрузки, вроде «Памятки штукатура» или очередного сборника сочинений вождей с общим названием «Ленинским Курсом». Обложки обдирали, остальное прикрывали газетами и несли Жене в обмен на книжные талоны с надписью «20 кг» и печатью профкома.

– Непрерывный цикл, – острили сдатчики, – кругооборот макулатуры в обществе.

Пробившись формально в институтскую «высшую лигу», Игорь получил новую квартиру. Правда, как ему передавали, в райком тут же полетела анонимка: «Сионисты захватывают жилплощадь!», но поздно – ордер был уже на руках. Туалет в квартире оказался без двери, но пришел прораб и попросил расписаться, что претензий нет. Новосёл не расписывался, требовал дверь; прораб удивлялся: – Зачем дверь? Квартира отдельная, одной семьёй жить будете... Однако строители должны были сдать дом к годовщине Октября, и прораб быстро принёс и поставил дверь, – может, в соседней квартире снял. После двери пришла пора доставать мебель. Знакомый продавец из «Мужской Одежды» вывел Игоря на зав. секцией в «Доме Мебели»; после ритуальной клятвы покупателя.

– «Вы меня не обидите – я Вас не обижу!» – искомый гарнитур тотчас обнаружился на складе. Получив гонорар, зав. секцией познакомил Игоря с бригадой грузчиков, у которых был свой автофургон; старшой поставил условие: – Сто двадцать рублей, бутылку коньяка и с нами выпить... Последний пункт звучал необычно, но Игорь не спорил. Грузчики были трезвые, гарнитур погрузили быстро, ничего не уронили, кольцевую дорогу пересекли, слегка притормозив у поста ГАИ, – видно, всё было «схвачено».

Докатили, начали разгружаться; сынишка Игоря, выскочив из квартиры, тоже потащил какую-то доску. Тут произошёл ещё один странный разговор; покосившись на энтузиаста-подносчика, один из грузчиков спросил:

– Ты в школе учишься? – Учусь. – Смотри, учишься хорошо, а то таскать будешь...

Крепкие ребята споро затащили мебель; новосёл расплатился, поставил, как обещал, коньяк; нашлась и закуска. Сели на кухне, расслабились. Грузчики, лет под тридцать, оказались неплохо «упакованы» – у каждого квартира, дачка и «Жигули», жёны – в торговле. Заговорили о детях:

– У меня дочка, шесть лет, – признался один, – на музыку ходит и на английский. Надо будет – и французский сделаем; я её в университет отдам! – Зачем? – изумился счастливый владелец гарнитура. – Получит диплом, долго будет на сотне в месяц сидеть, да ещё за мебелью бегать! – Ничего, это я обеспечу, зато – высшее образование, в чистоте

заживет... Теперь стало понятно предостережение грузчика «таскать будешь»: неужто торговцы, хозяева жизни, стыдятся своей прослойки и ждут, что в новом поколении диплом станет престижнее денег? – Примета времени, – обобщил Миша. – Подумаешь, торгаши, – даже начальники, даже из ЦК, своих «принцев» куда отдают? В науку! И правильно – народная мудрость что гласит?

«Лучше быть наук кандидатом,

Чем водку пить и ругаться матом».

– Но сейчас столько аспирантов развелось – даже среди принцев попадаются толковые, – Игорь всегда был за объективность.

– А всем толковым надо сызмала занятие придумать, чтоб эти «Почемучки» дурацкие вопросы не задавали; вот тут наука – лучшая игрушка: и мозги отвлекает – на всю жизнь хватит, а там, глядишь, и оборонке польза, да ещё у каждого – уверенность в завтрашнем дне!

– Игорь пришел поблагодарить директора за поддержку и рассказать, как из его диссертации можно вытянуть два новых начинания, и тут институт был бы пионером, – этого никто ещё не делал. Директор, придвинув графики, понимающе кивал. Чтобы довести идею до проекта, Игорь спросил, может ли он подать на конкурс на место завлаба, который только что объявлен. Отодвинув рисунки, директор спросил, выразительно модулируя голос:

– Лаборатория? Зачем Вам эта серятина? Знакомый пируэт – Игорь уже слышал эту «похвалу – отказ» три года назад, когда просил место с.н.с. Как и тогда, вспомнилась классика: – Поэтов мы увенчаем лаврами и выведем вон из города, – кто-то из древних сказал, кажется, Платон.

Похвалив директора за умение сказать «нет», Миша сделал неожиданный вывод из защитной эпопеи: – Да, ты всем доказал, - ну и что с того ? Игорь поразился – это был дословно тот же вопрос, который он услышал двадцать три года назад, получая в школе золотую медаль; почти четверть века прошло, а Система не изменилась: он, сквозь зубы, признан, но не нужен; его путь не стал примером ни для кого.

Новинку, предложенную директору, Игорь напечатал в журнале.

Лаборатория, которая занималась похожими задачами, построила свой отчёт по «спец. теме» на его статье. Отчёт сдали, премию получили, но с автором не поделились, а сам он не просил – боялся нарваться на отказ, да и научное ворьё презирал. Миша веселился:

– Я, простой человек, за что интеллигенцию люблю? Она деньги иметь стесняется!

Сенсации долго не живут, и вскоре внимание института переключилось на скандальное любовное трио в своём коллективе. Обманутая жена, дав по физиономии разлучнице прямо на работе, пришла в профком с заявлением из двух частей:

– Мой муж – негодяй; верните мне мужа... Разлучница от объяснений отказалась, да еще объявила с вызовом: – В моей постели профсоюзного собрания не будет! После этого муж настоял на разводе, а распавшаяся семья, потеряв очередь на жилплощадь, породила новые подвижки в очереди.

Обжившись в новой квартире, семья Игоря смогла приглашать гостей, даже из Москвы. Но городок, хоть и разросшийся, все равно оставался «спальным районом», и гостям нечего было предложить – только грибы в лесу собирать. Чтоб не закиснуть, старались вырываться в Москву, но билеты в хороший театр надо было, как и любую покупку, «доставать», а, чтобы посидеть в кафе, сначала долго стояли в очереди, ждали, пока швейцар, приоткрыв дверь, буркнет: «Двое». В поисках общения Игорь подумал, не вступить ли в Московский Дом Учёных (ДУ), – это была привилегия докторов наук. Здесь всегда были и концерты, и места в кафе, и, казалось, общение; кроме того, членов Дома Учёных негласно пускали и в Дом журналистов, и в Дом Композиторов. Представив себя «в вихре света», Игорь пришел к директору ДУ, принёс рекомендации.

– У нас большая очередь. Чем можете быть нам полезны? – устало спросил директор. – Могу работать в секции истории науки, – предложил проситель. – Истории? М-да... А нам летом в пансионате для пожилых учёных нужен физрук в группу здоровья; поработаете на общественных началах? – Боюсь, не справлюсь: есть, наверное, для академиков специальный комплекс упражнений, – пытался увильнуть Игорь. – Не хотите? Ну, тогда в правлении можно помогать: каждый месяц надо рассылать программу работы Дома всем членам, а секретарь не успевает; будете конвертовать? – Что делать? – Программы печатать, по конвертам раскладывать, адреса писать, – что тут неясно? Попытка провалилась, – видимо, учёный начинался здесь с членкора, а доктора должны были вначале проявить себя на общественной работе. – Не взяли – возьмут, при дожитии, – посочувствовал Миша, – а тебе пора глупости бросить. Ты про основной вопрос современности что думаешь? – Это, что ли, про ключ от свободной квартиры?

– «Ключ» – дело прошлое, а сейчас основной вопрос – уезжать или нет.

Тут Миша был прав – о «воссоединении семей» шептались и на работе, и в гостях. В оплату за «разрядку международной напряженности» Москва приоткрыла железный занавес на выезд пятидесяти тысяч эмигрантов с израильской визой. Газеты взахлёб мешали с грязью отщепенцев, которых «заманили в западню».

– Правильно, – ёрничал Миша, – «западня» от какого слова? От слова «запад».

От прессы не отставала и сцена – в Минске на конференции Игорь увидел, как клеймят отщепенцев даже в советском стриптизе, но это зрелище было не для всех. Участников конференции пригласили на банкет в загородный дом отдыха для начальства. В ресторанном зале танцевали неулыбчивые, но в меру раздетые дамочки; под эстрадную

музыку они кокетливо прикладывали руки к разным частям тела с таким выражением, как будто показывали врачу, где у них болит. Потом зазвучала бодрая, маршевая песня с припевом:

– «Кто покинул Родину –

– Нет тому пути!» Дамочки в ритм высоко подбрасывали ножки, как будто поддавали под зад тому, кто покинул Родину. Иностранные гости радовались, видя, наконец, стриптиз в СССР да ещё в целях пропаганды.

Вернувшись в гостиницу, Миша достал из чемодана несколько листов папиросной бумаги с едва различимыми строчками – «Самиздат», пятый экземпляр на машинке, под копирку:

– Ознакомься, – про уроженца здешних мест; он-то, как раз, путёвку в жизнь получил, покинув Родину; так и называется «Минский пионер американских СМИ».

Игорь, щурясь, начал складывать едва различимые буквы в слова: вот она – история Успеха, современная сказка про прекрасную принцессу Аризону, добрую волшебницу Гринкарту и цветущую Долину Долларов!

21. Минский пионер американских СМИ

От Нью-Йорка до Минска радиосигнал летит не дольше секунды. От Минска до Нью-Йорка будущий президент Радиокорпорации Америки Давид Сарнов добирался в 1900 году почти два месяца. Ему шёл девятый год, никогда раньше он не выезжал из нищего местечка под Минском, где родился, а теперь, в канун двадцатого века, двинулись всей семьёй и сразу – в полукругосветное путешествие: поезд Минск-Берлин, зелёный общий вагон, из Берлина – третьим классом до Гамбурга, а там – пять недель в очереди на пароход до Нью-Йорка; места – на нижней палубе, багаж тут же – самодельные фанерные чемоданы с висячими замками, тюк с подушками и одеялами обвязан верёвкой; удобства – в трюме, питание – своё, кипяток, правда, бесплатный – из общего бачка, лужёная кружка прикована цепочкой. По ночам тайком носили кипяток и сухари земляку, у которого и на такой тур денег не было, – ехал зайцем в угольной яме.

На десятый день пути пассажиры столпились на носу: над горизонтом выступал из воды силуэт, знакомый по картинке в гамбургском порту, – факел, потом рука, потом голова в короне – статуя Свободы. Эмигранты из Германии, знавшие латинские буквы, пытались разобрать издали надпись, которая, как они слыхали, была под статуей: «Я подымаю свой факел перед золотой дверью». Минские путешественники по-английски не знали, да и было им не до символов: трюмных пассажиров быстро высаживали на «Остров Слёз» – карантин перед портом. «Золотая дверь» открывалась не всем: путь лежал через медосмотр, и полицейский врач, одуревший от жалоб и шума толпы, устало повторял через переводчика: – Раздевайся! Быстро! Чахотка была? Сифилис? Трахома? Сколько

будет три плюс восемь? Так, годен... Следующий! Семье Сарновых повезло – прошли чистилище с первой попытки. Закопченный катер перевёз счастливцев на берег – всё, приехали, здравствуй, страна Колумба!

Новых американцев встретили земляки, поселили у себя в дешёвом пригороде, отгородили угол в комнате, где уже жили четверо искателей счастья, втолковали первое правило: «Здесь, кто вчера приехал, сегодня зарабатывать должен!» Юный Давид учился новой жизни на практике: был мальчиком при лавке, продавал газеты, пел в синагоге, сократил, на американский лад, имя до «Дэйва». Дома, до переезда, он, по традиции, изучал Тору, но на новом месте времени на традицию оставалось всё меньше – надо было помогать семье. Отец обижался на отступника, тот возражал мягко, но упорно:

– Сомневаюсь – так ли нужен Богу мой голодный нос, ползающий по Торе...

Прошло пять лет, семья немного встала на ноги, сняли уже не угол – целую комнату в Нью-Йорке. Дэйв старался посещать сначала вечернюю, потом воскресную школу для иммигрантов; отцы и дети сидели в классе вместе. Здесь, в большом городе, пятнадцатилетний Дэйв, уже бегло болтавший по-английски, сделал первый шаг к главной колее своей жизни: стал рассыльным в «Американской Компании Беспроволочного Телеграфа». Эту Компанию недавно организовал Гульельмо Маркони, впервые передав радиogramму через Атлантику, с севера Ирландии в Нью-Йорк. Начинаясь век Радио; о невидимых волнах, с немыслимой скоростью мчащихся над миром, о самом Маркони, о его необыкновенной яхте «Элеттра» ходили легенды. Молодой рассыльный в красивой форме – коричневая гусарка, шапка со звёздной лентой – прикоснулся к новому миру: не сумки из лавки, как прежде, по домам таскать, а экстренное сообщение в газету доставить, сводку в банк отвезти, и всё делать быстрее, быстрее; время – деньги!

Заработанные деньги подросток отдавал в семью, себе оставлял полтора доллара в неделю, но не на развлечения: копил на телеграфный аппарат. Дэйв присматривался, как работают операторы (так называли телеграфистов), пытался сам освоить азбуку Морзе: «они могут – значит, и я смогу! Да и Морзе, который эти точки-тире придумал, не оператором был, а художником! Ничего невозможного, здесь – Америка!», – рассыльный чувствовал себя в полёте. Эталонем успеха был для него электрический символ Америки – Томас Эдисон, тоже сын эмигранта, тоже бросил школу, в двенадцать лет тоже продавал газеты. Про него рассказывали, как он, в пятнадцать лет, хотел сразу получать оплату телеграфиста высшей категории. Чтобы осадить юного нахала, наниматель предложил ему принять сообщение опытного оператора, известного высокой скоростью работы на ключе. Начался сеанс связи; юнец, одной рукой записывая текст, другой одновременно отстукивал отправителю: «Давай быстрее! Ещё быстрее!», – и наниматель сдался. Дэйв тоже самоучкой выработал рекордный темп «морзянки» и получил место оператора там, где был рассыльным, – в Компании Маркони.

Радио переживало тогда детские годы: беспроводная связь казалась развлечением для любителей; новинка сразу стала сенсацией, чудом, но полем для бизнеса стала не сразу. Влиятельные фирмы, тянувшие телефонные и телеграфные провода через континенты, уверяли, что проводная связь работает бесперебойно и дёшево, и, вообще,

лучшее – враг хорошего. Напоминая про ненадёжность новинки, её зависимость от погоды, фирмы насмешливо советовали отправить конкурирующую «игрушку» в бюро погоды, чтобы отмечать грозы, и то не очень далёкие. На рынке связи оставалась единственная свободная ниша, не опутанная проводами, – связь на море. Новый оператор Компании Маркони вызвался быть морским связистом: на борту корабля в открытом океане он учился вылавливать слабые сигналы отдалённых кораблей и береговых станций, заглушаемые треском от разрядов молний. Умение вскоре пригодилось...

К 14 апреля 1912 года Сарнов был опытным оператором. Именно в этот день он дежурил на радиостанции Компании на верхнем этаже склада в Манхаттане и принял здесь сигнал бедствия с тонущего «Титаника». Переслав страшную весть в редакции нескольких газет, Дэйв продолжал выстукивать позывные «Титаника», но ответа не было, – лайнер замолчал навсегда. Вскоре пришла радиограмма с парохода «Карпатия» – услышав сигналы гибнущего гиганта, небольшая «Карпатия» устремилась к месту кораблекрушения, и через несколько часов уцелевших пассажиров начали подымать из воды. Пока шла операция спасения, пока выяснялись имена живых, Дэйв семьдесят два часа не отходил от пульта, принимая и передавая информацию. В эти дни Компания Маркони и сам Дэйв приобрели всеамериканскую известность. Инициативный и умелый оператор был повышен сразу на две ступени и, в двадцать один год, стал помощником менеджера Компании. Его должность сегодня определили бы как «ответственный за новую технику». Сам Дэйв, вспоминая свою морскую службу, называл себя «вперёдсмотрящим».

Новые слова – антенна, передатчик, радиоволны – вошли в моду, замелькали в газетах, их охотно вспоминали публичные ораторы и балаганные комики; стремясь быть «на уровне», модные говоруны часто путали названия двух чудес века – «радио» и «радий»: и то, и другое казалось сказкой, далёкой от реальной жизни. При этом, несмотря на спасение сотен людей при катастрофе «Титаника», коммерческие перспективы радиосвязи оставались туманны. Новинка оказалась вне конкуренции при экстремальных обстоятельствах, но требовалось внедрить радио в каждый дом, в ежедневный быт, как лампочку Эдисона. Однако, рынок услуг в новой области только предстояло создать: не было систематического радиовещания, диапазон частот станций менялся произвольно, в рекламу не входило даже слово «приёмник» – говорили про «радиоаппарат». Но желание поучаствовать в чуде всё равно висело в воздухе, и в Компанию Маркони посыпались сотни технических фантазий.

«Вперёдсмотрящему» предстояло отделять новаторов от прожектёров, и он сделал верный выбор: Эдвин Армстронг, 23 года, изобретатель гетеродина. Это устройство для усиления слабых сигналов, превратившее радиоприём из искусства в стандартную операцию, стало основой всех последующих приёмников. Компания купила патент на изобретение, и Дэйв предложил запустить в продажу «радиомузыкальный ящик» – прообраз приёмника с кнопками настройки и граммофонной трубой снаружи. Нажимая на кнопки, можно было слушать отрывочные сообщения отдельных станций, программ передач не было. Для рекламы новинки растягивали приёмные антенны в центре Нью-Йорка, на знаменитой сорок второй улице, а Армстронг, хороший альпинист, подолгу сидел на передающей антенне – большом железном шаре, поднятом высоко над Бродвеем.

Новинка, однако, успеха не имела, методы, давно обкатанные при продаже мебели или мороженого, здесь не работали. Рекламу непривычного товара надо было строить на чём-то ином, характерном именно для радио. В это время закончилось строительство первой радиовещательной станции в Питтсбурге. Станция вышла в эфир 2 ноября 1919 года, за год до очередных президентских выборов в США, и Дэйв Сарнов снова оказался в нужный момент в нужном месте: по его предложению станция начала вещание с агитации за кандидата-республиканца Гардинга, популярного в зоне слышимости станции, на востоке страны. Избиратели, восхищённые необычной рекламой, обеспечили перевес Гардингу, и тот занял Овальный кабинет в Белом Доме.

На волне успеха возникла новая структура – Радиокорпорация Америки (РКА). Рекламируя программное вещание и продвигая на рынок усовершенствованный «музыкальный ящик», Корпорация распространяла специальную открытку, похожую на знакомое всей Америке фото: супруги Эдисон слушают изобретённый им фонограф. На открытке РКА супруги Армстронг сидят на берегу моря в строгих костюмах, и он нажимает кнопку на приёмнике-гетеродине. «Ящички» продавались неплохо, считались даже элитным свадебным подарком, но до настоящего торгового бума было ещё далеко. Расширяя аудиторию, Дэйв, теперь – генеральный менеджер РКА, обратил внимание на спорт и, в частности, – на любимый американцами бокс. Случай вскоре представился: летом 1921 года в Нью-Джерси намечалось важное спортивное событие – встреча на ринге двух знаменитых боксёров, Джека Дэмпси (США) и Жоржа Карпантье (Франция). Матчу придавался политический смысл, президент Франции принял Карпантье перед его отплытием в США. Корпорация организовала прямую трансляцию матча в Америке, а в Париже репортаж с ринга, принятый антенной на Эйфелевой башне, передавался в газету «Матэн». Фасад здания редакции в центре города закрывало огромное панно с силуэтами боксёров, перед зданием толпились тысячи болельщиков. Когда удар наносил француз, на силуэте Дэмпси вспыхивало красное пятно, толпа ревела «Вперёд, Жорж!»; когда бил американец – красная метка загоралась у француза, знатоки объясняли негромко: «Всё ещё впереди...» Над Парижем кружили аэропланы: принимая сигналы с Эйфелевой башни, лётчики выпускали красные шары при хуках Карпантье; удары Дэмпси отмечались чёрными шарами. Передача обернулась сенсацией: слушатели ощутили сопричастность к событию, остальные ощутили желание купить волшебный ящик. За три года после матча было продано три миллиона приёмников. Сарнов стал узнаваемой фигурой, лицом Корпорации, провозвестником неограниченных возможностей радио.

После боксёрской премьеры трансляция соревнований стала привычным делом, появились спортивные радиокорментаторы, а РКА продолжала предлагать новые сюжеты; в 1925 году в эфир вышла трансляция совсем другого состязания: это был судебный диспут. Место действия – небольшой городок Дейтон в южном штате Теннесси, провинциальное болото. Жители – тихие американцы, набожные мещане; отцы города ворчат – молодёжь, «джазовое поколение», отбилась от рук, забыли устои, юные леди в узких юбочках и закатанных чулочках («Завезли моду из Нью-Йорка...») отплясывают фокстрот под музыку «цветных». А тут ещё некто Скопс – учитель в местной школе, юнец приезжий, – объясняет детям, что человек произошёл от обезьяны, и в северных штатах, говорит, давно так учат. За оскорбление нравственности горожане привлекли учителя к суду. РКА «поймала ветер» и вызвалась транслировать процесс в прямом эфире.

Целую неделю маленький Дайтон был в фокусе внимания всей страны: иск – необычный, имена участников – на слуху. Обвинитель – сенатор Брайан, бывший госсекретарь США и, как отмечал дотошный репортёр, «непримиримый борец против узких юбок, еврейского засилья и теории Дарвина». Сенатор решил, что процесс, который остроловы окрестили «обезьяним», – хорошая стартовая площадка для очередных выборов, а его речи про «традиционные американские ценности» привлекут голоса миллионов избирателей. Настрой суда и публики – помесь протестантского фанатизма с духом Ку-клукс-клана – казалось, не давали защитнику, Чарльзу Дарроу, никаких шансов. Он шёл в суд по улицам, где на магазинах висели грозные объявления «Хвостатым людям мы не продаём!» Дарроу понимал, что единственная надежда – дать процессу широкую огласку, и здесь радио было незаменимо. В зале суда он подталкивал обвинителя рассказывать о своих взглядах, и миллионы слушателей стали свидетелями дремучего невежества бывшего госсекретаря – тот, например, верил, что праведный Иов провёл три дня в желудке кита, а защитник всё вызывал его на новые откровения перед микрофоном. Судилище превращалось в буффонаду, однако атмосфера в городе предопределила исход судебного разбирательства: Скопса оштрафовали на его месячную зарплату – сто долларов, преподавание дарвинизма в школе запретили. «Победа по очкам, – объявляли ведущие новостей РКА своим обычным спортивным сленгом и предупреждали, – возможен матч-реванш». Правильно предупреждали – живое эхо процесса раскатилось по стране, в других штатах демонстративно разрешали преподавать теорию Дарвина; ораторы, артисты и просто отдельные граждане всюду пользовались новым модным приветствием: – Леди и джентльмены, подберите Ваши хвосты, чтобы не мешать соседям! Стало известно, что Дарроу готовит апелляцию в Верховный Суд, и власти штата не могли позволить себе оставаться посмешищем. Большое жюри штата, как сказали бы сегодня, «истребовало дело» и, не дожидаясь апелляции, отменило приговор. «Нокаут!» – сообщили исход схватки ведущие. Помогая трудной победе разума, радио становилось инструментом свободы слова.

Боксёрский поединок и схватка в Дейтоне – с момента возникновения РКА её лидеры отслеживали горячие темы и запросы «радиопотребителя». В США был единственный оперный театр – Метрополитен-опера в Нью-Йорке; многим меломанам билеты не по карману, а Нью-Йорк не близко – и вот, в 1927 году в эфире впервые звучит опера – «Фауст». Автомобиль становится массовым товаром – РКА налаживает выпуск автомобильных приёмников. В 1933 году в США начинается «великая депрессия», миллионы людей разорены – РКА выпускает еженедельную передачу с Президентом Рузвельтом «Беседы у камина»: в домашней обстановке, как бы зайдя в семью, Рузвельт советует слушателям, как выживать в это трудное время.

В 1930 году Д. Сарнов становится президентом РКА. Ему идёт сороковой год, он – на гребне успеха; казалось бы, можно спокойно двигаться по накатанной дороге, живя на проценты с капитала. Но «вперёдсмотрящий» начинает новое дело, начинает, как и раньше, с нуля; эта новинка – телевидение. Дэйв присматривается к работе другого выходца из России: Владимир Зворыкин, родом из Муром, в Америке уже десять лет. В фирме Вестингауза он создаёт устройство для передачи изображений. По приглашению Сарнова «муромец» переходит в РКА на специально учреждённую для него должность «Директор электрических исследований». Исследования разворачиваются с размахом:

только что в деловом центре Нью-Йорка построен самый высокий небоскрёб мира – «Эмпайр стейт билдинг», и здесь, на сто втором этаже, начинаются опыты с передачей видеосигналов. Проходит восемь лет, и на Всемирной выставке 1939 года в Нью-Йорке толпы собираются у телеэкранов, работающих на стендах РКА.

Победное шествие телевизоров прервала война. Президент РКА, назначенный экспертом армии США по связи, участвовал в создании мощной системы вещания на десятки стран, и в 1942 году вышла в эфир новая радиостанция – «Голос Америки». Позже он приложил руку и к первым приборам ночного видения, и к первым радарам. Карьера Сарнова в военной радиотехнике завершилась генеральским званием, и во время войны в Корею советские карикатуристы клеймили этого «поджигателя войны». После 1945 года Корпорация открыла рынок телевизоров, и уже в 1946 году продажи доходили до десяти тысяч штук в день, а лидеры РКА вновь заглядывали за горизонт и готовили новое начинание – медицинскую электронику.

...Президент РКА пробыл у руля бессменных тридцать девять лет. При нём клиенты Корпорации стали радиослушателями и телезрителями, а сама Корпорация воплотила в жизнь ключевую заповедь индустрии новостей – «Здесь и Сейчас!». Творческие люди часто живут долго: Давид Сарнов покинул мир в 80 лет – на четыре года раньше Генри Форда, на три года позже Орвилла Райта.

К рассказу была приколота страничка со стихами, явно навеянными историей маленького эмигранта:

«Надоело жить нам в серости

На обочинах дорог;

Позади – черта оседлости,

Путь мы держим на Нью-Йорк.

На Бродвее, на Манхаттане

Незнакомая земля,

Нет ни цента, нет ни хаты нам,

Начинаем всё с нуля.

Станет в жизни мне отрадою

Высший смысл бытия:

Телевидение и радио –

В этом доля есть моя».

22. Форточка в Европу

Миша на вопрос об отъезде отвечал нарочито по-одесски: «Таки да!». Он подал документы на отъезд вместе с женой, которая, через мачеху, могла рассчитывать на израильскую визу – других не выдавали. Уйдя с работы, Миша искрился напряженной уверенностью: – Математиком мне становиться поздно, может, там в программисты возьмут, а нет – плотничать умею, могу даже гроб сделать, а это в нашем деле – мастер-класс! Зато дом будет, машина, и не будет ни «всевидающего глаза», ни «всеслышащих ушей»! И для детей хорошо – подальше от комсомола! Слышал – город Вашингтон стоит на реке Потомак? Так вот, – и Миша затынул, подражая Тамбовскому хору, заливисто и распевно:

«Я хочу, чтоб мой потомок

Жил у реченьки Потомак...»

– А Дедал как – тоже поедет? – спрашивали начинающего безработного.

– А то! – На крыльях полетят, с алжиркой вместе!

«Дедал» было ласковое домашнее прозвище Мишиного деда, когда-то, ещё до войны, – начинающего авиаинженера, потом – «врага народа», потом – расчётчика на «шарашке», а потом – лауреата-авиаконструктора. Его жена отбывала срок в лагере с красивым названием «алжир» – «Акмолинский лагерь жён изменников Родины». Рассказы про семью Миша начинал словами «Мы, отщепенцы», ... звучало гордо, почти как знаменитое «Мы, народ...»

Игорь колебался: с одной стороны – надоело, обрыдло сражаться с парткомом, с отделом кадров, с пьяным хамом в трамвае, и, вообще, «надоело говорить и спорить»; а с другой – проломить столько барьеров на пути в физику – и бросить все, когда новые красивые формулы сами падают в руки? – Оставишь науку на день, она тебя – на два, – учили корифеи. – Но бросать придется: докторов-«отщепенцев», особенно работающих, с работы гнали, но в Новый Свет не выпускали. В Москве «отщепенец» мог затеряться, жить уроками, но в маленьком Академгородке все были на виду, да и восьмилетнего сына ожидали бы проблемы в школе. «Держава» – мрачно каламбурил Игорь, – от слова «держать»? Держать и не пущать!

Размеренное житие Института озарялось изредка приездом иностранцев. Хлебосольные советские коллеги возили дорогих гостей на медовуху в Суздаль, на шашлыки в Тбилиси, дарили тульские самовары и палехские шкатулки и грезили о встречных приглашениях. Старшие товарищи не допускали Игоря к этим таинствам, он насмешничал завистливо: «Кружева холопства на баранах гостеприимства!»

Однако, откладывая решение, очень хотелось ощутить себя в иной жизни, и

завистник был счастлив, получив приглашение на неделю в ГДР на симпозиум «в составе делегации». Путь к Берлину, как пел Бернес, был не лёгок и не скор: получив характеристику на работе, проситель должен был показать на беседе в райкоме, что он «политически грамотен и морально устойчив». Эти качества проверяла комиссия – желчные пенсионеры, никогда не бывавшие за границей; они охотно копались в биографии просителя, а учёным задавали вопросы на засыпку: – Какие средние надои молока в нашем районе? А по области? – Какими орденами награждён комсомол и за что? Кроме них, в комиссии, молча, сидел ещё один молодой мужчина с пронзительным взглядом; про него шептались: «оттуда»...

На этой проверке Игорю повезло – он попал в один заход с той самой обиженной женой, от которой недавно сбежал муж. Сочувствуя заслуженной коммунистке, начальство отправляло её на полгода на советскую научную станцию на Кубу, записав в характеристике: «Развелась, но семью сохранила»; это значило, что по воскресеньям муж навещает дочку. Моралисты-пенсионеры долго разбирались с её женской судьбой, но потом их успокоил представитель института:

– Обстоятельства развода парткому известны.

Чтобы проверить политграмотность, тётку спросили о причинах недавнего переворота в какой-то африканской стране; та отвечала кратко, но чётко: – ЦРУ поработало! Ответ был засчитан, поездка состоялась. Утомившись с разведёнкой, комиссия задала Игорю всего два вопроса: – О чём сегодня передовая «Правды»? – Каким орденом награжден наш районный центр?

Через неделю Игорь получил подписанную характеристику и отвёз ее в Президиум Академии, а еще через день приехал узнать, все ли бумаги в порядке. Сотрудница, которая «курировала» ГДР, встретила его неласково: – Поздно привезли, надо за тридцать дней! – Но сегодня как раз тридцать дней... – Сегодня мне некогда Вами заниматься: работы невпроворот, а мне вечером ещё на именины идти, а у меня и подарка нет. – Сейчас будет, – Игорь выскочил на Ленинский проспект, купил шампанское, коробку шоколада, большой букет роз; когда вернулся, сотрудница достала из ящика его папку, что-то черкнула и улыбочиво сказала: – А я как раз заканчиваю Ваше дело!

...Праздник начался сразу после паспортного контроля: отлетело подавленное чувство беспомощности – «Выпустят? Остановят?», фанфарами прозвенело объявление «... посадка на рейс дружбы Москва-Берлин». Так Иена стала первой за границей Игоря: Университет пятнадцатого века, час на машине – Веймар, Гете, Шиллер, рядом – Бухенвальд; вековая история, спрессованная в неделю... Доклад Игоря приняли на ура, пригласили в Австрию, в Швецию, в Америку. Руководитель делегации, однако, сделал ему замечание: – У Вас повышенный интерес к иностранцам...

Насмотревшись на зарубежных гостей в советской Академии, Игорю было забавно чувствовать себя в той же шкуре. Недалеко от Иены была легендарная гора Брокен, та самая, где в Вальпургиеву ночь собиралась нечистая сила. До сказочной ночи оставалось несколько дней, и Игорь попросил хозяев отвезти его на сказочную гору, добавив, что он –

не первый московский визитёр на заколдованной вершине: когда-то, проезжая в этих местах, на Брокен подымался молодой царь Пётр Первый. Хозяева отвечали деловито:

– Разрешение нужно, пропуск.

– Разрешение? Чьё – Мефистофеля?

– Нет, советского военного коменданта: там, на горе, – сов. гарнизон.

На банкете участники конференции сидели в старинном пивном погребе, а ректор с деканом физфака медленно двигались вдоль столов, и декан представлял гостей-иностранцев. За начальственной парой шествовал кельнер, держа над головой на повёрнутой назад ладони поднос с кружкой пива. Когда декан представлял Игоря, ректор уважительно сказал: – Много о Вас слышал... В первый момент Игорь зарделся от неожиданной похвалы, а декан уже подводил ректора к соседнему столу; там сидел англичанин. То ли шум в зале на секунду стих, то ли Игорь напряг слух, но он услышал, как ректор признался англичанину: – Много о Вас слышал... На Игоря повеяло чем-то родным, академическим, и ему стало хорошо и весело.

В институт он вернулся «со щитом», окрылённый скромной удачей, – не в Америку выпустили, в ГДР, но он, всё же, примкнул к секте «выездных».

Миша кратко подвёл итог поездки:

– Ну, что, вкусил глоток свободы? Смотри, не подавись!

– Поздравляю с лишением невинности! – ухмылялся ученый секретарь. – Как самочувствие после окна в Европу? – Это ещё не окно, так, форточка... Но условный рефлекс прорезался: как возьму нож в правую руку, а вилку – в левую, так сразу начинаю по-английски говорить, – признавался недавний европеец.

Бытие там ему понравилось, однако, до практических выводов дело не дошло. Щель в железном занавесе стремительно сужалась, Миша проскочил одним из последних. Граница вновь оказалась на замке, разрядка закончилась. Как-то январским утром Игорь приехал в Москву на большой семинар физиков. Во время доклада по рядам прошелестела оглушительная новость: «А.Д.С. сослан в Горький!»; А.Д.С. – так называли Андрея Дмитриевича Сахарова. Семинар не прервался, оплёванная академия безмолвствовала.

Щёлкнул барский кнут, и интеллигенция – вся, и физики, и лирики – услышала команду: «К ноге!»

– Начинаются игры больших кошек, – задумчиво произнес знакомый референт из Президиума академии.

...Сто лет назад, когда слова «интеллигенция» ещё не было, литературный критик Писарев придумал название для людей, получающих регулярную плату за умственный

труд. Такой вид тружеников Писарев назвал «мыслящий пролетариат». За столетие этот вид размножился, и началась внутривидовая борьба; «мыслящие пролетарии» стали с готовностью выедать тех особей, которые мыслили сами, вразрез с общим собранием. Маска «Всегда готов!» у этих пролетариев приросла к лицу, и сама стала лицом...

Безнадёжность, скука и страх разливались в воздухе, слышались и в обычных разговорах, и даже в удивительных стихах, написанных электронной машиной «Каллиопа», названной в честь музы поэзии, – первых «электронных» стихах:

«Пока слепо плыл сон по разбитым надеждам,
Космос с болью сочился над былою любовью;
Был из спящих людей свет твой медленно изгнан,
И небо молчало».

23. Точка невозврата

В пять лет сын Игоря пошёл в детский сад. Когда, в первый день, Игорь забирал малыша домой, тот завёл его в игровую комнату и, показав на портрет на стене, спросил: – Ты знаешь, кто это? – Знаю... – А вам тоже рассказывали? Отец, молча, кивнул. На следующий день «садовый ребенок» вернулся с новыми впечатлениями – приезжали шефы из воинской части, детей фотографировали, надевая на них гимнастерки, военные фуражки и ленинские значки.

Новинки воспитания высветили проблему: помогать Системе называть белое – чёрным, а чёрное – белым, откладывая прозрение на потом, или открывать глаза на мир сразу? Переучиваться всегда трудно, и решено было объяснять «правду, только правду и ничего, кроме правды», но объяснять доступно – шуткой, игрой, путешествием.

Перед школой всей семьёй поехали в отпуск в Сухуми, поехали «дикарями» – ожидание профсоюзной путёвки растягивалось на долгие годы. На вокзале прибытия местные тётки разбирали гостей на постой. Семье Игоря досталась пристройка к хозяйскому дому – небольшой сарайчик, разделённый листом фанеры на две половинки. За фанерой отдыхал молодой инженер с Урала; соседи попеременно занимали часовую очередь на обед в столовую вблизи пляжа. Рядом отгородилась база отдыха имени какого-то съезда комсомола, но «дикарей» за забор не пускали.

Инженер научился проникать за забор вечером – смотреть кино; проходя мимо дежурного в воротах, он солидно ронял волшебные слова: - По списку... После сеанса, на танцах, он познакомился с медсестрой базы, и та продала ему, а, заодно, и Игорю курсовки для питания вместе с законными отдыхающими, продала недорого – за треть цены «сверху». Не только медсестра – весь коллектив базы отличался коммерческой жилкой, превращавшей даже пляжную гальку в золотую жилу. Каждый вечер на пляже выставляли большую вывеску «АЭРАРИЙ», и любая парочка, уплатив, получала от базы

на ночь спальные мешки и палатку. Утром вывеску уносили, парочки, вернув имущество, исчезали, и переносной дом свиданий «Аэрарий» закрывался до заката.

...После отпуска началась школьная жизнь, сына вскоре обвязали красным галстуком. Игорю казалось, что его время двинулось по второму кругу. Педагог, застывшая на тридцать лет копия медногорской Верушки, щедро раздавала школьникам два варианта назиданий: – Вместо того, чтобы... или: – В то время, как ... Ученики, однако, изменялись быстрее, чем учителя: пока те разучивали с пионерами хоровые «речёвки» к 1 Мая и к 7 Ноября, юные акселераты уже в четвертом классе приносили из школы свежие анекдоты про партийную жизнь. Извечное школьное собрание марок и старинных денег тоже шло по-новому: марки не меняли, а покупали и перепродавали. Проходя возле школы, Игорь слышал, как спорили десятилетние собиратели: – «Купюра» – это от слова «купить»! – Нет, надо говорить «копюра», – от «копить»!

...На следующее лето удалось достать путёвки в спортивный лагерь какого-то института на черноморском побережье вблизи Одессы. Жили в щитовых домиках, сервис – студенческий, удобства – на улице, зато море – рядом. Лагерь занимал кусок берега между кирпичными стенами, окружавшими санатории Союза украинских писателей и Русской Православной Церкви; ворота в эти райские кущи всегда были на запоре, над стенами высились добротные фасады санаторных корпусов.

– А почему писатели и попы отдыхают лучше, чем учёные? – допытывался школьник. Трудный детский вопрос обсуждали, гуляя по Одессе; каждая улица давала повод к рассказу о личностях – Пушкин и Ришелье, де Рибас и Потемкин. В краеведческом музее увидели настенную схему греческих поселений на берегах Черного моря, вдали от Греции, в шестом веке до нашей эры. Пунктиры соединяли поселения с далёкой Грецией, напоминая про странствия Одиссея. Ребёнок допытывался:

– Одиссей – путешественник, Одиссея – путешествие, а Одесса – это город путешественников? Кто тут живёт – одесситы или Одиссеи?

Схему венчала надпись, сделанная выпуклыми золотистыми буквами на стене цвета морской волны: «Во все времена самые энергичные люди стремились, покидая свое отечество, осваивать далекие новые земли. Ф. Энгельс». Школьник уже знал, что Энгельс не бывает неправ, и на Игоря тут же обрушился новый вопрос: – Значит, сегодня самые энергичные люди – это эмигранты? – кругозор путешественника быстро расширялся, игра в «Спрашивай – отвечаем» становилась всё труднее.

Как вернулись домой, заглянул на огонёк Женя-«макулатура». Сын Игоря показал ему свои марки – коллекцию «Учёные всего мира». Женя ухмылялся: – Что, тоже в физики готовишь? – Хоть в физики, хоть в химии... В наше время было озарение: «Наука – это интересно», потом спустили указание: «Наука – это престижно», а теперь – если хочешь выжить в фекальной луже, да ещё хоть какое-то свое «я» сохранить, – куда еще податься? – А он захочет, как ты, всю жизнь крючки писать? (так Женя называл формулы). – «Крючки», если повезет, – дело творческое, акт принятия решения, да и приятно первому

сказать «а»... – Брось, наука – дело коммерческое; директор наш, мастер жизни, как учит?
«В науке не важно, кто сказал "а", важно, кто сказал "я!"».

Спорщик-романтик злился, знал – факты против него, кораллы острова Урания давно облепили научные медузы. Последний раз он вёл такой спор полгода назад – тогда умер яркий физик, патриарх атомной эры, для Игоря – эталон Личности. На похоронах звучали прощальные стихи институтского автора:

«Уйдут от нас учителя,
И станем мы учителями,
И то, на чём стоит Земля,
Вдруг станет нашими плечами.
И у кого достанет сил
Не попытаться сбросить бремя,
Которого ты так просил,
Покуда не всучило Время».

С первым четверостишием Женя тогда согласился, со вторым – нет: – Сам видишь – смена поколений, последние мамонты вымирают, а сейчас научник – профессия массовая, «бремя» не сбрасывают, наоборот, каждый на себя тянет...

Наступил сентябрь, учёные привычно ринулись в битву за урожай в подшефном колхозе. После битвы в Институте закрутились два новых дела: подоспел институтский юбилей, и на подходе был юбилейный орден, но сначала нужно было очистить коллектив от последнего диссидента, члена группы «Хельсинки», который всерьёз поверил в новые отношения СССР-США. Диссидента, известного профессора, просто уволили по сокращению штатов, а «куратор» из райкома пояснил, чем плох профессор:

– Мы рассматриваем научную работу, как руководящую, а это – не руководитель, это – отщепенец!

С орденом хлопот было больше. Учёный секретарь уже сочинил для газеты статью «Орден на Знамени Института», и тут оказалось, что Знамени у института нет. Такие изделия – красный бархат с профилем вождя и золотыми кистями – заказывали на специальной златошвейной фабрике; но там, как выяснилось, заказов – на год вперёд, а до юбилея – два месяца, уже и зал для торжества сняли в гостинице «Советская». Наконец, скромный дар фабричному начальству переломил ситуацию, и в назначенный день крепкие ребята из институтской волейбольной команды, распрямив плечи, совершили вынос свежевыванного Знамени на сцену арендованного зала. Прибыл член ЦК и

приколол орден на голубой ленточке к алому бархату рядом с носом Ильича. После речей пришло время фуршета, знаменосцы бросились к столам, знамя заперли в кабинете директора гостиницы, а сам орден, чтоб не потерялся, учёный секретарь снял со знамени и убрал в свой внутренний карман.

Жизнь в орденоносном институте никак не изменилась. Однажды Игорь увидел на доске приказов, что его сослуживец и приятель Эдик получает авторское свидетельство за изобретение нового прибора и награждается за это премией в пятьдесят рублей. Эдик охотно придумывал новые игрушки (так он называл приборы) и жаловался:

– Идей у меня – как блох у собаки, да кому они нужны! Игорь захотел поздравить автора, но комната изобретателя была заперта, на двери висела табличка, тайком унесенная из магазина: «Ушла на базу». В коридоре возле двери шаркала тряпкой по полу бессменная институтская уборщица тетя Дуся. Увидев, как гость топчется возле двери, она обнадежила: – Скоро придёт, за бутылкой побежал... Тетя Дуся знала все и про всех, знала и путь Эдика: – Как пришёл он работать – вежливый такой, всегда поздоровается; чистенько ходил, аккуратно, хоть и один жил. Ну, потом расписался он на женщине – поначалу всё складно было: из командировки вернётся – себе беленького возьмет, бабе – красненького, начальнику – сувенир. Так пожил, пожил, – и сломался, как обед – бегом в «Рюмочную»... Жена приходила, плакала... Беда!

Появился изобретатель, достал из портфеля чекушку. Плеснув гостю на доньшко, свой стакан опрокинул залпом. Тостов он не признавал; прижав палец к губам, как на плакате в «почтовом ящике», шептал: – Тс-с... Враг подслушивает! На этот раз Игорь нарушил традицию, сказал тост: – Ну, Эдисон, выпьем за внедрение и за гонорар с нулями! Изобретатель уныло отмахнулся: – Какой гонорар – одни нули без палочек! Ну, взяли начальника цеха на заводе в соавторы, ну, подпишет он справку о внедрении; соберет начальник цеха десяток таких «авторских» и будет кандидат тех. наук – тех ещё наук! А директор завода – тот, если захочет, и на доктора потянет. Артель «Красная Синька» ... – А зато ты у нас «gara avis»,^[1] – в Академии изобретателей не густо!

Запертая дверь комнаты дёрнулась снаружи, потом раздался условный стук. Хозяин, не вставая, ткнул в какую-то кнопку, дверь открылась, и появился соавтор Эдика, изобретатель по кличке «реле». Завидев гостя-теоретика, он отсалютовал рукой: – А, наука на марше! От нашего стола к Вашему столу! – и вытащил свою чекушку. – Тоже «чекист», – пояснил Эдик, сбивая жестяную укупорку с горлышка бутылки. Грустно кивнув, гость ушел.

Дома Игоря ждала проблема: его сын выиграл несколько местных олимпиад – математика, физика, даже география, и в школе ему была обещана путевка в Артек. Родители уже собрались покупать лёгкий чемодан, как вдруг из школы позвонили, что по разнарядке путёвку отдают юному футболисту из рабочей семьи. – Что, диктатура пролетариата? – проявил домашнее воспитание неудавшийся артековец. Игорь пообещал устроить летний отдых победителя олимпиад своими силами; доктору наук было стыдно перед школьником, стыдно и противно. Он повертел старый глобус с фото своих учеников из физмат интерната – юные лица улыбались со всех континентов, – и вспомнил крылатые

слова Уилбура Райта – первого в мире авиатора: – Дети должны не только идти дальше отцов, но и лететь дальше их!

Игорь захотел сочинить для сына какой-нибудь смешной стишок про весёлые путешествия, чтобы поднять настроение, но, вместо этого, в голове стали складываться другие строчки:

Мне не надо шумных оргий
От заката до утра;
Мне пожить бы в Гётеборге –
Там спокойны вечера,
Или утром, вставши рано,
Вдруг увидеть из окон
Говорливую Тоскану
Или чинный Вашингтон.
«Долог путь до Типпарери»
И недёшев этот путь;
Ах, скорей откройте двери, –
Я пойду куда-нибудь...
Куда-нибудь... А куда?

24. Победа науки над здравым смыслом

– У нас украли мир, – сказала однажды Анна Ахматова, – и правильно сказала.

Выждав несколько месяцев после возвращения из Иены, Игорь попытался вытащить на свет свои приглашения – поработать месяц в Швеции и поучаствовать на Симпозиуме в Америке. Характеристику для Швеции в райкоме не подписали, с Америкой тоже оказались пустые хлопоты. Выяснить причины отказов не полагалось, но невыездной правдоискатель бестактно приставал к директору:

– Почему? – Есть мнение – нецелесообразно, – хмурился тот, не поднимая глаз.

С тем же вопросом «Какой цели не сообразно?» Игорь явился и в кабинет к

учёному секретарю. – Заботятся о тебе, хотят оградить от провокаций... Знаешь, там случается витринный шок, – скучным голосом бормотал секретарь. Про «витринный шок» он, явно, повторял чьи-то слова – в собственной речи секретарь путал «плебея» и «плэйбоя».

Вечером того же дня, проходя с Игорем из института по безлюдному переулку, он вдруг вернулся к теме: – Может, кто анонимку написал? Лежит донос в досье и лежать будет, а не спросишь... – Но анонимки, вроде бы, не читают? – Игорь еще надеялся. – Анонимки не читают, а внимательно изучают, – секретарь не витал в облаках.

Собеседник Игоря в сердцах выдал то, о чем вслух не говорили, потому что был зол на весь свет: институту выделили один орден «Знак Почета» и несколько медалей. Этот орден, на котором рабочий и колхозница шагали на фоне красных знамён, остроумцы, уже награждённые, ласково называли «Весёлые Ребята». Секретарь бился за орден, но ему досталась лишь медаль – директор отдал «Весёлых Ребят» своему заму. – Моему сыну восемь лет, и он вместо «досье» говорит «доносье», – отшутился Игорь. – Но я согласен помереть на час раньше, если мне на этот час дадут глянуть в свое «доносье»!

– А там, может, ничего интересного и нет! Вот про одного сигнал был, что он сына английскому учит, – между прочим, и вправду учит! – так его наверху из списка на Госпремию вымарали; а вдруг он уехать хочет?

– А, может, мне с этими поговорить? – Игорь указал пальцем в небо.

– Не-е, – поморщился секретарь, – базара не будет; таких, как ты, они ненавидят, а ты их презираешь, – блатным словечком «базар» секретарь чётко обозначил «их».

После разговора про витринный шок, подстерегающий незрелого москвича на Западе, Игорь пошёл вразнос. Он написал корректное, но Твёрдое письмо Президенту Академии наук, попросил о встрече. Через две недели последовала первая реакция: директор, встретив Игоря на лестнице, не подал руку, буркнул сердито: – Эти Ваши письма наверх... – и покрутил головой. – Это – моё законное право, – стал в позу Игорь. Директор промолчал, глядя в глаза законнику, и засеменил к своему кабинету; видно, ему попало за бестактного сотрудника.

Однако, еще через неделю, Игоря пригласил большой начальник – Главный Учёный Секретарь Академии наук академик Скрыбин. Вместе с ним в кабинете сидел академик Басов и ещё какой-то незнакомец, все трое – со звёздами Героев Соц. Труды, как говорили референты, «три гертруды». – Комиссию собрали, «тройку», – мелькнуло у гостя. Скрыбин начал ласково: – Я посмотрел Вашу биографию, мне она нравится; Вы не против, если я поговорю с Вами откровенно? – Именно этого я и хочу, – поклонился Игорь. – Вы не обидитесь, если я скажу, что Вы – не Эйнштейн? – хозяин кабинета спрашивал задушевно, даже сочувственно. – А что тут обижаться? Конечно, нет; у меня с ним нет никаких общих достоинств – только один общий недостаток, – Игорь похвалил себя за ответ.

Отеческое увещевание не складывалось, и Главный Секретарь зашёл с другого козыря: – Ньютон никогда из Англии не выезжал... – Ньютон жил давно, а мы сегодня берем пример с членов нашей академии, – Игорь покосился на двух других Героев; те сидели безучастно. Беседа заходила в тупик; Скрябин привстал, протянул руку нахалу, посоветовал на прощанье: – Не надо рваться за границу... Остальные присутствующие даже не кивнули, застыли, как мумии.

После этой встречи Игоря выпустили в командировку в Румынию как «научного туриста». Целая делегация таких странных существ ехала на научный симпозиум по туристским путевкам. Поездку они оплачивали сами, но числились в командировке; им шла зарплата, но без командировочных. Соблюдался полный ритуал выезда, включая беседу в райкоме. В толпе ждущих вызова на беседу Игорю запомнился мальчик лет двенадцати в парадной пионерской форме. Он ехал в Болгарию в составе детского хора на какой-то певческий конкурс и, как все, проходил партийную проверку.

...Две недели в Бухаресте Игорю казалось, что он, не покидая Москву, смотрит на нее через увеличительное стекло – знакомый лик «реального социализма» виделся здесь ярко и выпукло. В первый же день зарубежным гостям показали улицу, где стоял дворец президента Чаушеску. Ворота дворца были открыты, чтобы, как с придыханием сказал гид, «каждый румын всегда мог зайти к своему президенту». Видимо, никто не хотел беспокоить президента – вблизи ворот и на всей улице не было ни души. В музее, в зале современного искусства, висела картина «Великая Дружба»: в скромной комнате за столом у окна Николай и Елена Чаушеску угощали чаем Ким Ир Сена с супругой, а за окном, со знаменами в руках, стояли толпы ликующих граждан.

Супруга президента, «академик Е. Чаушеску», была патронессой Симпозиума и соавтором всех румынских докладов. На Симпозиуме она появилась лишь однажды на вечернем приеме для участников. Явление «королевы Елены» длилось всего несколько минут: пройдя через зал приёмов вдоль коридора, составленного молодыми людьми в одинаковых тёмных костюмах, ухоженная государственная дама взошла на сцену, подняла бокал; едва изогнув в улыбке уголки губ, сказала несколько слов, и, передав нетронутый бокал кому-то из свиты, исчезла через неприметную дверь. Зал сразу посветлел – тёмные костюмы тоже исчезли. На другой день гостей повезли на экскурсию в таинственный замок Дракулы; по дороге гости обсуждали «семейное правление» в Румынии, и страшная тень вампира Дракулы оживала, казалась, в непроницаемой улыбке вчерашней хозяйки бала.

Вернувшись в Москву, «научный турист» сразу попал на «семинар по хеттскому языку» – так насмешливо называла себя небольшая группа приятелей; они задерживались на часок после городского семинара физиков, чтобы обменяться новостями. Как туманны были сведения про язык хеттов, живших за пятнадцать веков до нашей эры, так смутны и обрывочны были новости, склеенные из отдельных полуслов, просочившихся сквозь грохот глушилок на волнах Би-Би-Си или «Голоса Америки». Круг тем при таком общении был широк – от диссертации Арамиса из «Трёх мушкетеров» до «бытовой физики» – новостей из жизни верхов. В разговорах всегда присутствовали и герои народного эпоса – коварный Ильич, простодушный Чапай и рассудительный «старик

Парткомыч». Рассказ Игоря про Бухарест слушали в пол-уха – все обсуждали недавно принятый закон о наказании за оскорбление герба и флага и гадали:

– Когда-то был закон «об оскорблении величества», – ну, шапку не снял перед королем; а как можно герб оскорбить?

– Своим присутствием, – улыбнулся опытный КВН-щик Лёня. Искрометной реакцией он напоминал уехавшего Мишу.

Через неделю, на очередной «хеттский семинар», Лёня принес книжку воспоминаний артиста Орленева; до революции автор был артистом провинциальной сцены. Книжку принесли ради одной страницы; там рассказывалось, как труппа, где играл Орленев, выступала в Кишиневе, а в конце сезона антрепренёр сбежал с кассой. Узнав, что денег нет, артисты погоревали и решили податься на заработки в Румынию.

– «Утром пошли в полицию, выправили паспорта, а вечером уехали поездом в Бухарест», – прочёл Лёня и захлопнул книгу: – Так вот ездили в Румынию в проклятое царское время – без политбеседы в органах... – И как это Главлит пропустил? – удивлялись умудренные читатели «Правды», в которой, как шептали, не было известий, и «Известий», в которых не было правды. – За всем не уследишь, а Главлит – советская контора, им все – до лампочки! У нас в библиотеку приходит «Nature», так там некоторые листы выдраны; хочешь знать, что выдрали – смотри в оглавление, им лень оттуда заголовки вычёркивать!

Игорь не унимался в попытках проткнуть дыру в железном занавесе. Его не пустили на конференцию в Венгрию, даже «в составе делегации», а его доклад читал другой делегат; такие замены случались часто, европейцы, смеясь, называли это «рашн тайм». Начальство в академии скорбно качало головами:

Не время... Международное положение сейчас сложное.

– Какое время? Сейчас – безвременье, – молча кипел отказник.

– Он понимал, что все запреты – слушать, читать, встречаться, всеобщее «Нельзя!», – только одна из граней этого безвременья в стране, которая, как написали в Самиздате,

«...Разметнулась на полсвета,

Её вожди богам равны,

И остроносые ракеты

На все края наведены».

В воздухе разливалось оцепенение, прерываемое гробами из Афгана и здравицами в честь родной партии.

Однажды вечером в Москве возле Ленинки к Игорю подскочил молодой лётный капитан с орденом Красной Звезды. – Слушай, где здесь взять можно? – капитан радостно улыбался и был заметно навеселе.

– Беги в ГУМ, там до девяти, может, успеешь, – подсказал Игорь. – Побежали вместе? Орден обмоем! – капитан жаждал поделиться счастьем. – Ты лучше тех пригласи, с кем орден получал! – Да эти уже под столом лежат, пошли, – снова звал орденосец. – А где орден получил – в Афгане или в Анголе? – Не надо, – улыбка сползла с лица капитана. Он заторопился в ГУМ, а Игорь потащился в Академгородок с толстым портфелем – вез семье продукты из Москвы. Жители городка не раз покорнейше просили начальство «поднять уровень снабжения учёных до уровня стоящих перед ними научных задач», но ничто не менялось, и каждый продолжал снабжаться в столице. В этот день Игорю повезло – в магазине, по дороге в библиотеку, «выбросили» мороженых кур. Очередь возникла мгновенно, образовалась из воздуха. Вблизи прилавка очередь сжималась, глаза лихорадочно шарили по синюшным тушкам.

– В одни руки больше двух не давать! – кричали задние. Запихав в портфель дозволенную пару, счастливый доктор наук двинулся в Ленинку. По пути постоял ещё в очереди за болгарским виноградом. Продавщица совала мятые гроздья в бумажные кульки, тётка перед Игорем причитала:

– Мне получше, пожалуйста, мне в больницу...

Когда вечером снабженец добрался домой – «синяя птица» оттаяла, по листкам с формулами пошли подтёки, но, всё равно, одной заботой на неделю стало меньше. – Сужают жизнь, – философски замечал сосед Игоря на лестничной площадке. – Если не пить, остаётся только науку двигать или смеяться... Сам он дважды в месяц устраивал на работе «Ленинскую пятницу» – политинформацию в лаборатории, но все равно оставался невыездным.

Недавно в Академгородке впервые отметили местный праздник – День Науки. Этот день в апреле совпал сразу и с субботником, и с Пасхой, в буфете продавали куличи под названием «сдоба городская», а праздничный концерт в доме учёных ставили студенты Физтеха.

Вдали от родных стен студенты осмелели и «позволяли себе»; так, доклад-пародия о перспективах советской науки задевал больную тему:

– Советским учёным открыты все пути: на север – и на юг, на восток – и на... э-э...
– на северо-восток!

Доклад освежал в памяти недавнюю передачу Би-Би-Си про очередного невозвращенца, дипломата, которому, наверняка, в высоких инстанциях подписали не одну характеристику. – Зачем им эти пути – на юг, на восток? – ехидничали невыездные «научники», – для них всегда в силе один приказ, еще с военных лет: – «Вперёд, на Запад!»

– Над чем смеётесь? – ёрничал Леня. – Только советская власть может содержать столько учёных! А корень зла в том, что в науке расти некуда: раз шагнул – кандидат, второй раз – доктор, и всё, мужик в соку, сорока нет, а идти куда? Тут и начинается: одним – «окно в мир», другим – дверь в ОВИР! А вот церковь и армия – те веками шлифовались, так там от кюре до кардинала или от лейтенанта до генерала расти – на всю жизнь хватит! И в академии как бы славно было: доктор первого класса, второго, третьего... А тебе, – он повернулся к Игорю, – одна дорога: пиши труды, обновляй перья в своем научном оперении – когда-нибудь пригодится!

Ночью, возвращаясь после Дня Науки, они пытались заглянуть в завтра:

– Почему «пригодится когда-нибудь?» – бодрился Игорь. – Этот бред не может длиться вечно; система не работает, она обречена развалиться. – Обречена, – соглашался Леня, – только мы вряд ли доживём. Первый тайм мы уже отыграли, второй – тоже, сейчас дополнительное время кончается... Хочешь стих на эту тему:

«Я знаю: красною химерой

Себя потомки не скуют,

Мир не пойдет за вашей верой,

Вас, распознавши, засмеют,

Дни, вами названные эрой,

Из каждой памяти сотрут

И только жаль, что полной мерой

За это вам не воздадут».

– Сам сочинил? – проникся Игорь. – Нет, сочинил Аррани в Персии, еще в одиннадцатом веке, перевёл недавно Шумовский – есть такой арабист, а я одно слово заменил, даже не слово – пять букв всего, «шахскою» на «красною», и всё – стих скакнул вперёд на девять веков!

На дворе был апрель 1984 года, а через год...

В апреле восемьдесят пятого никто не разглядел в явлении Горбачёва перемену ветра, хотя в газетах стало меньше ненависти. В ледяном воздухе зашелестели тёплые струи – «Гольфстрим» мечтательно шептали одни, «Апрель» деловито поправляли другие. Айсберги таяли медленно, но люди, не ждущие указаний свыше, замечали перемену ветра быстрее.

Осенью следующего года Игоря пригласили выступить оппонентом на защите

диссертации в Харькове. Московский поезд приходил рано утром, и оппонент, в строгом костюме, при галстуке, с лёгким портфелем – приехал на день, чинно двинулся по подземному переходу у вокзала. В переходе уже кипела жизнь: цыгане гадали, алкаши разминались у «точки», трудовой люд тёк густым потоком. Неожиданно Игорь почувствовал на себе чей-то взгляд: метрах в пяти от него, прислонясь к стене, стоял мужчина лет сорока, помятый, небритый, но не спившийся, – живые глаза обшаривали Игоря, его портфель, костюм и галстук. – Игорь Васильевич Курчатов! – негромко произнес мужчина. Приезжий придержал шаг, наблюдатель просканировал взглядом лицо Игоря и сказал твёрже: – Лев Давидович Ландау! Ещё взгляд – и харьковчанин уверенно вбил последний гвоздь: – Андрей Дмитриевич Сахаров! Игорь достал кошелек – такому человеку нельзя было не дать. Хороший психолог, вокзальный «бич» (бывший интеллигентный человек) мгновенно раскусил Игоря, понял, какие имена называть, и, включив Сахарова в эту почётную триаду, показал свое ощущение момента.

Это ощущение – вроде подземного гула перед землетрясением – было и у Игоря, а вскоре разразилось и само «землетрясение» – Сахарова вернули из ссылки в Москву. Начал крошиться и железный занавес – уезжали многолетние «отказники», а потом струйка отбывающих на ПМЖ в Америку, Германию. Израиль, Австралию превратилась в поток. Измученные неуверенностью, посетители ОВИРа волновались, что «оттепель» продлится недолго, и торопили друг друга: – Куй железо, пока Горбачёв!

Уезжали и улетали знакомые, кругом шелестело «и он...», «и они...», а Игорь слышал, как внутри него спорили два голоса, спорили непрерывно, денно и ночью:

– всю жизнь Система тебя унижала, грабила, – а ты ещё здесь? – Прошлого не вернёшь, а система сегодня рушится на глазах... – Ехать надо ради детей, чтоб хотя бы они смогли состояться! – Если дети малы – тогда, конечно, да, аргумент решающий! А если нет – помни, что помочь им там ты ничем не сможешь. – Хочешь начать жизнь с начала, с чистого листа? Тогда одна дорога – в Новый Свет! Такой переезд – как вторая молодость, да и качество жизни там другое, всё от тебя зависит. – С начала начинают те, кому терять нечего. А мне – мне зачем физику бросать? – Не надо бросать! Твои работы знают, схватят тебя с радостью! А твои ученики, цвет колмогоровской школы, – где себя нашли? Обещали по всему глобусу разлететься – и разлетелись! – С радостью хватили десять лет назад, а сейчас холодная война кончилась, свои физики места теряют. Кто сегодня приезжает – падает обычно по статусу вниз на несколько ступеней. Многие потом поднимаются высоко, очень высоко, но для разбега нужно время, а когда тебе за пятьдесят... – Да ты просто наркоман, тебе формулы – как наркотики, не они для тебя, а ты для них! Оглянись вокруг, посмотри на коллег, – тебе здравый смысл ничего не говорит? – Говорит! Говорит, что нужно самому решать, а не «как все»! Хочу сначала увидеть эту «иную жизнь и берег дальний». Я всегда хотел, да нельзя было, а теперь – можно!

Однажды, внимая обоим спорщикам, Игорь ехал в троллейбусе вдоль Новинского бульвара мимо американского посольства. Рядом с ним сидела женщина лет шестидесяти, строгая, некрашенная, на вид – учительница или инженер. Глядя на очередь, клубившуюся возле посольства, женщина с ненавистью шипела, обращаясь к никому и ко всем: – Всё

продали, всё! Сталина на вас нет! Обрюзгший отставник в кепке, придерживая набитую кошёлку, подхватил: – В «Детском мире» – одни спекулянты! За это расстрелять мало! Злобные кликуши, они просуществовали всю свою серую жизнь в покорной нищете, а теперь жаждали той же участи и для детей, и для внуков, ненавидя тех, кому открывался мир.

В академии начали распределять помощь Американского Физического Общества – пятьсот долларов давали тем физикам, у кого за последнее время были три статьи в престижных журналах. Игорю запомнилась, как с телеэкрана причитала научная дама:

– Это так стыдно – брать деньги у американцев, у наших недругов! Я – кандидат наук, у меня – важная работа; почему для меня нет средств?

– Так Вы взяли эти доллары? – уточнял телеведущий.

– Взяла, но мне так стыдно, так стыдно!

Мир открывался и на выход, и на вход. Иностранным гостем академии наук стал приятель Игоря. Уехав десять лет назад из Москвы диссидентом – м.н.с-ом, он появился в Москве американским профессором. Советы гостя были сдержанны: – Ехать надо тогда, когда не вмоготу, когда чувствуешь – выйдешь на улицу и кого-нибудь укусишь... А так – сидишь в медной клетке и грезишь перебраться в золотую, – а она может оказаться железной!

Возвращаясь от приятеля, Игорь опять проезжал мимо посольства США. По соседству стоял дом, где жил Шаляпин; остановка у посольства так и называлась «дом Шаляпина». Рядом, под звёздно-полосатым флагом, толпилась очередь. Игорь вышел из троллейбуса, подошел к крайним, – становись, Игорь?

Шаляпинский надменный профиль

Взирает с каменных ворот,

А современный Мефистофель

В дом по соседству Вас зовет.

Не обольщая жизнью вечной

И вечной не суля любви,

Он шепчет: «Жизнь быстротечна,

Лови удачу, шанс лови!»

Ах, миг удачи, счастья птица,
Игра, чтоб цели не тая,
Не к совершенству устремиться,
Но к обновленью бытия.
Кому постыла жизнь в клетке,
Кому житьё – унылый фарс,
Попробуй счастья у рулетки,
Где все отметки – «Strips and Stars!»ii[2]

25. Со свечкой вокруг лазера

«Окно в Науку», однажды распахнутое перед Игорем, не стало местом под солнцем; следующее приглашение в Америку он получил только через полгода. «На коротком поезде держат, – буднично оценил приглашение "гостевой профессор", – но, все равно, поеду – людей посмотреть, себя показать». Он прилетел в Аризону на два дня раньше срока – хотел встретиться со старинным московским приятелем.

Приятеля звали Семён, для друзей – Сэм, почти как «дядя Сэм», и «американская мечта» составляла смысл его былой жизни в СССР. Сэм был ходячей американской энциклопедией: он выискивал и фотографировал в каком-то Одесском краеведческом музее старинные медали с надписью «Союзные России», которыми во времена императрицы Екатерины губернатор «Русской Америки» на Аляске награждал дружественных вождей местных индейских племен. Сэм не упускал случая блеснуть английским лимериком и помнил первый гимн США – «Дорогие Тринадцать» (13 штатов); он одинаково охотно рассказывал и про эмиграцию из России в Калифорнию духоборов и молокан, и про американский прорыв в атомный век.

В пору разрядки, когда СССР и США готовили совместный космический полет «Союз-Аполлон», американцы зачастили в Москву. В НИИ, где работал Сэм, появился заморский гость – профессор из знаменитого Массачусетского Технологического Института («Эм-Ай-Ти», как небрежно роняли посвященные).

Директор московского НИИ пригласил высокого гостя отобедать вместе с начальником первого отдела и с проверенным переводчиком, но с переводчиком случился какой-то сбой, он вовремя не явился; обед остывал, и тогда, в последнюю минуту, переводить вызвали Сэма. Пока гость заедал «Старку» борщом, первоотделец молчал, а директор, который уже успел прокатиться в Америку, но, все равно, от английского остался далек, рассказывал, как ему понравился Эм-Ай-Ти. Слово «Массачусетс» директор не выговаривал, и предмет своих восторгов называл «массачудесский институт».

Иностранец переспросил, но Сэм спас положение, объяснив, что директор специально так говорит, потому что в этом институте он видел «массу чудес». Польщённый признанием, именитый гость удалился, а первоотделец, услышав беглый английский Сэма, стал поглядывать на него с подозрением – и не зря: как только надломился «железный занавес», Сэм бросил готовую докторскую диссертацию и уехал – да что «уехал»? – улетел, умчался в Новый Свет. Казалось, что с его-то темой – как уберечь искусственный спутник Земли от болтанки в полёте – перед ним расстелется красная дорожка, и космическая Америка явит ему «массу чудес». «Наш дядя Сэм!» – почтительно шептала молодежь в обнищавшем НИИ.

Однако, в Эм-Ай-Ти его не взяли, не помог и давешний визитер – холодная война заканчивалась, космическая гонка становилась историей, свои инженеры теряли места. Бывший ракетчик рассылал свои резюме веером в десятки адресов, но единственный отклик пришел из небольшой спортивной фирмы, которая делала мячики для тенниса, покрытые специальным ворсом, чтобы вращались в полёте.

– Раньше Вы делали такие спутники, которые летели, не вращаясь, а тут надо наоборот – надо послать ракеткой прицельный «кручёный» мяч. Сможете?

Сэм быстро перестроился с ракеты на ракетку – и смог, даже постоянную работу в фирме получил, но вскоре оставил волосатые мячи, нашлось место получше – писать программы для аптечной сети. На новом месте Сэм осваивал названия лекарств и вновь рассылал резюме – готовил следующий шаг, а если получится – прыжок.

Новый американец встретил москвича радушно, потрогал традиционные сувениры – бутылку «Столичной» и ржаную буханку, но дегустацию отложили – был вечер пятницы, конец недели, и Сэм собирался навестить жену – новая американка нашла работу в соседнем штате.

– Свидания – по выходным, – посмеивался еженедельный муж, усаживаясь за руль почти новой «Тойоты». – Живём на два дома, даже на три: сын – уже студент, как 18 стукнуло – от нас отделился, поселился в университетском кампусе, младший, правда, пока ещё при матери обитает; а тебя, по-здешнему, полагалось бы в гостиницу запихать, да ладно уж, поехали, не надо шоковой терапии. По хайвею пять часов – и мы на месте.

Прихватив дары Москвы, приятели покатали в соседний штат. Бестактно расспросив водителя про зарплату («получка получше, чем раньше, но надо дальше расти!»), про жильё («можно найти район и подешевле, но это – неприлично, скажут...»), про отпуск («для начала – 12 рабочих дней, это тебе не профессорские восемь недель в Москве!»), гость копнул глубже: – Про диссертацию не жалеешь? – А, это... Знаешь, здесь наука – для человека, а не так, как нас муштровали – «жить ради науки». Говорят, когда-то первый директор Физтеха генерал... забыл фамилию! – хотел добиться московской прописки для всех выпускников Физтеха – они и так все за Москву зацеплялись. Сам знаешь – прописка была, как пропуск в рай, «звёздный билет». Жаль, не вышло у генерала... Теперь, говорят, в Москве прописаться – не фокус, но физтехи опять впереди – им легко вид на жительство в Америке дают, «грин карт», так сказать, «звёздно-

полосатый билет», вот и снова выходит – наука для человека!.. А «Парус» наш что – лопнул, шарик воздушный? – вспомнил новый американец их бывший совместный проект – космический корабль с солнечным парусом. – Почему «лопнул»? Отложили, – напряжился москвич. – Между прочим, у Колумба от первой подачи проекта до экспедиции шесть лет прошло. – Отложили? – хмыкнул Сэм. – Значит, не смогли вы товар лицом подать, или не время еще, найдите что-нибудь погорячее. Кстати, и за сто лет до Колумба тоже были фантазёры, предсказывали, что есть ещё один материк – только кто сейчас провидцев этих помнит?

– Но мы тему застолбили, статьи написали, книжка на выходе... – Написали? Да кто их читает? А если до дела дойдет – думаешь, статьи твои вспомнят, пыль с них стряхнут? Помнишь, как твой шеф говорил: «В науке не важно, кто сказал «а», важно, кто сказал «Я!». – Помолчали, глядя на хайвэй – спидометр давно перевалил через опасную отметку. Сэм сменил колею разговора: – Тебя кто сюда пригласил? А, этот, знаю... С деньгами, правда, у него туговато, но, ничего, для начала сгодится. И вот тебе совет: при первой же встрече оговори все денежные дела – гостиницу, билеты, гонорар за семинар. И не стесняйся: это только в Союзе учёный считался «выше быта». Был тут недавно съезд Американского Оптического Общества – серьезная организация; из нашей фирмы один был в Оргкомитете, так он рассказывал: на банкете для участников пригласили выступить Теллера; тема – свободная, гонорар за выступление – сообразно имени. Сам понимаешь – Теллер – «нобелёв», живая легенда, последний остался из Манхаттенского Проекта! Банкет прошел, гость выступил, а вечером звонит он в Оргкомитет и спрашивает: «Где мои деньги?» Ну, извинились, конечно, накладку вышла, завтра утром секретарь Оргкомитета свяжется с Вашим секретарём, и все будет о'кей, но, видишь – и на таком Олимпе про гонорар помнят... – А как тут наш Мурзик? – москвич вспомнил детскую кличку их общего приятеля, бывшего профессора-ленинградца, а теперь – калифорнийца. – Я с ним тут не общался, но слышал – не вписался. Он, как приехал, – встретили хорошо, его прежние работы знали, контракт в Университете дали, первые несколько месяцев – даже «gratis»: получка идет, а обязанностей никаких – осматривайся! Но – мир полон дураков! – чем искать, как отблагодарить Университет, новые гранты принести, он стал свои прежние труды неоконченные дописывать... Ну, совок, – он же уверен, что, раз он мыслит о высоком, – Сэм повел пятерней возле лба – о Галактиках, то окружающие должны его уважать и содержать. А на самом деле твои модели Галактик – твои проблемы, а хочешь уважения коллег – сделай что-нибудь для них! Короче, контракт ему продлили, но только на три месяца, а это – чёрная метка, если не поймет – плохо будет, в осадок выпадет. Кстати, и тебе совет: будешь давать семинар – не умничай, старайся показать, какая от твоих новаций факультету польза будет. – Ну, ладно, не надо так уж, – заступился за неземного мыслителя приезжий. – Мурзик – человек звёздный, научное совершенство... – Совершенствование важнее совершенства, – Сэм назидательно поднял палец и улыбнулся, довольный каламбуром. – Для тех, кто медленно понимает, объясняю на примере: ты в Москве упивался: «Профессор М. пригласил меня на свой семинар, членкор N. сказал, что мой новый результат – это прорыв... Жаль, не приехал ты месяцем раньше, видел бы, как появился здесь твой профессор М. – важный, грудь – колесом, а еще дней через десять бегал он по Университету с протянутой рукой, грантик просил какой-нибудь, хоть на десяток килобаксов, еще и сынка пытался пристроить, вся спесь академическая с него слетела... – Хороший педагог, Сэм привел и положительный пример: – Кубика помнишь?

– Ещё бы, – кивнул обучаемый; в их кругу уважали этого математика, низенького, маленького и очень подвижного толстячка. – Помнишь, в Москве он занимался топологией, – это ж такая заумь, нормальному человеку даже объяснить трудно, что это такое. Была у него тема – если простыми словами, то это задача, как наложить плоскость на кривую поверхность, чтобы складок было поменьше, ну, скажем, как листик бумаги на мяч наклеить. Вывел он кучу формул, имя научное заработал, знали его в мире человек двести, таких же. Приехал сюда – и сообразил, что кривая поверхность – это человеческое лицо, плоскость – это кусочек кожи для косметической операции, а его формулы говорят, как, например, пересадку кожи сделать, чтобы морщин было поменьше. Сейчас у него – клиника, кинозвезды в очередь записываются, всем он нужен – общество потребления! – и стоит он теперь миллионов десять... Такой вот Кубик-Рублик! – Постигай косметику через арифметику! – весело срифмовал гость. – Воскресное чтение из серии «История Успеха»!

– Сам увидишь – эту серию в Америке знают, – заверил рассказчик. – «Тойота» неслась в ночи по Аризоне, упоение новизны и неизведанности захлёстывало москвича, он радостно жмурился: «Погоня в западной пустыне!» Полвека прошло, как в этой пустыне вспышкой «ярче тысячи Солнц» начался атомный век. Ошалевший от перелёта и переезда, оглушённый советами, Игорь погружался в иную, яркую жизнь. Спасибо новому времени, спасибо физике, здравствуй, Новый Свет!

Сэм успел предупредить жену о приезде гостя – она встретила москвича крепким американским рукопожатием, спросила галантно-насмешливо, как в прежние времена: – Какова продолжительность нашего счастья? – На свежего гостя сбежались общие знакомые – те, кого позвали. – Да здравствует Нью-Московия! – чокался приезжий с бывшими земляками в Нью-Мехико. – Здешняя Москва невелика – тысяч сорок пять, но и тут – своя газета, своя музыкалка, свое турагентство недавно открыли, – строго одернули шутника. Все земляки успели выполнить здешнюю программу – минимум: у каждого была «позишн» – работа, «кар» – машина; у некоторых – один «кар» для себя, другой – для жены, и, все, вообще, было «о'кей». Многие уехали от обиды, кто-то полетел «за туманом и за запахом тайги», другие двинулись делать свой миллион, и сейчас все они смотрели на гостя, как в своё вчера, как в зеркало своей мечты; в каждой паре глаз светился вопрос: «А ты что медлишь? Ещё на что-то надеешься?» – Хлебнув «Столичной», закусив ржаной горбушкой и вспомнив многолетний бег с препятствиями от Москвы до Нью-Мехико, новые американцы наперебой заговорили про удачника Лёву, которого хотели пригласить, но не дозвонились. В отличие от всей компании Лёва ни к Физтеху, ни к МГУ и близко не стоял: он учился в Смоленске в каком-то пищевом институте на инженера по холодильникам, был даже отличником, но в аспиранты не взяли: комсомол не подписал характеристику, причина – «не вёл общественную работу». Лёва обиделся, уехал, вначале трудно было: развозил по домам то мацу, то пиццу, и на бензоколонке работал, и посыльным в цветочном магазине, но потом – состоялся: вспомнил свою бывшую профессию, специальный холодильник для перевозки цветов придумал: для роз – свой температурный режим, для лилий – свой, кому влажность, кому освещение, всем компьютер управляет. Нашёл спонсора, раскрутился и дело пошло: купил сначала магазин, где посыльным был, а теперь у него – своя фирма, доставка цветов в любые страны, голландские тюльпаны – в Нью-Йорк, пармские фиалки – в Сидней... – Ваше благородие,

госпожа удача, – протянул мечтательно бывший институтский доцент, в новой жизни – торговый агент. – Кто возит, а кому везёт... Но я не жалуясь: у меня служба, как в старой песне, помните: «Хоть это и не "Каравелла", но всё же тоже самолет...» Вот Лёва – так пусть он спасибо комсомолу скажет, что не взяли, а то был бы ещё один нищий ученый, гений избыточный. А лично у меня на ближайшие пять лет расклад простой – даёшь миллион! – Даёшь пятилетку в четыре года! – зазвенела стаканами компания, пионерские «речёвки» полезли из закоулков памяти.

– Ещё одна история успеха, – подумал гость про цветочника-миллионера, на этот раз без ехидства, и, отключаясь от застольного говора, спросил хозяйку про ее сестру: – Как Лена – процветает? С её-то напором... – Процветёшь тут, – скривился Сэм, – с её-то мужем недоделанным. Они в Балтиморе сейчас... Ты ж его помнишь – лабух мечтательный, в оперетте на фоно играл, она его с долгами взяла, сюда вывезла, место ему нашла – в русском ресторане на балалайке тренькать, так он недоволен – пианист он, видишь ли, в ресторане ему неинтересно; опаздывать стал, с боссом поругался, выгнали, конечно, – и зачем ехал? Здесь, кто вчера приехал, сегодня зарабатывать должен. Сейчас пристроили его кое-как на курсы программистов, думали – современная профессия, авось поумнеет, а он опять морщится – духовности ему не хватает, шипит: «страна розовощеких пэтэушников»; шипит, а себя прокормить не может. – Ностальгия? – посочувствовал москвич. – Угу... Балтимор называет «Балтиморск» – вот и вся его ностальгия. – Непутевого музыканта знали все, тему «Неудачник в Америке» подхватили дружно. Доцент – агент сформулировал суть проблемы: – Жена с ним сколько лет мается... Сама она – архитектор, но в Москве, перед отъездом, ещё и на массажистку выучилась – этим при любом строе работа найдется, вот и снова она его тянет. Здесь, у аборигенов, эти советские заморочки – неудачника тянуть – не приняты. Здесь все однозначно: чуть что не так – лоб об лоб и разбежались, а ее адвокат познакомит тебя с условиями развода. – Хозяйка отошла к телефону – позвонить знакомым, договориться, что послезавтра привезет младшего сына в гости к их сыну; мальчикам по одиннадцать лет, одноклассники. – Тут дети на улицах не играют, дворов тоже нет, – пояснил Сэм. – В гости к соученику надо везти на машине и с его родителями условиться – когда привезти, когда забрать. Район у нас белый, дома – частные, улицы – пустые, пешеходы – редкость; от окурков на улице отвыкли. Вообще, тут от многого отвыкать надо, а ко многому – привыкать заново: отвыкать давать врачу «в лапу», а привыкать пользоваться страховкой, привыкать к тому, что детей в школе учат, как пользоваться презервативом, и отвыкать от уверенности, что твои дети – твоя собственность. – С опозданием появился старший сын Сэма – студент, солидно поздоровался с другом родителей. Со студентом пришла его «герл-фрэнд», подружка, юная колумбийка со звучным именем «Америка». – Лучший способ выучить испанский, – подмигнул москвич в ее сторону. – Нет, мы вместе английский учим, она назад в свою Боготу не собирается. Тут недавно по телевизору встречу КВН показывали – команды из разных стран, все игроки в прошлом – из СССР, так у них конкурс был: одним четверостишием описать Америку. Больше всего очков получил такой стих: – Есть на острове статуя-факел, а вокруг вода; – этот факел не задуют, – хотя «дуют» все туда. – Студент уже подрабатывал в супермаркете по воскресеньям (по выходным платили вдвое!), потом – в университетском виварии (тоже по выходным) и вынашивал план – открыть свою фирму, поставлять корм в виварии и зоопарки; сейчас он готовил компьютерную программу для таких поставок. – Летун, – снисходительно

пошутил гость. Студент шутку не принял: – Это словцо – советское, оно ни на какой нормальный язык не переводится. Я Вам тоже по-советски отвечу: «Не успокаиваться на достигнутом!», – на том эта страна стоит. – Конфликт поколений попытался сгладить хозяин: – Нас конкурировать не учили, а тут сызмала учат. Эмигрант – неудачник откуда берется? Из паразитов, из трепачей; таких еще недавно на одной шестой части суши на конвейере лепили. Вроде, неприлично вслух кричать: «Мне дайте, мне!», так они равенства требуют; у кого инициативы нет – тем скромность подавай; кого зависть гложет – те про нехватку духовности сюсюкают; этой идиомы тоже, кстати, в словаре нет: духовник, духота, духовка есть, а это не переводится. Но те, кто сюда попал, может, еще перекуются – воздух здесь такой, возбуждающий. А другие, инертные, – те все ноют, все свой особый путь ищут, чтоб не так, как во всем мире: одним лазер светит, прямой путь указывает, другие вокруг лазера со свечкой бродят... – Глотнув воздуха из кондиционера, Сэм продолжил инструктаж: – Переход к рынку надо где начинать? Внутри себя! Тебе в твоей конторе сколько платят? Гостевой профессор от ответа уклонился – признаваться было стыдно; вместо ответа он начал рассказывать про красивую задачу, которую недавно решил, да жаль – в Москве никому это не нужно. Объём знаний растёт, а зарплата падает... – Ясно, – кивнул Сэм, – произошло отделение науки от государства. Здесь будешь место искать? – Видишь ли, – гость неопределенно подвигал пальцами. – Вижу, вижу, – и хочется, и колется. Что – боишься индивидуальность растерять? – Боюсь, сам же внушаешь: «Делай, как все!» Только мне этот ГОСТ, «Все, как один!», дома надоел. А жить не стандартами, а страстями – научными, например, – можно? Я думаю, не зря созвучны слова «либра» – книга и «либерта» – свобода. – Интересное наблюдение – согласился «рыночник». – Помнишь, нам, студентам, вбивали: «Свобода – это осознанная необходимость!»? Тут, недалеко, в военно-воздушной академии, церковь построили современную, кресты – из скрепленных пропеллеров, свой джаз, но падре учит, наоборот, что настоящая свобода – это «свобода от греха», а во время мессы хористки за ним ножками делают; паства ходит, падре так и зовут – «поп-звезда». Но это – крайности, а свобода здесь такая: выбор – твой, но и ответственность – твоя! Потому и энтузиастам здесь – зеленый свет, а прожектерам – красный. Это в Москве, в нашей конторе начальник считался добрым, говорил: «Получится новый опыт – хорошо, нет – ну и что, круг наших знаний расширится». Так он добрый за чужой счет, потому что там было «всё кругом колхозное, всё кругом – ничьё», а здесь инициатор за свою инициативу отвечает – и именем отвечает, и карманом. Потому и страна науки – здесь. Открой любой журнал – откуда авторы? Посмотри телевизор в нобелевский день – откуда лауреаты? Глянь в таблицу Менделеева – какие там новые элементы за последние годы: калифорний, берклий, америций, эйнштейний, фермий... даже менделевий, в честь Менделеева, – и то здесь получили. А еще раньше тут советские беженцы блистали, детективы писать можно – Сикорский и американские вертолёты, Щелкунов и американские радары, Гамов... ну, это отдельная сага – Гамов и «горячая Вселенная», Гамов и генетический код. – Какая «страна науки»? – с боем отступал гость. – Да некоторые местные профессора всю жизнь одну и ту же научную делянку пахнут; таких в прежнее время в Москве и в аспиранты не взяли бы! – Учёных много, такие тоже нужны, но зато здесь труд правильно организован, Система! – Система сильна, она и работает. Помнишь, был такой старый советский ярлык – «американский образ жизни»? Это и есть Система, а другого образа жизни здесь не мыслят, и флаги – звезды и полосы – на своих домах сами вешают, без разнарядки, и Вашингтон здесь – национальный герой, а не герой анекдотов, вроде нашего

лысенякого... Как ты думаешь, – неожиданно сменил тему американский трубадур – какая была цель Французской революции? – Права человека, – автоматически выпалил бывший первый ученик. – Молодец! А Американской? Москвич замялся, забормотал, пытаюсь вспомнить. – Свобода торговли! Вот, оказалось, на этом и стоят права человека! – Гости начали разъезжаться, прощаясь, ободряли новичка: – Взрастай быстрее в капитализм, а лучше – прямо в империализм! Сэм всегда оставлял за собой последнее слово, оставил и здесь: – Такой умный и такой несостоятельный? Это несправедливо! Учись стоять на рынке! – Что для этого нужно? – сползал гость в объятия искусителя. – Хороший английский? Профессия? Знакомства? – Английский – безусловно, без рекомендаций – ни шагу, но в Америку надо прыгать, как в омут – с головой; некоторым везет, выплывают.. Помнишь цитатник председателя Мао, красную книжечку, – там был совет: «Чтобы научиться плавать в Янцзы, надо плавать в Янцзы!» Так и здесь: чтобы жить и работать в Америке, нужно постоянное, непоколебимое желание – жить и работать именно в Америке!

26. Уроки американского

Лекции гостевого профессора были назначены в Университете штата Колорадо, в старом корпусе, который так и назывался «Башня Гамова», – здесь знаменитый одессит проработал двенадцать лет. В перелёте от Нью-Мехико до Колорадо московский гость вспоминал эмигрантскую судьбу этого человека. Гамов – первый физик мирового класса, бежавший из СССР; в начале тридцатых годов – восходящая звезда советской академии наук. Демьян Бедный хвалил его в первомайском выпуске «Правды»:

«Были мы странюю хамов,

А у нас сегодня – Гамов!»

Ему ещё тридцати не было, а его уже знали и в Копенгагене, и в Кембридже; он мог бы, как его приятель Ландау, «нобелем» стать, мог и «сесть», как Ландау. Он поехал с женой на конференцию в Бельгию и остался на Западе. Однако, места в Европе невозвращенцу не нашлось – европейские светила науки не хотели раздражать Москву. Он уехал в Вашингтон, но в урановый проект его не взяли – «красный». Он блистал в астрофизике и в генетике, его популярные книжки раскупались – коллегам это не нравилось, не вписывалось в трафарет; он умер в 64 года в незаметном тогда университете, для которого двадцать лет спустя стал гордостью и славой. В его аудитории на одиннадцатом этаже башни были назначены лекции гостя – и щекочущее прикосновение к истории, и почёт, и испытание...

В огромном аэропорту прибывший гость запутался в лабиринте скрещенных стеклянных труб, внутри которых скользили эскалаторы.

Проехав трижды мимо большого видеозэкрана с рекламой: «Развод – 24 часа в сутки! Звоните – и опытные юристы начнут Ваш бракоразводный процесс немедленно, в любое время дня и ночи; звоните сейчас!», Игорь наткнулся на ожидавшего его сотрудника Университета. Встречающийся представился по-русски: окончил Институт в

Киеве, степень получил в Неваде, переехал сюда – здесь университет престижнее. Киевлянин отвез гостя в гостиницу и распрощался до завтра.

В гостинице москвич припал к телефону – не терпелось услышать прежнего сослуживца: вместе работали, в одну неделю защищались, бывали домами. Манерная жена сослуживца, по кличке «мадам», всегда мечтала видеть мужа большим начальником. Позвонив и представившись, гость заговорил по-английски. Женский голос (Игорь – узнал «мадам») переспросил сурово: – Что? Я Вас не понимаю, у Вас бедный английский, – друг дома оторопел, услышав такую отповедь старинной знакомой. Подошёл и муж «мадам», голосом изобразил радостное удивление, но в гости не позвал. Разговор исчерпался, а фраза про плохой английский засела в памяти; этим хотели что-то сказать – но что?

Наутро «визит-профессор» пошел на лекцию пораньше, отметил надпись над воротами: «Университет не потерпит в своих стенах никакой дискриминации – ни этнической, ни религиозной, ни возрастной, ни сексуальной». На доске объявлений висел анонс его лекции, крупный шрифт: «Проф... , Москва, Академия наук». Распахнув аудитории новые горизонты, Игорь почувствовал себя в полете: он рулил фактами, предлагал неожиданные подходы, улыбался уверенно: «Смотрите, это так просто!» Послушать гостя пришёл и его прежний московский шеф; неизменный сторонник Игоря в былых научных схватках, он недавно стал боссом одной здешней лаборатории, хоть и небольшой, но – в Колорадо. Соотечественник записывал формулы, срисовывал картинки и первым попросил копии слайдов. В перерыве слушатели подходили к лектору, хвалили сдержанно («Очень интересно!») и как будто ждали чьего-то решающего голоса.

После перерыва было второе сообщение на схожую тему. На объявлении второго докладчика не было титула «проф.», зато стояло название корпорации – и какой! – «Мартин и Мариетта». Докладчик и его команда из этой фирмы выиграли недавно конкурс на грант по той самой проблеме, о которой говорил москвич. В рассказе победителя звенели фанфары: «Мы выиграли конкурс! Мы получили два миллиона! Делайте, как мы, – и Вы тоже получите!» Аура «Мартина и Мариетты» затягивала аудиторию, миллионный проект впечатлял, новый шаг промышленного гиганта по накатанной дороге был понятен каждому; заезжий кустарь-одиночка ощущал, как он со своими изящными формулами сдвигается на обочину. Его путь был нехоженым, результат – прорывным, а финал – как в грустном романсе: «белеет мой парус, такой одинокий, на фоне стальных кораблей»...

Когда семинар закончился, москвича неожиданно попросили повторить его лекцию на следующий день – то ли первые смотрины прошли все же неплохо, то ли ждали кого-то. На следующий день появилось начальство – Раздатчик Грантов и его Научный Советник. Игорь попытался потеснить могущественных фирмачей и, неожиданно для всех, вытащил из своей научной заначки другую тему, тоже «горячую», – и точно, вчерашние триумфаторы были к этому не готовы, слушали молча, Советник что-то нашептывал Раздатчику.

– Ну, ты, как всегда, токарь-универсал, – то ли похвалил, то ли осудил рассказчика его бывший шеф; он опять пришел и снова аккуратно конспектировал. – После лекции

гостя подвели к началству, и в воздухе послышался первый неясный шелест успеха: – Лекция – отличная, и английский у Вас – «о'кэй!» – лучезарно улыбались высокие слушатели. – Побудьте здесь несколько дней, поговорите с коллегами, отдохните в «уик-энд», а в понедельник приезжайте на три недели в наш Центр полетов – посмотрим, что можно сделать: дорога, суточные, гостиница – все будет оплачено. – То-то, «Восток заалел», – самолюбиво улыбался лектор. Вечером он пригласил поужинать бывшего киевлянина, который встречал его в аэропорту; приглашая, сказал четко, как его здесь научили: «Вы – мой гость» – это значило, что платит приглашающий. Хотелось поговорить о местном житье-бытье с независимым экспертом. – Наших в городе много? – вспомнив Остапа Бендера, начал москвич. – В Универе? Есть, но китайцев больше, индусов тоже хватает. Наши просачиваются с недавних пор, да и то поодиночке, недружно, а у этих давно конвейер налажен, так что конкуренты зачастую – не аборигены, а Азия – Пакистан, Китай, Индия... А Вы женаты? – спросил вдруг неожиданно и бестактно младший у старшего; вопрос звучал как предупреждение о минном поле. – Да, а что? – Сложно здесь с этим... У меня жена – химик, учились вместе. Она к переезду готовилась, специальные курсы закончила – английский, вождение, программирование, все смеялись – курсы для отъезжающих. Сюда приехала – вмиг освоилась: полгода прошло – тачку лучше меня водит, английский – пулеметный, еще особый талант прорезался – покупки делать, а потом нашла себе жениха из Небраски – американец, дом у него, бизнес свой – и все, развод. Женщины наши реализуют здесь себя с повышением, а мы остаемся, как раки на мели... – Но мужчины здесь – оптимисты, и у Вас все еще впереди, – утешал гость. – Впереди? Это что – в следующей жизни? Для здешних невест я – не партия, на Ричарда Гира не похож, так что симфония любви мне не светит. Спокойный брак по расчету? – Бывает, только какой расчет американке за меня идти? Тут на все статистика есть – какой в каком возрасте должен быть дом, доход, какая машина, страховка, сколько на отставку отложено; мне по этим пунктам до сверстника-аборигена, как мухе до слона, тем более, что им еще, в отличие от меня, от предков наследство перепадет. А из России жену тащить – риск велик, одну уже притащил... Правда, сюда иногда таитянок завозят – восточные сладости, в крайнем случае буду, как Гоген!

Брошенного мужа потянуло на обобщения:

– Раньше в СССР гордились тремя категориями граждан, такая была советская элита – артисты, спортсмены, ученые. Как железный занавес треснул, артисты и спортсмены разлетелись быстро – их немного, товар штучный. Ученых наплодили побольше, они до сих пор тянутся, – эксперт повел ладонью в сторону гостя. – Но ученых готовить надо, годы уходят, а вот женщины в России – они рождаются, как самородки, а их экспорт путем самовывоза только расширяется! Местные лэди замужеством не дорожат, все права – у них, если развод – мужа под ноль обстригут (Игорь вспомнил объявление в аэропорту). Потому наши женщины – в цене: и не избалованы, и выглядят – хоть на миллион долларов, и браком не бросаются. Американский калейдоскоп поворачивался к гостю новой гранью. – Говорят, Вас приглашают «Мастер и Маргарита», – сменил тему киевлянин, насмешливо переиначивая название знаменитой корпорации; однако, в этой насмешке москвичу почудилось что-то завистливое, и он попытался скромничать: – Миллион там не сделаешь... – Зато работа – по специальности, а, кроме того, нормальные ученые на бирже поигрывают, по интернету акциями торгуют; если соображаешь хорошо

– можно три процента не за год наварить, а за день. У нас в Универе один настолько втянулся, что в банк перешел, в отдел «финансовой математики»: это же интересно – и игра, и математика! А если у Вас с этим грантом не сложится, – киевлянин понизил голос, – может, и от меня польза будет: я тут несколько обзоров написал про перспективы и рынок оптоэлектроники в разных странах и, вроде, место мне наклеивается в интересной конторе: там комплектуют готовые команды ученых под заданные темы и сдают их в аренду в фирмы для развития новых технологий. Если меня возьмут и если хотите – попробую и Вас сосватать в такую команду: здешние боссы понимают, что Ваши работы – это хиты их конференции, надо только Вас в систему встроить! – После приглашения в Центр полетов Игорь стал узнаваем: в Университете к нему подходили с вопросами о ближайших планах и о прожиточном минимуме в Москве, звали покататься по окрестностям. В конце недели его пригласили на собрание «Общества любителей старых яхт». – Что за общество? – интересовался гость. – Сколько платить за вход? – Здесь уважают частную жизнь, живут разобщено, – хозяева были откровенны. – На работе говорят о работе, когда обедают – болтают ни о чем, а, чтобы общаться неформально, лучше быть членом какого-нибудь сообщества. Если можешь – вступай в «Ротари-Клуб»; но это – международный клуб, хай-класс, туда не каждого берут! Проще – в церковную общину записаться, церковей много, выбор большой. Хочешь – иди в «Клуб ценителей хорошей еды!» А «старые яхты» – просто субботние вечеринки: если погода хорошая – проконопатят вместе какую-нибудь лодку, потом пьют и общаются; плохая погода – сразу с выпивки начнут. – На вечеринке гостя опекала соседка по столу, жена вице-декана, сама – профессор славистики, специалист по Достоевскому. После стандартных расспросов славистка обрушила на москвича залп заученных восторгов: – Я знаю Россию по Достоевскому! О, там необыкновенные люди, – помните, в «Идиоте» героиня, красавица Анастаси бросает деньги в камин? Сто тысяч рублей – в огонь! Как Вы думаете, те сто тысяч рублей – сколько это сегодня в долларах? – Хороший вопрос, – лавировал физик, – но мне ближе Джек Лондон, у него герои – живые. Споткнувшись на прозе, любительница старых яхт обратилась к поэзии: – О, да Вы – романтик! А кто Ваш любимый американский поэт? – Эллиот, Томас Эллиот, – по лицу соседки скользнуло напряжение, но она быстро справилась: – О, конечно, Эллиот, нобелевский лауреат... Я плохо знаю этого автора; когда я была студенткой, мои родители заплатили деньги, я освоила Достоевского и теперь этим зарабатываю на жизнь; но, если понадобится, я оплачу курс по Эллиоту и буду – как это у Вас называется? – «эллиотоведом». – А что сейчас студенты читают? – отвлекся гость от приоритетных споров. – Не филологи, а, например, журналисты или историки? – Истории успеха, классику в дайджестах, фантастику с интимом – секс с инопланетянами хорошо идет... А вот, между прочим, – соседка быстро съезжала с Парнаса на землю, – за крайним столом русский сидит – невозвращенец семьдесят пятого года, теперь он в НАСА – заметный человек. В прошлом году была здесь делегация из Москвы, некоторые с ним еще до эмиграции работали, подскочили к нему: «Давайте сотрудничать, давайте контракт сделаем, Вы же русский!» А он им: «Я – не русский, я – американец русского происхождения, и, пока Вы эту разницу не поймете, ничего у Вас не выйдет». Отчитал, почти как Бродский, – довольно заключила собеседница. – Бродский? Иосиф? – Он самый, нобелевский лауреат, – вице-деканша расквиталась за Эллиота. – В интервью после премии Бродского спросили: «Кем Вы себя считаете – русскоязычным поэтом или американским эссеистом?» А он в ответ: «Считаю себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и гражданином Соединенных Штатов»

Америки; это – лучшее сочетание!» – А помните у него же: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я вернусь умирать», – физик кольнул эрудицией «специалиста по Достоевскому». – Так-то – «умирать», – парировала американка, – а жить где? Гостю захотелось поговорить с бывшим москвичом; извинившись перед соседкой, Игорь подошел к «американцу русского происхождения», представился и попросил о встрече. – Я ничего не буду у Вас просить, – добавил он. – Слышал про Ваши лекции, – сотрудник НАСА был приветлив. – Хорошо, жду Вас в понедельник утром с десяти до десяти сорока. Довольный собой, гостевой профессор возвращался с вечеринки, планируя, как грамотно использовать аудиенцию в понедельник. В гостинице портье подал ему записку: гостя извещали, что, из-за режима секретности, его визит в Центр полетов сокращается с трех недель до трех дней; кроме того, ему разрешены только две встречи с персоналом, по два часа каждая. Что-то произошло, воскресенье было испорчено; москвич бродил по улицам, пытаясь придумать оправдания коварному пируэту судьбы. Однако, трезвый голос возражал: «Какие оправдания? "Режим секретности" существовал и тогда, когда тебя приглашали, а те, кто приглашали, об этом знали»; знали – но зачем-то унизили тебя, ткнули «мордой об стол». В понедельник утром взъерошенный гость позвонил бывшему шефу, который на прошлой неделе ловил каждое слово его лекций, и рассказал ситуацию, как профессор профессору, – по-английски. – Говорите по-русски, у Вас такой плохой английский, – сухо отрезал былой коллега. – Опять эта чушь! – вспомнил гость разговор с «мадам», и вдруг его обожгло понимание: это значило «Больше сюда не звони!» – Ровно в десять утра москвич постучал в дверь кабинета «американца русского происхождения». Заранее продуманный план разговора был скомкан, и гостевой профессор начал с рассказа про зигзаг неудачи. – От таких людей любое письмо – знак внимания, – резюмировал хозяин кабинета, – был бы ты им неинтересен, и не плюнули бы в твою сторону. Дело не в унижении – тебе показывают, что тебя оценивают как возможного игрока их команды, но в их команде твое место – у двери, начинать будешь с нуля. Здесь эмигранты при входе обычно падают социально на несколько ступенек вниз... – Но Вы-то поднялись, – москвич смотрел вопросительно. – Поднялся, но время для разбега было – почти двадцать лет, – ответил невозвращенец на немой вопрос гостя. – А унижения – считай, что это – посвящение в рыцари, новичков всегда испытывают... Здесь все – эмигранты или дети эмигрантов, и почти у всех путь был нелегким. Кстати, насчет унижений новичка есть песня Синатры, знаете? – Фрэнка Синатры? – Да, того самого; петь не буду, а смысл такой: жила в Неаполе в нищем квартале девочка Мариетта. Хотела она изменить свою жизнь, и не спрашивайте меня, как она раздобыла сто долларов на билет в трюме на пароход в Нью-Йорк. Она обманула свою больную мать, сказала, что едет в Рим, чтобы стать служанкой. Не спрашивайте меня, что она скажет Тому, чьим Именем обманула американского консула, поклявшись в шестнадцать лет, что ей восемнадцать. И не спрашивайте меня, сколько унижений выпало нищей итальянской девчонке в Нью-Йорке. Потом она встретила парня, он тоже был эмигрант, и они полюбили друг друга. У парня было немного денег, и она придумала бизнес: тогда начиналась авиация, они арендовали маленький самолетик и стали катать любопытных, потом возили почту и грузы фермерам, потом... и дело пошло. Они создали фирму, фирма выросла в авиационную корпорацию, а позже – в аэрокосмический гигант; молодого человека звали Мартин и ... – И это – «Мартин и Мариетта»? – ахнул гость. – Да, те самые, на кого Вы обижены; но путь к звездам – он завсегда лежит через тернии... – Но я не итальянская девчонка, как-никак – московский профессор... – А эти европейские титулы

здесь – так, колебания воздуха. Вот в Германии титулы всегда уважали, там обращение «гerr профессор» звучало не ниже, чем в бывшем СССР «товарищ генерал». Хотите, для сравнения, две судьбы: Гулд и Фабрикант – слышали? – Первого – нет, а Фабрикант, – кажется, был когда-то в Москве такой профессор физики... – Давно, еще в пятидесятые годы, работал тут на небольшой фирме инженер Гулд, пытался сделать необычайно яркий источник света на совсем новом принципе. Был он работник исполнительный, каждый день записывал в дневник, что сделал за день, ставил дату и еще двум свидетелям давал подписать. Как поняли потом из его дневника, речь шла про проект лазера. Попытался он запатентовать такой прибор, но, то ли патентный юрист был плохой, то ли фирмешка слабая, но в патенте отказали. Он – в Государственный Научный Фонд США; Фонд заинтересовался, но тут выяснилось, что Гулд в молодости, лет десять назад, посещал какой-то марксистский кружок, и денег для работы ему не дали. Тем временем первый лазер другие построили, а вскоре, в шестьдесят четвертом году, одному профессору из Эм-Ай-Ти и двум членкорам из Москвы дали Нобелевскую премию, – и покатился снежный ком! Но Гулд оказался упрям, подал в суд на патентное ведомство, дело проиграл, но пошел дальше и, через тридцать лет после первой заявки, получил три патента на применение лазеров – тут его дневник с датами и пригодился. Да, Нобелевский комитет своих решений не меняет, зато гонорар Гулда с этих патентов не один десяток премий перекроет. Не помню, кто сказал: «Награды все людьми даются, а люди могут обмануться». Так что символ общественного признания – не обязательно титул, это может быть и доллар. – Ну, как можно сравнивать? У них – место в истории, у него – деньги... – Место в истории? С момента учреждения этой премии в мире накопилось больше пятисот лауреатов; назовите, кого помните! Гость выпалил имен двадцать, потом, с перерывами, припомнил ещё несколько и, заминая неловкость, спросил: – Вы говорили про две судьбы, а какая вторая? – Вторая – профессор Фабрикант; когда я в МЭИ учился, он нам оптику читал. Яркий был человек, даже в институтской песне поминался: – «Гордится Франция Фабри, Германия гордится Кантом, – А наше славное МЭИ гордится Валею Фабрикантом». Не зря гордились: он еще в сороковом году принцип лазера описал, авторское свидетельство получил, – и что? И ничего – ни славы, ни денег, даже в членкоры не выбрали, так и умер профессором. – Прошла короткая пауза. Хозяин, улыбнувшись, спросил: – Я на все Ваши вопросы ответил? – Да, – гость благодарно поклонился. Он ничего не спрашивал, похоже, все вопросы хозяин знал заранее. Игорь покосился на часы – сорок отведенных минут истекали – и начал прощаться; поднялся и хозяин. – Напоследок – вот Вам ещё одна притча: в некотором царстве, в средневековом замке стояла башня – высокая, тесная, а внутри, примыкая к стене, – узкая винтовая лестница наверх; на одной ступеньке умещался один человек, а перил не было. Людей впускали чередой, по одному на ступеньку. Войдешь, подымишься на три-четыре ступени – еще можно спрыгнуть; пройдешь дальше – прыгать страшно, а назад не спустишься – все ступеньки заняты, остается – только вверх! Говорят, строитель задумал эту башню, как символ жизни. Такой башне надо бы здесь стоять, чтоб каждый мог выбирать: остаться у двери или ступить на лестницу, покой выбрать или риск? Это, в конечном счете, вопрос о смысле жизни, и общего ответа нет... Выбор за Вами, желаю Вам спеть Свою Песню!.. – Возвращаясь из Колорадо, гостевой профессор остановился в Нью-Йорке, походил по берегу, там, где в старинном форте, напротив статуи Свободы, стоит памятник десяткам миллионов эмигрантов, построивших эту страну. Виза позволяла гостю задержаться, достаточно было зайти на соседнюю улицу в офис авиакомпании и заменить билет.

Наискосок от форта светилась реклама ресторана: кельнер наклонился к посетителю и радостно восклицал «Йес, сэр!». Так «йес» или «но»? Менять билет – или не менять? Улетать? Не улетать? Вопрос о смысле жизни вновь оставался без ответа...

27. Тундра для профессора

– Хотите прокатиться к Полярному кругу? А ещё дальше – за круг, в тундру? – предложил Игорю Президент Университета в Упсале, в Швеции; предложил – и добавил гостеприимно:

– В Лапландии побываете, аврору увидите!

Игорь в Швеции назывался «гостевой профессор»; он прилетел в Университет на несколько дней – с коллегами пообщаться, совместную работу написать, но была ещё и затаённая надежда: вдруг выпадет случай – ты едешь в Лапландии, по тундре, кругом – полярная ночь, а над головой – северное сияние, та самая «аврора», и вдруг – такое приглашение, зигзаг удачи... Благодарный профессор закивал головой раньше, чем выпалил единственное слово, которое знал по-шведски: «так» – спасибо.

Гостю Университета выписали «местную командировку» на север страны, в Кируну – маленький городок при знаменитом железном руднике. Здесь, в обжитом месте под Полярным кругом, лет тридцать назад построили секретный объект НАТО – станцию слежения за спутниками; в новые времена секреты забылись, а объект превратился в Институт Космической Физики, и небо Арктики стало его лабораторией.

Приглашение в шведскую «глубинку» пришлось кстати, маленькую Упсалу москвич обошёл в первое же воскресенье: легко узнал трёхэтажное строение возле двух узких соборных башен – средневековый университет, а теперь – туристский символ города. Строение именовали почтительно – не просто «старый университет», а «Густавианум» – в память короля Густава, покровителя наук. По улице Цельсия – здесь жил изобретатель термометра! – гость подошел к старинному замку, потрогал музейную медную бомбарду; ещё лет двести назад из неё торжественно стреляли, объявляя о каждом новом докторе, получившем ученую степень в Густавиануме.

Вечером того же дня гость едва не открыл еще одну «реликвию». Он шел по центру города вдоль гранитной набережной местной речки. Сгущались холодные и сырые декабрьские сумерки. У дверей кафе и магазинов, под пляшущими бликами ярких вывесок, стояли небольшие плоские оленьи жиры. В каждой плоской уютно мерцал язычок огня – древний светильник эскимосов, сувенир из Лапландии. Жмурясь от световых реклам, гость разглядел на другом берегу реки какую-то колоннаду, а над ней – огромные буквы: в тумане над водой расплывчато светилось синее неоновое слово, издали похожее на «Ленинианум». В памяти оставался «Густавианум», и созвучие удивило профессора. Давным-давно, еще в школе, он собирал марки; десятки советских марок с Лениным составляли особую коллекцию, её так и называли – Лениниана; но то было в СССР, а тут-то что? Подгоняемый удивлением, москвич перебежал по мосту на другой берег и приблизился к синим буквам – ну, конечно, обознался в темноте: за колоннами был

«Линнеанум», сад Линнея, знаменитого ботаника, первого президента шведской академии, – имя, знакомое любому шведу, даже далёкому от академии: именно этот житель старинной Упсалы изображен сегодня на шведской банкноте. – Условный рефлекс, заучено навеки, – улыбался своей ошибке бывший московский школьник, – тут, как с авророй: сначала на ум приходит крейсер «Аврора», а полярное сияние – потом...

Предупредив официально «принимающую сторону», гость двинулся в свою «полярную экспедицию». Сначала перелет из Упсалы в ещё меньший городок Лулео, там пересадка, северный аэропорт среди заиндевевших сосен, полярная ночь, а в зале ожидания – угощение для пассажиров: яблоки, бананы и кофе. Дальше, до места назначения, – небольшой самолёт: три пассажира, два пилота, одна стюардесса, и полёт, низко над железной дорогой, ведущей в Кируну и обозначенной цепочкой фонарей в снежной пустыне. В аэропорту прибытия – красном кирпичном домике из трех комнат – гостя ждали:

– Добро пожаловать в «Белое Безмолвие!» – шутливо встретил москвича недавний знакомый, полярный магнитолог, коллега из Космического института. Их познакомили в Упсале, назвав, как там принято, вместе с именем, и научные интересы северянина: «Берндт, магнитные бури».

– Привет снежному человеку! – в тон отвечал гость.

– Первый раз за Полярным кругом? – продолжал розыгрыш Берндт, приглашая приезжего в бордовую «Вольво» с надписью на дверцах «Институт Космофизики».

– Нет, второй; первый был в России, но в месте, связанном со Швецией, – на острове Диксон. Знаете, что этот остров открыл Ваш полярник Норденшельд, а имя дал в честь спонсора своей экспедиции – купца Диксона, тоже шведа?

Магнитолог оказался узким специалистом, про Диксона не слышал, а москвич после этого разговора прослыл эрудитом.

Командированного профессора поселили удобно, прямо в загородном здании института, в отдельном флигеле для «гостевых учёных»; там уже жили австралиец и два японца.

По утрам «интернациональный экипаж» флигеля вместе пил кофе, вечерами москвич учил коллег варить пельмени. Жизнь на отшибе от города украшалась сауной с надписью над дверью: «Здесь говорят правду». Раз в неделю ездили в город за продуктами, дорогу находили легко – Институт виднелся издали, над низкорослым кривоколым высилась чаша радарной антенны. Отвлекаться было не на что, работали без выходных.

Через несколько дней Берндт вежливо спросил у новосёла:

– Не скучаешь в лесотундре?

Новосёл промычал что-то неопределённое, в ответ принимающая сторона пообещала организовать досуг – и организовала; вскоре хозяева объявили:

– Завтра – день туриста! Утром едем на рудник, вечером – в «Арктик-Холл»!

На следующее утро гостей Института встретил у проходной рудника местный профсоюзный босс, он же – рудничный гид.

За проходной туристам раздали каски, усадили в автобус, и гид начал программу:

– Рабочее время у наших горняков начинается с посадки в автобус; поехали, время пошло!

Гости, видевшие горные разработки в кино, вертели головами в поисках знакомого пейзажа – копра, ствола или обычной подъёмной клетки; однако, реальность оказалась интересней: дорога перешла в тоннель, тоннель пошел вниз крутым серпентином, за стёклами автобуса замелькали отметки глубины – 100 метров, триста, пятьсот... Пока спускались, гид объяснял, как, благодаря профсоюзу, в маленьком городке, можно сказать – в населённом пункте, появились горняцкий клуб, бассейн с водной горкой, школа с телескопом, книжный магазин и – поклон в сторону москвича: «В магазине сегодня новинка – Ваш поэт Евтушенко в переводах на шведский!»

На отметке 900 метров автобус остановился: рядом светился подземный «Макдоналдс», привычные стойки с гамбургерами; в соседнем зале – кабинет техники безопасности, там же – уголок психологической разгрузки, аквариум, цветы вдоль стен. Из кабинета – выход в штольню: длинный коридор, высокие красно-бурые своды – то ли гранит, то ли уникальный местный железняк, 70-80 процентов железа; сухо, прохладно, под сводом – светильники, через каждые сто метров на стене – телефон. Не доходя до рабочих мест, вернулись обратно, похрустели горячей картошкой в «Макдоналдсе» и по тому же серпентину вознеслись наверх; на прощанье каждому подарили сувенир – маленький окатыш железной руды, память о современном подземном царстве.

Берндт уже ждал у проходной, залихватски взмахнул руками:

– Теперь – в Арктик-Холл!

Этот «Холл» строили из ледяных плит в начале зимы; весной лёд таял, осенью строили снова – и так каждый год. Гости приехали в зимнюю сказку – не просто «ледяной дом», а Дворец, «Холл» с кинозалом, баром и галереей живописи. В зале зрителей усадили на ледяные скамейки, покрытые оленьими шкурами, и закутили фильм про Лапландию – флора, фауна, промыслы, праздники, и всё это, конечно, под полярным сиянием. Поёрзав на шкуре минут пять, москвич начал зябнуть, но тут по рядам понесли стаканчики с горячим клюквенным питьём и рюмочки с коньяком. Фильм шёл минут двадцать, потом гостей позвали в бар – погреться у ледяной стойки. Оттаяв, профессор ожил, даже замурлыкал фокстрот своих студенческих лет: «Потолок ледяной, дверь скрипучая, а за снежной стеной – тьма колючая!» После согрева гостей повели по ледяному коридору в

такую же гостиницу; реклама у дверей обещала: «Только в нашей гостинице клиент может пожаловаться, если ему недостаточно холодно!»

– Не хотите номер на ночь? – гостеприимно спрашивали хозяева. – Многим нравится – кровати выпилены из льда, постель из шкур, шарм севера; молодожёны часто выбирают наш отель для брачной ночи.

На улице было минус четырнадцать, москвич опустил уши у зимней шапки. В толпе посетителей Холла он один носил шапку: аборигены ходили с непокрытыми головами, местные девушки кокетливо прикрывали уши кружочками беличьего меха. Ушанка выдавала иностранца, и вскоре он это почувствовал. Из толпы вынырнул незнакомый скромно одетый юноша и вежливо обратился к москвичу:

– Мистер говорит по-английски?

– Немного, – поскромничал «мистер».

– Я только что приехал из России; Вы знаете, там тысячи детей умирают от голода! Я собираю средства, чтобы помочь им; Вы не пожертвуете что-нибудь? – молодой филантроп честно смотрел в глаза и показывал фотографии: на снимках он, стоя у входа в церковь, раздавал малышам картофельные «чипсы».

Мистер не спешил жертвовать, и кирунский «лохотронщик» зашёл на второй круг, в его английском слышался волжский акцент:

– У Вас есть сыновья, дочки? Представьте себе, что они голодают... Я собираю на помощь таким же бедным ребятам!

Москвич вдруг вспомнил, как Остап Бендер собирал деньги для «беспризорных детей», и оборвал игру, спросив по-русски:

– Что, «великий комбинатор», – много собрал?

Конец вопроса прозвучал в пустоте: «друг детей» мгновенно растворился в толпе, «шапочное» знакомство закончилось.

На следующий день Берндт, вместе с гостем, снова работали в четыре руки; помочь было некому, магнитолог потерял недавно двух молодых сотрудников: один забросил Космос и начал учиться на зубного врача, другой нашёл место программиста в Чикаго. Берндт не унывал:

– Приезжай через полгода, раскрутим проект, двух новичков возьмём: один – из Петербурга, другой – из Аргентины; у обоих – научный синдром: готовы, как мы, заниматься астрофизикой за малую зарплату. Смена идёт...

Замкнутые северяне постепенно впускали гостя в свой круг, расспрашивали неформально, что может купить профессор в Москве на месячный доход и что он знает про короля Карла XII, под памятником которому в Стокгольме до сих пор собираются местные «ультра». Узнав, что профессор – бывший филателист, Берндт устроил ему экскурсию на фабрику, где печатали марки.

Двухэтажный бетонный корпус фабрики стоял на городской площади, напротив лютеранской кирхи и первой в городе «высотки» – семиэтажного жилого дома. Фабричный менеджер сразу повёл москвича в печатный зал, объясняя на ходу:

– Срочная работа, Нобелевская серия; скоро – 10 декабря, день вручения Нобелевских премий. В каждом году в честь каждого нового лауреата – отдельная марка; в этом году – девять марок, времени на выпуск – в обрез. Вот, возьмите на память, – и гостю вручили сувенир, все девять марок одного года.

К гостю из Москвы гид проявил индивидуальный подход:

– Наша фабрика – как Ваш «Гознак», Вы там не были?

– Не был... Но наш «Гознак» в столице, а почему Ваш – в тундре, вдали от Стокгольма?

– Специально, чтобы и на периферии были рабочие места для женщин, на руднике им трудно.

Зашли в отдел продаж; сотрудницы рассылали наборы марок филателистам всех стран. Здесь же на стендах под стеклом разместилась полная коллекция шведских марок, и гость прилип к стеклу. Заметив оживление бывшего коллекционера, менеджер неожиданно предложил:

– У нас в Москве нет торгового агента, Вы не возьмётесь?

– Жаль, торговой жилки нет, – вежливо отнекивался профессор.

– Образованным людям легко войти в бизнес, и науку бросать необязательно, – менеджер был умелый соблазнитель, но гость поспешил откланяться.

Приближалось последнее воскресенье москвича в Кируне, и хозяева затеяли дальнюю – километров за сто! – вылазку на местную ярмарку. Ярмарка проходила каждый год в местечке со смешным названием Ёкк-Мокк. Берндт посмеивался, вспоминая визит в «Арктик-Холл»:

– Можешь ехать в шапке, – там глушь, Ваших нет! Туда самолёты не летают, поезда не ходят!

– Спорим на большой коктейль, есть! Не может не быть! – упирался гость.

Автострада тянулась по заснеженной равнине, окна редких посёлков светились сквозь серую полярную мглу – то ли день, то ли ночь... На полпути остановились выпить кофе в мотеле под названием «Академия Сауны». – Подлинная сауна, грёза туриста, сервис – круглый год, – объяснил водитель, не дожидаясь вопросов, – а ещё зимой – лыжный клуб, как снег сойдёт – экстремалы по болотам бродят, потом – рыбаки в ручьях лосося ловят; хоть лицензия дорогая, но есть любители – из Италии едут, им там жара надоела...

Доехали до ярмарки, и москвич двинулся по рядам зарабатывать свой коктейль – искать соотечественников. Ему повезло – знакомую речь услышал скоро: две блондинки, лет двадцати, разложили на переносном прилавке вышитые рушники, по углам поставили матрёшек и, перебрасываясь ленивым матерком, обсуждали продавцов и покупателей.

Москвич пошёл на голоса: – Привет, торговая точка! Почём строчевышитые изделия?

– А вот и третий! Ты что тут делаешь? – блондинки обрадовались случаю поболтать откровенно с незнакомцем, представились:

– Мы тут из Мурманска, от фирмы, по контракту...

– Фирма «Матрёнэкспорт»?

– Сам ты Матрёна-ядрёна! Фирма «Замуж За Рубеж», – не слыхал? – хихикнули продавщицы, – это наша «Интерсваха»! Здешним невестам неохота по хуторам скучать, они в город хотят, так что места освобождаются. Нас из Мурманска на автобусе привезли – так дешевле, и сразу знакомства начались...

Но мы еще не определились; вечером – смотрины, а пока – тут.

– И что – будете на хуторе семью строить?

– Ну, надо сначала за три года «постоянку» получить – вид на жительство, язык подучить, а там – видно будет!..

Берндт честно выставил проигранный коктейль; согревшись, гуляки закусили олениной и прокатились вокруг ярмарки на собачьей упряжке. Побродив часа полтора по рядам, Берндт и его жена купили сувенир – фигурку шамана из моржовой кости.

Казалось, что хозяева затеяли это путешествие, чтобы и дома не сидеть в воскресенье, а заодно и гостя свозить в такую даль, куда сам он никогда не выберется.

Накануне отъезда директор Института пригласил москвича на прощальный обед в местный «Ротари-Клуб». Это был круг почёта, завершающий визит. Члены элитного клуба собирались на «ланч» в небольшом ресторане по пятницам в час дня – так же, как и их одноклубники в сотнях других городов по всему миру. «Ротарианцы», влиятельные

горожане, сидели по шесть человек за круглыми столами, и такой же стол в виде зубчатого электрического ротора был на эмблеме клуба. Правила отбора обедающих были суровы – каждый член клуба мог раз в несколько лет рекомендовать одного кандидата, при голосовании один чёрный шар уничтожал три белых. Гостю надлежало сказать речь, и он был краток:

– Мне нравится, как Ваш рудник питает город; это, действительно, «градообразующее предприятие». Мне нравится Институт – это «команда высшей лиги». Но что здесь восхищает – это образ жизни: заполярная Кируна – не придаток предприятия, не «посёлок городского типа», а современный город, и тут есть всё: от «Арктик-Холла» до «Ротари-клуба».

Дружно похлопав немногословному оратору, ротарианцы приступили к ланчу. Дежурный председатель спросил:

– А есть что-то, что не понравилось?

– Есть, – признался гость, – авроры не было, не повезло.

Обед длился час, а к концу, вместе с кофе, гостю принесли сувенир – альбом с яркими цветными фото полярных сияний.

... Вечером следующего дня москвич должен был улетать из Стокгольма домой. День отлёта выпал на десятое декабря – Нобелевский день, государственный праздник Швеции; везде висели синие флаги с жёлтыми крестами, даже на русском ресторане «Бабушка» рядом с гостиницей. Гость опаздывал на самолёт, но, сидя в номере, смотрел по телевизору прямую трансляцию знаменитой церемонии из городской ратуши – король вручал премии Нобеля; секретарь шведской академии зачитывал решение академии и обращался к героям дня: «... прошу Вас принять награду из рук Его Величества Короля», а весь зал вставал навстречу новому лауреату. Приятель москвича, который заехал за ним, чтобы отвезти в аэропорт, беспокойно показывал на часы, но гость досидел до конца торжества; потом пришлось, нарушая все правила, мчаться в аэропорт. За городом пронеслись мимо лагеря беженцев; кивнув на ворота, водитель подмигнул:

– Задержаться не хочешь? Условия неплохие: учитель шведского языка – бесплатно, десять долларов в день на питание...

– Шведский стол? – наивно поинтересовался отъезжающий.

К аэропорту подлетели в последний миг. Посадка заканчивалась, гость стал торопливо прощаться. Неожиданно водитель попросил:

– Я по-русски знаю только два слова – «водка» и «большое спасибо»; скажи какую-нибудь полную русскую фразу...

В голове гостя завертелись стихи, пословицы, но вдруг ярко всплыла телереклама, и он уверенно отчеканил:

– «Швеция. Сделано с умом» – и повторил ещё раз «...с умом!».

28. Тропой викингов на родину мафии

– Синьорины и синьоры, лэди и джентльмены, наш самолёт совершил посадку в аэропорту Палермо! Приветствуем Вас в Сицилии! – торжественно прокричал пилот маленького самолётика. Этот рейс Рим-Палермо был необычный: многие пассажиры знали друг друга – коллеги из трёх десятков стран слетались сюда на Международную конференцию по углероду.

В салоне витало ожидание предстоящего научного пикника, в разговорах вместе со словом «карбон» (углерод) мелькало навеянное Сицилией жутковатое словцо «мафия».

Калифорниец Дэн в этой салонной разминке умов не участвовал. Погрузившись в кресло и держа компьютер на коленях, он деловито просматривал на экране цветистые графики для своего доклада. В соседнем кресле Игорь, кивая на переливчатые арабески графиков, заводил калифорнийца:

– Что, ещё одна «серенада силиконовой долины»? Даёшь новый сериал! – москвич насмешливо путал давний голливудский фильм «Серенада Солнечной Долины» и электронный символ Америки – Силиконовую долину.

Дэн, заметный человек во влиятельной группе американских физиков «Тау-Сигма-2», оборонялся, наступая:

– Как прилетим – шепну про тебя местной мафии, будешь им труды писать, они теперь своих учёных готовят!

– А Ваша «Тау-Сигма-2» – это и есть научная мафия, – вступила в перепалку броская нигерийка со значком элитного местного «Клуба Львов». Тут дискуссия прервалась – подали трап.

В аэропорту, у входа в прилётный зал, гостей встречал человек с огромным плакатом. На плакате были нарисованы лучащийся кристалл алмаза и кусок угля, объединённые общим именем «карбон»; повыше блестела яркая надпись «Международный Научный Центр «Этторе Майорана».

Человек-плакат радостно приветствовал прибывающих:

– Салют, карбонарии! Прошу всех в автобус! Едем в Эриче!

В автобусе человек свернул плакат, представился:

- Джованни из оргкомитета! – и застрочил заученный текст:
- Конференция начнётся завтра утром в «Центре Майорана».

Для тех, кто физику забыл, напоминаю: Майорана – знаменитый физик, уроженец Сицилии, самый знаменитый после Архимеда, а Архимед тоже жил недалеко, в Сиракузах! Молодой Майорана метеором пронёсся по небу итальянской физики в тридцатые годы двадцатого века. Ему не было и тридцати, а его знали и в Оксфорде, и в Гёттингене. Но, оракул квантовой теории, он не вписался в университетскую атмосферу предвоенной Италии. Впав в депрессию, он сел на пароход Неаполь-Палермо, и больше никто его не видел; было это самоубийство или побег из общества – тайна осталась нераскрытой. Пятьдесят лет спустя новый научный центр, открытый во дворце бывшего вице-короля Сицилии, получил имя «Майорана». Здесь устраивают десять-пятнадцать международных конференций в год, темы – от физики до педиатрии. Кто платит? НАТО платит, научный отдел НАТО...

Автобус катил по шоссе среди серо-зелёных оливковых деревьев и оранжевых мандариновых рощ. Перезрелые плоды падали с веток, и местные жители мётлами смахивали мандарины с земли в придорожные канавы. Яркие цитрусы в канаве казались развенчанными королями: когда автобус остановился ненадолго возле такого сада, и пассажиры вышли размяться, они потрогали фрукты на ветках, но срывать не стали – чудо померкло, интерес растаял...

Закончив вступительный монолог, Джованни выдержал небольшую паузу и открыл новую тему:

- Я назвал Вас «карбонарии» – ха-ха, шутка, игра слов! Все знают, кто это?
- Это мафия? – предположил японец Кодо, – как наша «якудза»?

– Мафия вторична, карбонарии первичны! – Джованни вскинул руку. – Край здесь аграрный, народ бедный, но люди гордые. Давно, двести лет назад островом завладели французы, а сицилийцы пытались изгнать их; возникали подпольные ячейки, собирались тайные сходки в пещерах, подпольщики называли себя «угольщиками», отсюда – карбонарии. Каждая ячейка была как одна семья, по-нашему – вента, в такой семье два уровня – старшие и младшие, и всё – на полном доверии, и всё – в тайне! Потом ячейки слились в незримую сеть, венты тоже поделились на дочерние и материнские, уровней стало девять, но одно осталось неизменным – тайна, за предательство – смерть, «омерта» – слышали?

- В кино видали – признались гости. – А дальше что было?

– Оккупантов прогнали, а сеть осталась: венты занялись контрабандой, потом – политикой; через пару поколений секта превратилась в мафию, в «Коза Ностра» – «наш дом».

– Как «каморра»? – высунулся начитанный москвич. Джованни отмахнулся: – Это – там, в Италии, жульё из Неаполя; какие они мафиози? – и добавил весомо, специально для учёных гостей: это – эпигоны!

Услыхав от сицилийца «там, в Италии», Игорь не удивился – недавно в Барселоне декан местного университета говорил ему:

– Завтра еду в Испанию! – это значило, что он ехал в Мадрид.

Видно, отношения «центр-периферия» на Средиземном море складывались непросто...

Автобус незаметно пересёк остров и въехал на замощённую вершину холма, и это оказалось главной площадью крохотного городка Эриче. На площади были мэрия, ресторан, почта, она же – «Банк Святого Духа», и гостиница.

– Отель Святого Роха, на неделю – наш дом! – объявил Джованни.

– Коза Ностра! – радостно перевёл Дэн; ему нравилось играть в мафию. – А почему отель в руинах?

Действительно, стеклянные стены отеля выросли из неотёсанных каменных глыб фундамента. Глыбы лежали в беспорядке, через трещины в камнях пробивались кактусы. Узкая улочка спускалась зигзагами с площади мимо гостиницы прямо к берегу Тирренского моря.

– Тут когда-то была крепость викингов, а руины – остатки крепости; им – девять веков! Викинги приплывали вокруг Европы через Гибралтар; здесь, посреди Средиземного моря, они построили своё королевство, добирались и до Кипра, – казалось, островной гид приготовился открыть очередной пласт истории, но сам себя одёрнул:

– Ещё до них были греки, после них – арабы и сарацины, но об этом – позже, а пока – отдыхайте с дороги, завтра – насыщенный день, чао!

Следующий день оказался перенасыщенным. С утра – открытие конференции, лекция нобелевского лауреата; в зале на стенах – портреты ещё сорока трёх лауреатов, выступавших в этом зале, из них двадцать три побывали здесь до получения премии. «Как видно из этой фотовыставки, верный путь в Стокгольм лежит через Эриче», – улыбнулся москвич, придумывая начало своего доклада.

В холле перед залом почти всю стену занимала «Декларация всемирного сотрудничества учёных «Восток – Запад – Север – Юг», принятая в этом дворце, или, коротко, «Декларация Эриче». В Декларации было семь пунктов, первый относился к каждому присутствующему: «Учёные, желающие посвятить всё своё время постижению основных законов природы, ни в коем случае не должны страдать от последствий этого свободного выбора». Остальные шесть пунктов начинались со слов «Правительства

должны...» За годы существования Центра этот текст подписали десятки тысяч гостей Эриче. Первая тройка подписавших смотрела с огромного фото рядом с текстом: научные лидеры США, России и Китая соединили руки на фоне Центра. Москвичу было лестно добавить свою подпись к автографам Теллера, Дирака, Капицы; номер его подписи в списке оказался пятьдесят две тысячи семьсот пятый.

В момент приобщения к списку он почувствовал хлопок по плечу. За спиной улыбался бывший соученик, ироничный шахматист Алик, – лет двадцать назад учились в одной группе. Теперь над карманом соученика была приколата карточка с лазерной голограммой «Университет Палермо».

– «Профессоре Итальяно»?! – оживился москвич, – как всё меняется!

– «Си» (да), – кивнул новый итальянец, – всё меняется: раньше профессор в Палермо был Майорана, а теперь – сам видишь....

– Играешь сицилианскую партию? «Потеря качества при выигрыше темпа»? – вспомнил Игорь великого комбинатора.

– Да так... Студенты здесь, конечно, не «физтехи», но и свои плюсы есть: чтобы остановить утечку умов из Италии, возраст отставки для здешних профессоров сильно увеличен, так что уверенность в завтрашнем дне имеется!

Вечером Оргкомитет собрал гостей на «ознакомительный коктейль» в холле, стилизованном под крепостное подземелье. Вместо коктейлей мировую карбоновую элиту потчевали местной «Марсалою» – нежным красным вином из соседнего городка Марсала. Нахваливая отечественный товар, вездесущий Джованни сказал рекламный тост:

– Что Вы чувствуете, вкусив глоток этого нектара Сицилии? Вы ощущаете, как маленький Христосик в бархатных штанишках входит в горлышко!

Под низким сводом подземелья клубились южные ароматы, в огнях факелов чудились тени викингов. Москвич начал искать, кто из коллег согласится съездить с ним за сто километров в Сиракузы, поискать надгробие Архимеда.

– Найдём! – уверял любитель древностей, – ещё Плиний писал, что над могилой Архимеда высечены из мрамора шар и конус.

– Брось, за двадцать веков конус рассыпался, а шар укатился, – вмешался деловитый Дэн. – Поехали лучше в Марсалу!

После коктейля конференция покатила по накатанной дорожке. Бывалый «гостевой профессор», Игорь знал, что в таких больших мероприятиях негласно действует олимпийский принцип: главное – не доклад, главное – участие. После заседания участники разбивались на небольшие клубы по интересам, здесь шли споры и

завязывались контакты. Однажды к Игорю подошёл спортивный молодой мужчина, плакатный плейбой; в отличие от других участников, у него не было карточки с именем.

– Джордж, – протянул он руку, – Джордж, как и Вы; что Вы думаете о конференции? Какой доклад, после Вашего, лучший?

– Вы – журналист? – обрадовался москвич, завидев «акулу пера».

– М-м, не совсем... Есть интересные свежинки для инженеров, какой-нибудь новый «хай-тех»? – Джордж, оказалось, прилетел на день из Брюсселя, из научного отдела НАТО.

– Что, отчёт о конференции нужен? – осенило Игоря.

– Ну! – обрадовался дипломат понятливому учёному и открыл блокнот. Москвич продиктовал несколько слов.

– Хозяйский глаз! – отметил подошедший Алик.

В свою очередь, довольный плейбой рассказал консультанту про местные вина, рыбные деликатесы, особые яства для новобрачных и посоветовал съездить на восток острова, в Катанью. Неожиданный интерес к Катанье проявил и Дэн. Алик, который внимал каждому звуку из «Тау-Сигма-2», внёс предложение:

– Я здесь с машиной, «Альфа-Ромео», жена уговорила купить; по пути домой, в Палермо, могу захватить тебя, – он поклонился Дэну, – и тебя, – кивнул москвичу, – а по дороге проедем через Катанью.

Вырисовывался неплохой план, Джованни поддержал идею:

– Увидите вулкан Этну, может, ради таких людей там – он посмотрел вверх – назначат извержение, ха-ха! У подножья Этны городок Таормина – мамма миа, сказка, живой семнадцатый век! Кстати, в этом городе присуждают международную литературную премию, так и называется «Премия Таормина». Однажды, лет тридцать назад, её получила русская поэтесса, забыл имя... Ах...Ан...

– Анна Ахматова, – подсказал Алик, он ещё не всё забыл.

Отъезд назначили рано утром в последний день конференции.

– Позавтракать не успеем, – вздыхал москвич.

– Сухим пайком выдадут, – успокоил профессор из Палермо.

Профессор знал порядок: когда вышли на рассвете, их ждали свёртки с сэндвичами.

– Вперёд, «капитан Катанья»! – вспомнил бандитский сериал москвич, и «Альфа-Ромео» двинулась на восток.

По дороге Дэн объяснил свой интерес к востоку Сицилии:

– Мой отец воевал здесь в сорок третьем году; он был сержантом в армии генерала Паттона. Их десант высадился здесь из Алжира, оборону держали немцы и итальянцы. Итальянцы сдались сразу, а немцы покинули остров. Между прочим, в этой операции мафия сыграла нам на руку...

– Как – «на руку»?

– Это – длинная история. Перед первой мировой войной мафия расплодилось из Италии по всему свету, в Америке возникло несколько «семей», «Чёрная рука», слышали? Будете в Чикаго – зайдите в музей Аль-Капоне, какой босс был! Сила, тайна, авторитет! В тридцатые годы он умер, после него главный мафиози, «Счастливчик Лучи», сидел в тюрьме, но на его трон никто не посягал; его так и называли «босс боссов». А тем временем, перед войной, в Америке немецкие диверсанты распоясались – взрывы, поджоги; в Нью-Йорке в порту сгорел лайнер «Нормандия». Портовых докеров контролировала мафия, и кто-то предложил попросить «босса боссов» помочь. Тот согласился – и точно, поджоги в порту прекратились. Дальше – больше: перед высадкой союзников в Сицилии «Счастливчика» выпустили из тюрьмы, и он и его люди помогли подготовить высадку – диверсии, связь, тайные тропы, пропаганда в итальянских дивизиях... К тому же на Сицилии не любили Муссолини – тот притеснял местную мафию, так что их помощь пригодилась!

– Политический триллер, первая серия! – откликнулся Алик.

– А продолжение знаете? Не знаете? Так вот: помогая союзникам, боссы мафии возомнили себя политическими фигурами; после войны у них возникла своя «американская мечта» – сделать Сицилию «особой территорией» США, как Аляска и Гавайи, а в перспективе – новым американским штатом. Но – не легла карта, дядя Сэм выбрал базу для своего шестого флота в Неаполе, грёзы мафии не сбылись. Чем не сюжет для сериала?

Промелькнул дорожный указатель «Таормина – 5 км», водитель притормозил:

– Посмотрите налево, видите конус над горизонтом? Это – Этна.

Посмотрите направо – на вершине холма греческий амфитеатр, ему двадцать два века, здесь, может, Архимед бывал; зайдём?

По остаткам ступеней поднялись на холм. Амфитеатр под открытым небом неплохо сохранился – мраморная сцена, кулисы, полукружием – скамьи из песчаника, восемнадцать рядов; за последним рядом – спуск к морю. Москвич взобрался на сцену, и пространство вокруг него вдруг расширилось: впереди далёкий горизонт терялся в дымке,

позади небо сливалось с морем. Наверное, двадцать веков назад артисты – гистрионы на этой сцене чувствовали себя в центре тогдашнего мира. Москвичу тоже захотелось прикоснуться к вечности, и он попытался вслух припомнить Гомера:

«О, златокудрого Феба влекущая свет колесница...»

Мерные ритмы гекзаметра разносились в тишине далеко вокруг холма. Дэн и Алик сидели в последнем ряду, но и там звук не слабел – похоже, в этом театре не было галёрки.

После амфитеатра у пассажиров «Альфа-Ромео» наступило туристское насыщение; задремав, они не реагировали ни на античность, ни на Средневековье. Проезжая через Палермо, туристы услышали шум: на улице пожилые люди с плакатами, человек тридцать, хором выкрикивали: «Защитим достоинство итальянского языка!» и, после паузы: «Защитим достоинство итальянской нации!»

– Это что за «речёвка»? – вспомнил москвич пионерское детство.

– Это – недобитки местные, за «дуче» скучают; заучили в детстве «Расовый манифест» Муссолини и горланят до сих пор; здесь их немного, мы уже говорили, что на Сицилии «дуче» не любят.

В аэропорту Алик стал прощаться, Дэну сказал что-то о скорой встрече – видимо, намечались новые контакты, Игоря нарочито спросил гекзаметром:

– Как тебе, путник, Сицилии воздух священный?

Москвич перевёл вопрос Дэну, и гости заговорили наперебой:

– Карнавал истории! Перекрёсток культур! Динамично развивающийся район...

Не переводя дыхания, сицилийский «чичероне» перешёл на прозу, дал прощальный совет:

– Регистрируясь на рейс, будьте бдительны! – и отбыл.

В аэропорту приключения не окончились: рейс Игоря на Геную отложили. Москвич пожаловался диспетчеру:

– У меня в Генуе пересадка на «Аэрофлот», в Москву; я могу опоздать!

– «Дженова»? – уточнил по-английски диспетчер и пообещал отправить его другим рейсом; и точно, через полчаса из динамика раздалось:

– Мистер, – Игорь услышал свою фамилию, – Ваш билет на Женеву готов!

Прав был «профессоре Италияно»! Москвич вздохнул и побрёл к диспетчеру – исправлять Женеву на Геную.

29. От Севильи до Мадейры по Колумбовым местам

«Институт истории инквизиции» занимал половину этажа на физическом факультете Мадридского университета. В другой половине разместился факультетский кафетерий; у входа мозаичный филин в старинном докторском берете напоминал о мудрости веков. Этажом выше был департамент наук о Вселенной. Игорь, гость департамента, недавно прилетел из Москвы – пригласили в Мадрид почитать лекции по астрофизике. Свои лекции он называл броско, по-голливудски, – «Из жизни звёзд». Тема казалась горячей, приходили послушать и биологи, и химики, допытывались после лекции: «Есть ли жизнь на Марсе?». Чувствуя успех, любопытный «визит-профессор» попросил принимающую сторону помочь ему заглянуть к загадочным соседям этажом ниже.

– К инквизиторам? Нет проблем! – испанский коллега, временный босс москвича, взял телефонную трубку, – у меня там приятель.

Сказав несколько слов, босс кивнул Игорю:

– Можешь идти, тебя ждут...

Такой быстрой реакции гость не ожидал, но отступать было некуда. Припоминая страшные истории про «молот ведьм», он толкнул таинственную дверь.

За дверью стояла обычная офисная мебель, у входа – факс и кофейный автомат. Сотрудник, пригласивший москвича, поднял голову от компьютера.

– Я – такой-то, прибыл на аутодафе, – шутливо представился гость.

– Опоздали, последний раз это было в 1826 году, – поддержал шутку хозяин.

Над компьютером висела большая литография – Колумб перед картой убеждал в чём-то группу монахов; суровые лица, сжатые губы, чёрные балахоны навевали страх.

Не зная, с чего начать, гость кивнул на картину:

– А его тоже инквизиция допрашивала?

– Нет, не допрашивала; видите, второй справа – это епископ Талавера, духовник королевы Изабеллы. Это он представил Колумба королеве, а проекты дальних экспедиций обсуждал тогда придворный учёный совет – «Математическая Хунта», вроде Вашего департамента, – хитро прищурясь, «инквизитор» указал пальцем в потолок. – Свой проект Колумб представил «Хунте» в Университете в Саламанке, это здесь и нарисовано.

– Саламанка, Саламанка,

Манускрипты при свечах...

– москвич показал, что читал испанского поэта Педро Унамуно; хозяину это понравилось, он повёл разговор сам:

– Архив Колумба – в Севилье; Вы там будете?

Гость радостно закивал – ещё школьником он мечтал проехать «от Севильи до Гренады»; слова историка звучали серенадой:

– У нас в следующую среду праздник, нерабочий день – двенадцатое октября, день открытия Америки; все музеи открыты бесплатно. Советую съездить в Толедо; с Колумбом там ничего не связано, но место сказочное – любимый город короля Карла V, помните – того самого, что советовал говорить с врагами по-немецки, с друзьями – по-французски, с женщинами – по-итальянски, но с Богом – по-испански. Кстати, именно этот король-полиглот века четыре тому назад открыл в Толедо школу переводчиков.

Услышав про школу переводчиков, москвич улыбнулся, вспомнив свой первый день в Мадриде. Его поселили в студенческом кампусе «Королева Изабелла», назвали ближайшую станцию метро – что-то вроде «дольче оттобре». Слово «дольче» он знал, кино «Дольче вита» («Сладкая жизнь») видел.

Привыкший в советской жизни к торжественному звучанию слова «Октябрь», он бездумно перевёл название станции как «Сладость Октября», но засомневался: такой перевод напоминал скорее сорт осенних яблок; посмотрел на карту – ну конечно, созвучие подвело: станция называлась «Доче Оттобре» – «12 Октября», начало нового времени.

В этот неплановый выходной московский гость подошёл к музею Америки. На мраморных плитах вокруг музея были названия всех стран Северной и Южной Америки, рядом, на мачтах, – их флаги. В центре города на площади Колумба на гранитных скрижалях был выбит текст королевского рескрипта «Адмиралу Моря-Океана», рядом условные контуры с именами обозначали участников плавания; внизу шла строка:

«Эти люди на трёх каравеллах вышли из Палоса, пересекли Атлантику и открыли Новый Свет». Сам первооткрыватель смотрел на скрижали с отдельного монумента; на бронзовую фигуру был надет живой лавровый венок.

После праздника историк сам позвонил Игорю, сказал, что едет в Толедо, пригласил составить компанию. Петляя по узким улочкам, мимо строений с табличками «Охраняется ЮНЕСКО», он довёл гостя до францисканского монастыря. На стенах висели, как чётки, ржавые цепи и кандалы, их надевали на испанцев в турецком плену. Монахи помогали выкупать невольников, те оставляли монастырю свои оковы. Порывы ветра вызывали лёгкий кандалный звон.

– Римские цифры забыл? – сочувствовал гид Игорю, когда тот через бинокль пытался разбирать даты и имена на стенах, – а знаешь, среди освобождённых пленников вернулся домой и бедный дворянин Мигель де Сервантес... Потом его снова посадили, уже в Севилье: он был сборщиком налогов, возникли проблемы с подотчётными суммами...

Цветистая надпись на изразцах у старинных ворот сообщала, что из этого монастыря вышел епископ Талавера, «профессор богословия в Саламанке», «исповедник королевы Изабеллы» и «Уполномоченный по евангелизации Америки».

– Единственная в мире должность! – обрадовался москвич, – фотографируя необычный послужной список. В его коллекции уже была копия такого же краткого списка Наполеона, три строчки – «лейтенант, генерал, первый консул»... Качнув головой, историк показал на последнюю строку – карьера «уполномоченного» завершилась грустно: «жертва инквизиции»...

Вернувшись в Университет, визит-профессор узнал важную новость: приезжает международная комиссия для оценки работы департамента, высокая оценка сулит прибавку жалованья. Хозяева готовились к смотру, им было не до гостей, и гость помчался в туристском автобусе за своей «синей птицей», через Ламанчу, в Севилью и Гренаду; узнаваемые фигуры Дон-Кихота из жести, из камня, даже из черепицы, мелькали вдоль автострады. Странствующий физик мчался по следам странствующего рыцаря, но гид Луис возвращал в сегодняшний день:

– Посмотрите налево: на плакате – символ Андалузии, чёрный бык для корриды! Справа на вышке – другой символ: огромный красный помидор, ночью светится изнутри!

Выпалив это на трёх языках, гид начинал новый виток:

– Эстремадура! Сьерра-Невада! Гвадалахара!

Длинные испанские названия звучали призывными кастаньетами. И вот, наконец:

– Въезжаем в Севилью! Слева – папиросная фабрика, где работала Кармен; справа – отель на месте тюрьмы, где сидел Сервантес!

Впереди – павильоны бывшей Всемирной выставки, выходим! В павильоне США всю стену занимало мозаичное панно: Колумб с испанским флагом выходит на берег, навстречу бегут туземцы.

– Это – копия, – пояснил Луис, – подлинник – в Вашингтоне, висит под куполом Капитолия. Скептики, правда, твердят, что никакой встречи не было; но дело это давнее, а такой сюжет – американская легенда, символ успеха, а в Америке успех любят.

Москвич вступился за символ:

– Знаете, как эта картина пригодилась совсем недавно – полвека назад? Когда прошло испытание первой атомной бомбы в Аламогордо, кстати, в бывшей испанской колонии, генерал, руководитель испытаний, позвонил в Вашингтон, в Белый Дом. Пока его соединяли с Президентом, он вспомнил, что не может открыто сообщить новость: правила секретности запрещали говорить про «объект» по телефону, а никакого условного кода для успеха испытаний не заготовили. Генерал вспомнил историю:

– Испанский мореплаватель ступил ногой на новую землю!

Помолчав, Президент спросил:

– И как встретили его туземцы?

– Доброжелательно! – отрапортовал генерал.

– Продолжение легенды! – обрадовался гид. – Я включу это в свою программу!

На следующее утро Игорь стоял перед гробницей Колумба в центре севильского собора: на полу, почти смешиваясь с посетителями, четыре крупные бронзовые фигуры мужчин в коронах держали на поднятых руках что-то продолговатое и тяжёлое.

– Четыре короля несут гроб Колумба, – пояснил Луис. – Правда, и тут скептики нашлись: считают, что захоронен он в Сан-Доминго. Хотели даже пробу на ДНК взять, тем более что и сын его, Диего, рядом лежит, но вопрос возник: кто разрешит?

Проходя по собору, перестроенному из бывшей мечети, Луис вернулся к теме:

– Зачем ворошить легенду? Это – гордость города, тут его архив, отсюда начался его путь... Вот и с туринской плащаницей тоже: хотели несколько ниточек на спектральный анализ послать – с Ватиканом проблемы возникли.

Покидая собор, москвич оглянулся: историческая ноша возвышалась над коронами четырёх королей. Последняя каравелла Адмирала отправлялась в своё вечное плавание...

В Гренаде, отправив туристов гулять по садам Альгамбры, бывшего дворца испанских халифов, Луис повёл Игоря через двор с фонтанами в полутёмный зал:

– Это – зал приёмов; в центре – трон халифа, над ним вращались семь небесных сфер, каждая несла одну планету – хорошо, что знали только семь! Сложная механика двигала сферы, а под ними, в центре мира, сидел халиф. Счастливые, допущенные лицезреть повелителя, входили, когда над его головой была седьмая сфера; отсюда и пошло «быть на седьмом небе» – вкушать блаженство. Для такой аудитории придворный звездочёт должен был назвать день и час, когда небо будет безоблачным, чтобы солнечный луч через специальное отверстие в крыше тёмного зала золотил лик халифа. А если твой коллега ошибался, – Луис подмигнул Игорю, – сам понимаешь... Их католические величества, Фердинанд и Изабелла, выгнали «солнцеликого» и, в этом зале,

вручили Колумбу рескрипт на поиск новых земель для испанской короны, обещая 10 процентов дохода с этих земель; обещали, но не дали...

Нагруженные сувенирами, подошли другие туристы, и всех повезли в собор, к усыпальнице их величеств. Мраморные фигуры короля и королевы возлежали на отдельных надгробиях, и Луис объяснял тонкости придворной геральдики:

– В этой семье она была ведущей, а он ведомым: видите, на флаге возле Изабеллы – святой Яго, покровитель всей Испании, а вокруг него – святые местного значения; у неё под головой подушка прогибается – значит, ума много, а у него прогиб поменьше; в историю, вместе с Колумбом, вошло её имя, а не короля.

Умная была королева, но и она промах допустила, – именно в этом дворце, именно в год открытия Америки она подписала и другой рескрипт – об изгнании иноверцев из Испании. Подписала – и началась утечка мозгов: Англия, Португалия, Голландия получили бесплатно врачей, мастеров, учителей; убытки Испании никто не считал. Большая ошибка...

Слушая запоздалую отповедь царственным фанатикам, Игорь вспомнил недавний отголосок этого изгнания: принимая в Стокгольме Нобелевскую премию, парижский профессор Кон-Танжи рассказал про своего далёкого предка, которого этот указ изгнал из Испании. Он поселился в Танжере, стал называться «Коган из Танжера»; за пять веков это сочетание превратилось в Кон-Танжи, а потомок изгнанника стал нобелевским лауреатом.

Москвич вернулся в Мадрид в самый разгар работы высокой комиссии. Эксперт из Португалии поговорил с гостем и пригласил его поработать в Лиссабоне, – «мы тоже хотим знать, как светят звёзды». Приглашение было с благодарностью принято, и через три недели гостевой профессор сел в поезд, довольно мурлыча старую затёртую пластинку студенческих лет:

«Ах, румба, румба, румба,

Мадрид и Лиссабон...»

Работа в Лиссабоне началась с отпуска. В университетской библиотеке Игорь встретил Терри, историка из Дакоты; тот приехал в Лиссабон писать книгу об истории отношений Англии и Португалии. Среди архивных полок он нашёл свою нынешнюю подругу, архивистку Исабель. Москвич уговорил американца прокатиться на Мадейру: приближается карнавал, официальный праздник, университет будет закрыт. Терри прихватил подругу, и трио туристов оказалось на этом острове посреди Атлантики.

Столичная набережная на острове была выложена мелкой брусчаткой, светло-серыми и тёмными плитками. Изогнутые ряды тёмных плиток на светлом фоне походили на застывшие океанские волны. По каменным волнам вдоль набережной бродили туристы, всматриваясь через парапет в Атлантический океан.

Над парашютом высилась красная стрелка – указатель – «"Санта- Мария" Колумба – 300 м ». Пониже указателя, на рекламном телеэкране чередовались то силуэт каравеллы с фигурным красным крестом на белом парусе, то бегущая строка:

– Самый знаменитый корабль на свете! Точная копия «Санта-Мари» Колумба! Вдохните аромат истории! Прогулка под парусом – пять евро, детям – бесплатно, пенсионерам – скидки!

Пониже телеэкрана в будочке с билетами скучал темнолицый бразилец – не то кассир, не то гид.

Переговариваясь по-английски, московский гость и его новые друзья остановились у указателя. Москвич предложил:

– Ну что, вдохнём аромат истории?

Услыхав английскую речь, кассир включился в работу, спросил деловито:

– Ю-кей?iii[3]

– Нет, Москва, – бледнолицый показал на себя, потом повел рукой в сторону парочки – Лиссабон, Южная Дакота.

– Дакота? Это в Америке? – уточнил кассир.

– Да, – небрежно кивнул второй турист.

– Так купите билеты, посмотрите, как вас открыли! Знаете, что Колумб в молодости несколько лет жил на Мадейре, даже женился здесь? А знаете что «Санта-Мария», выйдя из Севильи, делала здесь остановку – последнюю остановку на пути в Новый Свет? Наши энтузиасты разыскали в архиве в Севилье описание каравеллы и построили точную копию, даже гвозди ковали вручную, как тогда!

Через минуту вся троица была уже на палубе каравеллы.

Матрос у трапа проверял билеты, на плече у матроса большой яркий попугай щёлкал клювом на пассажиров. «Пиастры! Пиастры!» – улыбнулся москвич, вспоминая «Остров Сокровищ» и детские грёзы о дальних морях. На палубе, небольшой, метров пять на десять, стояли у бортов две чугунные мортиры, рядом – горки ядер, на корме – матросский кубрик, над ним – каюта капитана. В каюте – светильник с китовым жиром, старинные карты – портуланы, на них еще нет Америки. Тут же постель, единственная на каравелле, матросы, похоже, спали, по-походному, где придётся. На мачте – бочка для вперёдсмотрящего; из такой бочки матрос прокричал на семьдесят второй день пути через Атлантику: «Терра!» – «Земля!» На носу – камбуз, посуда тех времен; туристы осторожно трогали раритеты – может, из этой оловянной кружки пил Колумб? В одном месте современность вторглась в историю – в кубрике был бар с московской водкой «Кристалл».

Матросы вскарабкались на реи, подняли паруса – те самые, белые, с красными мальтийскими крестами («Крест рыцарей – тамплиеров с Мальты, у них там база была») – пояснила архивистка. Рулевой поймал ветер, каравелла, качаясь, пошла быстрее, мореплавателям разнесли по рюмке крепкого рома.

– Тост! – объявил Терри, – нет, три тоста! Для нас сегодня почти 12 октября, день Колумба; в Америке это – праздник, так что пьем, как у нас – в три глотка: первый – за его настойчивость, второй – за его удачу, а третий – самый главный, за его ошибку – плыл-то он в Индию!

– Португалия – страна моряков, – перевела разговор Исабель, – до Индии доплыл Васко да Гама, Кабрал открыл Бразилию, – это национальные герои: в Лиссабоне аэропорт «Васко да Гама», набережная – тоже, даже рыбные консервы, сардины в масле, и те – имени героя. В центре города – «Авенида Кабрал»...

– А почему ничего не слышно про Магеллана? – встрепнулся дотошный москвич, – Он же Фернандо Мигельяеш, тоже национальный герой!

– Ясное дело, – заключил Терри, – Васко да Гама – это бизнес в Индии, Кабрал открыл Бразилию, золотое дно, а Магеллан – что: из пяти кораблей вернулся один, золота не привезли, да и сам погиб; а если б вернулся – еще спросили бы за истраченные деньги!

– Нет, – поправила архивистка, – Магеллану отказали в поддержке в Португалии, он поступил на службу испанской короне, поплыл вокруг света под испанским флагом.

– Эмигрант, – расцвёл улыбкой Терри, – как и мой прадед.

– Но ничего, Магеллана вспоминают сейчас всё чаще, а недавно, кстати, и у Колумба нашли португальские корни...

– Возвращение к истокам, – поддакнул москвич, – а вот у Васко да Гама были английские корни: его бабку выдали замуж из Британии за здешнего графа...

– Изюминка для моей книги! – оживился историк, – у вас все звездочёты такие грамотные?

– А у вас?

– У нас учат направленно... Мой босс – специалист по убийству Кеннеди. Его босс – эксперт по адмиралу Нельсону.

– И по леди Гамильтон тоже? – съязвил москвич.

Целенаправленный историк обиженно засопел. Заминая неловкость, звездочёт спросил дружелюбно:

– А как будет книга называться?

– «На полпути к Гибралтару: британский след в Португалии» – отчеканил историк, – бестселлер будет!

...Каравелла незаметно вернулась к причалу, подали трап; подтянувшись на шкотах и глядя из-под ладони, москвич закричал по-испански, подражая первопроходцам, увидевшим Новый Свет: «Терра! Терра!»

На следующий день Исабель вновь почувствовала себя гидом:

– Знаете, что на Мадейре любил отдыхать Черчилль? В свои последние годы он здесь рисовал, есть пейзажи Мадейры кисти Черчилля...

– Ещё один британский след в Португалии, – подмигнул москвич.

– Отель, где он жил, недалеко, – продолжала программу Исабель, – хотите глянуть? Там, кстати, поблизости – винные погреба: мадера разных лет.

– Сначала – в погреба, – попросил Терри.

Погреба оказались большим двусветным залом с аккуратными рядами бочонков и стойкой бара. Потрогав драгоценные ёмкости, заезжие дегустаторы двинулись к стойке, косясь на цены на этикетках бутылок: цены росли быстрее, чем возраст вина.

– Выбираем вино того урожая, что был в год рождения юной Исабель, – дружно решили галантные кавалеры: свои даты были не по карману.

– Смотрите под ноги, – советовала Исабель на обратном пути, – видите рисунок на тротуаре? – На мозаике плиток проступал тёмный силуэт старинной каравеллы – мачта посередине, над ней старинный пятиугольный флаг, к рее подтянут парус – зов дальних морей...

Архивистка заговорила о грустном:

– Близится «изгнание из рая» – мы завтра уезжаем. Терри – человек дела: днём пишет книгу, вечерами подрабатывает – преподаёт в Лиссабоне английский в «Уолл-Стрит» институте.

– Знаю, что в Лиссабоне есть Институт портвейна с дегустационным залом, – признался физик, – жаль, не там ты преподаёшь...

– Здесь есть институт Данте – это курсы итальянского, для немецкого – институт Гёте, – снисходительно втолковывал Терри, – а мы – страна молодая, таких старых символов нет, зато есть новый символ, символ богатства, – Уолл-Стрит, и путь к нему – курсы делового английского, «Уолл Стрит Институт».

...Карнавал закончился, начались трудовые будни. Москвич снимал квартиру в доме, который считался элитным – жильцы не допускали туда ни врачей, ни адвокатов: «К ним ходят пациенты, ходят клиенты, в подъезде полно посторонних, от этого стоимость нашего жилья падает». По дороге из элитного дома в университет он проходил мимо старинного вычурного строения с вывеской «Курсы португальского для иностранцев». Под вывеску заходили ученики, «дети разных народов» и всех возрастов; в разноязыком говоре отчётливо слышались и российские созвучия. Однажды московский гость тоже заглянул под вывеску и, вспомнив Институт Данте и памятник в Лиссабоне поэту XVI века Камоэнсу, спросил:

– Это – институт Камоэнса?

– Нет, – закачали головами в канцелярии, – по традиции, такие курсы организуют иезуиты; обучение, как всегда у них, – бесплатное, более того, – курсанты получают стипендию – сто евро в месяц; по окончании выдаётся диплом, на нём – знаки Ордена Иисуса...

Диплом иезуитского образца доставался только легальным эмигрантам, имевшим разрешение на работу. Однако, по дороге в университет было ещё одно место, где шелестела родная речь. Возле станции метро толпились небольшие группки нелегалов, чего-то ждали. По рукам ходила местная русская газета «Маяк Португалии» с горячими темами: «Как продлить визу», «Хочу познакомиться», «Предлагаю услуги». Время от времени подъезжали машины, увозили по несколько человек на подённые работы.

Поднимаясь на свой этаж в Университете, московский гость проходил мимо соседней двери с загадочной табличкой: «Институт геолингвистики».

– Геолингвистика – это что: наука или искусство? – поинтересовался астрофизик у соседей.

Объяснение началось с вопроса:

– Вы знаете, кто сделал самый первый глобус?

– Мартин Бехайм, лет пятьсот назад, – автоматически выпалил бывший отличник.

– Верно; Бехайм, дипломатичный картограф, поделил на глобусе и Африку, и Азию между тогдашними «сверхдержавами» – Испанией и Португалией поровну, по океану черту провёл. Да и сейчас португальский язык на шестом месте в мире по распространённости, не дотянул немного до языка ООН – там выбрали пять; Мадрид попал, а Лиссабон – нет. Вот мы и смотрим, как эти языки в третьем мире сплетаются. Кстати, португальский пополняется сейчас и русскими словами...

– Спутник? Водка? – начал гадать москвич.

– Не только, – собеседник кивнул на витрину университетского кафетерия, – там были и «саладо русо» – винегрет, и «беф Строгонофф», и даже «коктейль Молотов»; жгучий напиток с зёрнами перца напоминал про бутылки с бензином и подмосковную осень сорок первого года...

– Копия этого глобуса – здесь, в морской библиотеке, – вернулся к теме геологингвист, – в бывшем монастыре «Иеронимуш», почти на берегу океана; с этого места отплывали знаменитые капитаны.

– А «святейшая инквизиция» в таких экспедициях плавала? – гость вспомнил свой вопрос в Мадриде.

– Иногда; но здесь святые отцы так не свирепствовали, как в Испании, иноверцев не изгоняли. Экстремистов тут тоже никогда не поощряли, а в войну «расово-неполноценным» беженцам из Европы паспорта давали. Да что беженцам – у нас даже в корриде быка не убивают, он уходит сам.

В выходной день астрофизик поехал в монастырь. Дорожка в Морскую библиотеку шла меж двух памятных надгробий – Васко да Гама и Камознса. На библиотечных полках между цветными обложками новых журналов «Мир Меркатора», «Океаника» проглядывали копии старинных лоций. Картинки на картах предупреждали об опасностях на путях «навигаторов», – рука дьявола, выступающая из океана, хищная птица, уносящая корабль, напоминали про странствия Синдбада-морехода и птицу Рух. Была и карта Восточной Сибири, населённой странными существами с человеческой фигурой, увенчанной волчьей головой. Гость пытался разбирать надписи по-латыни и по-португальски; встречалась и арабская вязь – у Васко да Гамы был арабский лопман. Выходя из зала, москвич поймал себя на том, что читает буквы «кириллицы» – на надгробии у входа лежал венок с надписью: «Великому поэту Камознсу от Федерального Собрания Российской Федерации».

На следующий день к гостевому профессору подскочила секретарша декана:

– Радостная новость: наш декан получил звание профессора седьмой степени!

Гость уже знал, что профессорское место на факультете содержит семь уровней; если нет отягчающих обстоятельств, новая звёздочка присваивается через три года, – декан взошёл на научный Олимп.

Москвич решил поздравить восходителя; вспомнив Гренаду, сказал астрономический комплимент:

– Вы теперь на седьмом небе...

Инициатива гостя не осталась безнаказанной – он тут же получил дополнительное задание:

– У нас готовится защита диссертации; обычно мы приглашаем оппонента из другой страны, но раз Вы здесь – зачем нам лишние расходы? Прошу Вас выступить оппонентом! Соискатель – из Греции, из Центра Ядерной физики имени Демокрита...

– Демокрита ... Того самого?

– Да, того самого, что за пять веков до нашей эры изобрёл слово «атом». Редкий случай – изобретателя чествуют через двадцать пять столетий!

Отказаться было невозможно. В деканате для таких случаев держали чёрную профессорскую мантию. Обвернувшись мантией, оппонент вышел на подмости. Защита прошла «на ура», наследник Демокрита не подкачал. Коллеги отметили это событие вечеринкой на океанском берегу в необычном ресторане: получив кусок сырой говядины и раскалённый плоский камень на подносе, каждый гость мог на свой вкус поджарить бифштекс на камне. Зал напоминал пещеру, хотя имитация каменного века была неполной: камни калили в микроволновой печи. Декан шепнул оппоненту:

– Скажите тост, что-нибудь «звёздное»...

– Здесь уместнее что-нибудь морское, но ничего, то, что я скажу, относится и к звёздам тоже, – заезжий тамада начал издалека:

– Когда хотят похвалить автора любого открытия, его величают Колумбом, независимо от масштаба содеянного. И действительно – в любом успешном научном проекте есть пять – пять! – признаков, роднящих его с открытием Америки:

1. Исходная идея оказалась ложной;
2. Коллеги отнеслись к проекту враждебно;
3. В ходе работы автор столкнулся с финансовыми проблемами;
4. Выполнив работу, автор был наказан;
5. После всего открытие приписали другому.

Так что, – тамада повернулся к новорожденному доктору, – будьте готовы, желаю счастливого плавания!

«Профессор седьмой степени», скромно сидевший в глубине пещеры, подал знак к аплодисментам.

30. Пир Аристотеля

Впервые в жизни Игорю предложили пожить в женском монастыре. О предстоящем заточении московский гость узнал, приехав в Университет Флоренции. Встречая визит-профессора, декан факультета наук был настроен игриво:

– «Декамерон» читали? Холм Арчетри помните? Мы – на этом холме, здесь стоял дом Галилея. Хотите провести ночь в монастыре, в женском? Ну, не совсем в монастыре, – декан кивнул за окно, – белую стену видите, а за ней сад? Всё это – вилла «Прозерпина»; когда-то, во времена Галилея, здесь жила богатая графиня, она завещала виллу женскому монастырю; потом при монастыре возник приют для бедных женщин, потом – пансион для дам из общества; те отдыхали здесь временно от светской суеты. Когда есть свободные кельи – туда пускают гостей Университета, со скидкой; за это монастырь имеет статус «Партнёр Университета», а за помощь науке им снижают налоги, а налоги здесь – сами знаете: этот район – самый дорогой в городе, живой музей...

Через полчаса москвич стоял у железных ворот в глухой каменной стене. Ворота охраняли мраморные львы и видеокамера; через переговорное устройство москвич доложил о приходе. Степенная «мадрэ» в чёрном повела его сводчатым коридором в келью, разъясняя по пути условия для проживающих:

– Завтрак – в восемь утра, ужин – в восемь вечера. Ужин начинается – ворота запираются; как говорили римляне, – мадрэ улыбнулась, – «поздно приходящим – кости».

В келье гостя ждали узкая железная кровать с панцирной сеткой, маленький стол, стул с треугольной спинкой, шкаф, на белёной стене – распятие; недалеко от распятия мигал красный глазок фумигатора. Окно выходило в сад, ветки с апельсинами задевали за оконные решётки.

Ровно в восемь вечера, с последним ударом колокола, москвич двинулся в трапезную. За столами, молча, сидели пожилые, скромно одетые женщины, человек десять; мадрэ с помощницей развозили на тележке овощные салаты, бифштексы и графины с местным красным вином. Сквозь приоткрытую дверь кухни чернели у плиты несколько молодых монашек, но в залу они не выходили. В трапезной был ещё один мирянин; увидев пополнение, он подошёл, тихо спросил: «Университет?», шёпотом представился:

– Реджинальд, можно просто, – Ригги, Оксфорд, департамент истории искусств...

После ужина вышли в сад, заговорили в полный голос. Игорь вспомнил американский разговорник:

– Чем зарабатываете на жизнь?

– Консультант в антикварном салоне; кстати, здесь удалось, по случаю, купить венецианский дукат, видите – на монете профиль дюка, шестнадцатый век...

Монастырский новосёл тоже похвалился:

– А мне подарили серебряный флорин, какой век – не знаю, но, видите, – три лилии, герб Флоренции...

Нежно коснувшись лилий кончиками пальцев, визит-искусствовед неожиданно уточнил:

– Так Вы – физик? – Игорь слегка кивнул.

– Держу пари: Вы не знаете, название какого химического элемента происходит от жителя Флоренции! Скажете – дукат Ваш, нет – флорин мой!

Москвич принял позу мыслителя; прошла минута...

– Даю подсказку: Вы через какой аэропорт прилетели?

– Аэропорт «Америго Веспуччи»... Америций! Конечно: америций – от Америки, а это – от Америго!

– Ладно, простим на первый раз, как гость гостя... А знаете, кто окрестил новый континент таким именем?

– Какой-то географ, кажется, Вайсмюллер...

Ригги осклабился, как сытый каннибал:

– Вайсмюллер – артист, Тарзана играл, а географ – Вальдземюллер. До него говорили и «Новая Испания», и «Вес-Индия», и, вообще, «Новый Свет». Куски новых земель были на отдельных картах, а карты были тайной; они часто не стыковались, а иногда авторы-конкистадоры нарочно подсовывали конкурентам фальшивки, сбивая тех с пути в Эльдorado. Веспуччи первый собрал все куски в цельную карту всего континента, а Вальдземюллер включил эту карту в свою книгу «Космография» - авторского права ещё не знали! – но зато назвал новый материк по имени составителя карты. Потом, переиздавая книгу, он от своей затеи отказался, но это лёгкое слово «Америка» сразу вошло во все языки... А я пишу сценарий фильма «Америго из Флоренции» – авантюристы, учёные, пираты, Ватикан, Мадрид, – исторический детектив, десять серий!..

Всю ночь Игорь ворочался на своей девичьей кровати, придумывая вопрос-западню для Ригги. Утром, за завтраком, он спросил вскользь:

– Не помнишь, в честь какого учёного в Европе учредили орден? Не помнишь? Орден Карла Маркса в бывшей ГДР! Счёт один-один! – и довольный москвич вышел в холл между трапезной и молитвенным залом. В холле стоял телевизор, единственный на всю обитель. Дежурная монахиня у переговорного устройства тронула кнопку пульта и открыла маленькую железную дверь в стене – выход в мир.

Гостевой офис на факультете наук был рядом с залом для семинаров. Портрет Галилея на стене зала и старинный резной стул под портретом создавали зримый символ неизменного присутствия великого флорентинца при учёных спорах. В углу зала стоял небольшой телескоп – точная копия телескопа Галилея. Прильнув к окуляру, можно было разглядеть вдали корпуса космического центра «Авионика Галилео».

Через несколько дней к новосёлу заглянул декан, пригласил отобедать вместе у «святых сестёр». В трапезной их ждал гость – священник, пожилой католик. Декан представил гостя:

– Падре Лоренцо, настоятель собора в Арчетри, бывший нунций Ватикана в Брюсселе...

Игорю захотелось протереть глаза: Флоренция, старый монастырь, падре Лоренцо, – путешествие во времени продолжалось. Подали аперитив, и декан для разгона заговорил о духовном – в Южной Америке канонизировали местного святого. Падре вспомнил о земном – на холме Арчетри хотят восстановить дом Галилея.

Москвич попробовал навести мост между небом и землёй:

– А почему не канонизируют Галилея? Пострадал за правду...

– Пострадал,- согласился экс-нунций, – и не только от моих коллег, но и от Ваших, – он с улыбкой поклонился университетам. – У него возник приоритетный спор с другим астрономом – выясняли, кто открыл спутники Юпитера. Ученики уговаривали Галилея: «У Вас столько свершений – уступите, не связывайтесь, Ваш оппонент – страшный человек!» Но у Галилея был характер – не сахар, даже частичку славы уступить не хотел. Подвела его гордыня – оппонент оказался властным иезуитом, они и раскрутили весь процесс, инквизицию вовлекли, заставили отречься...

Игорь попытался вспомнить формулу отречения:

«Я, Галилео Галилей, сын Винченцо Галилея, флорентинец, предстою в рубище перед Вами, достопочтенные и мудрые синьоры...» – забыл, как дальше, – смутился москвич.

– «Я написал и напечатал еретическую книгу...» – продолжил декан, но тоже забыл.

– Ничего, – успокоил падре, – знаете, что такое культура? Это – то, что остаётся, когда знания забываются, да и Вы – не историки. Всё то судилище – прискорбная ошибка Святого престола: библия учит не тому, как движутся небеса, а тому, как нам попасть на небеса.

«Хорошо излагает, высший пилотаж!», – Игорь мысленно заплодировал: он чтит любое мастерство.

Утром в субботу мадрэ предупредила постояльцев-мирян:

- Ужина сегодня не будет, и придти можете попозже. Ригги был уже в курсе:
- Сегодня здесь свадьба, трапезную сдают под банкет...
- Что, как в оперетте, – «Обручение в монастыре»?
- Новые времена, святым сёстрам тоже жить нужно.

Игорь помнил картинку – башня Синьории в центре Флоренции – на обложке своего школьного учебника истории Средних веков. В советской жизни этот город казался ему Полюсом Недоступности, а теперь он спокойно стоял у башни, слева – кафе «Беатриче», справа – ресторан «Мистер Доллар» и обсуждал с Ригги, где лучше поужинать. За ужином Ригги звал Игоря поехать с ним в Болонью:

– Там хранится архив Университета с пятнадцатого века, есть и студенческие матрикулы – зачётки тех времён; может, там Веспуччи учился, или ещё что-то найдётся для моего сценария... А потом – ты ведь доктор наук! – а докторскую степень впервые начали присуждать именно в Болонье, веков восемь тому назад, так что тебе это – паломничество к истокам! Уговорил? Уговорил, пилигрим! – Ригги радостно хлопал москвича по плечу.

В монастырь вернулись последним автобусом; во дворе за воротами плотно стояли дорогие «Мерседесы», приживалок не было видно, а в холле и в трапезной гудела итальянская свадьба.

Через неделю визит – учёные из Флоренции поехали в Болонью. По дороге искусствовед поддразнивал физика:

– Ну, доктор, вспомни, какой был самый древний научный скандал, когда «альма матер» лет десять отказывала в докторской степени мыслителю с мировым именем? Пари держу, дукат против флорина, – не знаешь! Даю подсказку: прецедент был задолго до Галилея. Игорь навскидку вспомнил одного врача и пару астрономов, но, оказалось, прецедент возник раньше:

– Фома Аквинский, четырнадцатый век! – победно объявил Ригги, открывая кошелёк для монеты с лилиями.

...В Болонье вдоль узких кривых улочек тянулись двухэтажные жёлтые строения – университетские коллегии. Петляя по длинным низким коридорам, сценарист перевоплощался в своих героев:

– Представляешь: этот дом, полутёмный класс, рассвет; юнцы сидят на соломе, хором зубрят на латыни «семь свободных искусств», как их там, – грамматику, риторику, астрономию...

– А солома зачем?

– Для привития послушания! Рядом розги в кадке мокнут, тоже с воспитательной целью... На скамейках – школяры постарше, на кафедре – монах-учитель... Кто все искусства осилит – идёт на диспут: на одного школяра нападает дюжина оппонентов, по полчаса на каждого, шесть часов нон-стоп; кто от всех отбился – становится доктором, надевает берет, устраивает «Пир Аристотеля» – попойку для коллег... Появляется молодой Веспуччи; будет бытовая сцена: коллеги требуют от него «Пир Аристотеля» авансом, ещё до диспута, – предыдущий соискатель обещал угостить учителей после диспута, но обманул.

К счастью, следующий эпизод намечался вне Болоньи, декораций не было, и импровизатор перевёл дух. Не теряя времени, он объявил: – Устроим сами пир Аристотеля! Будем веселиться! Гаудеамус! и начал обзванивать знакомых, приглашая вечерком поужинать с ним и с его новым московским другом.

Собрались в университетской «Таверне философов»; неугомонный Ригги представлял гостей и, давая каждому прозвище из списка «семи свободных искусств», намекал на их профессии:

– Роберто – Диалектика...

– Памела – Риторика...

– Клаудиа – Геометрия!

Ужин начался тостом древних школяров «За вечное движение!», потом застолье покатило само. Вписываясь в обстановку, Игорь, вместо тоста, прочёл нараспев старинный бурсацкий хорал:

Аристотель мудрый,

Древний филозоф,

Пропил панталоны

За сивухи штоф.

Перевод сложился быстро: «панталоны» – слово итальянское, а, заменив «сивухи штоф» на «бутыль граппы», москвич приблизил бурсу к Болонье.

– Бис! Дальше! – закричали гуляки.

– Дальше – текст на местном материале, чур, без обид:

Папа Пий Девятый

И Десятый Лев

или дюппель-кюммель

И ласкали дев...

Обозначив действие «ласкали дев» модным термином «занимались любовью», чтец достиг синхронной скорости перевода.

Риторика и Геометрия вместо тоста подготовили небольшой перепляс. Скрестив руки перед собой, они подскочили к Игорю и затаили «Калинька – Малинька!», потом пояснили свой номер:

– Тут выступал ансамбль из Москвы! Нам нравится, как русские танцуют – на корточках! Научите нас!

Положение обязывало – Игорь вспомнил свою «пятую пару» в детской танцевальной студии и осторожно пошёл вприсядку...

Через два дня Ригги объявил, что маршрут поиска ведёт его в Геную. Москвичу предстоял семинар в Триесте, но он тоже выбрал путь через Геную. По дороге в машине Ригги долго разглядывал карту, потом предложил:

– Тут недалеко протекает Рубикон, бывшая граница Римской Империи. Через эту речку Цезарь двинул свои легионы на Рим, помнишь: «Перейти Рубикон...» Давай подъедем и тоже перейдём!

Съехав с автострады, сделали крюк и подкатили к широкому мелкому ручью с каменистым дном; разувшись, по колено в воде, искатели приключений перебрались на другой берег. Перебросив ветровку, как римскую тогу, через руку, Ригги отставил ногу и произнёс знаменитые слова Цезаря:

– Жребий брошен!

В этот момент Игоря осенило:

– Пари держу – ты не знаешь, какую ошибку мы сделали!

– Что, не там форсировали Рубикон? – имитатор уткнулся в карту.

– Там, да не в ту сторону! Цезарь шёл с севера на юг, а мы – с юга на север! Гони монету!

И флорин вернулся к хозяину.

31. Золушка, бывшая принцесса

Получив приглашение на симпозиум Всемирного Радиосоюза в Петербурге, Игорь обрадовался: последний раз он был там давным-давно, когда этот город ещё назывался Ленинград. В списке участников значился и Семён – тот самый Сэм, который когда-то вводил Игоря в американскую жизнь. Предупредив Питерских знакомых, Игорь расслабился – поехал поездом, припоминая, когда он последний раз провёл ночь в спальном вагоне, – это было в Америке по пути от канадской границы в Нью-Йорк; местные коллеги удивлялись:

- Поезд? Но это очень дорого!
- Дорого? А что, самолёт дешевле?
- Дорого время, – втолковывали заезжему провинциалу, – время – деньги! Время дороже денег!

В гостинице москвича ждала бурная жизнь: пришёл дальний племянник, кратко доложил об успехах: окончил университет в Новосибирске, программист, красный диплом, год стажирuется в Петербурге, собирается жениться, невеста – аспирантка.

– Давай-давай, по главной улице – с оркестром! – радовался профессор, вспоминая рытвины на своей научной тропе, – такой университет – это имя, фирма! Мне, в моё время, это было не дано, но сейчас, с таким стартом, – можно и членком стать!

– Да, верно, это, – фирма: в центральном офисе «Микрософт» у Билла Гейтса оттуда – шесть человек! А в членкоры избираться – зачем: какой там избранник говорил, что есть кандидаты – «проходимцы», те, кто проходят, а есть «шансонетки», у которых шансов нет; а ползти годами из шансонеток в проходимцы – это же безвыигрышная лотерея: даже если и повезёт во второй половине жизни – будет в месяц долларов семьсот, может, с довеском; так в банке менеджер к тридцати годам получит и больше, и без выборов!

– Даже Эйнштейн и Ферми не были богаты, но они – удачники, их жизни состоялись! А тебе что, «музыка сфер» – профессор обобщённо повёл рукой от лба к зениту, – больше не интересна?

– Интересна, только это – дорогое удовольствие для обеспеченных людей или для фанатов; вот Вы в выходные в лаборатории зачем сидите бесплатно – для этой самой музыки?

– Для этой...

– А кому работа в радость – тем можно и платить меньше; а если я такую карьеру начну – жизненный ресурс вхолостую растрачу; да и семью на что содержать буду?

Игорь вздрогнул: молодой нигилист читал его потаённые мысли. Инстинктивно он сменил тему:

- Почему без невесты пришёл?
- Позже подойдёт, она вечером работает, деловая, в модной газете свою колонку ведёт – ресторанный критик.
- Это что – светская хроника для гурманов?
- Зря смеётесь, этот жанр у нас только начинается, и она – пионер!
- А ты, вроде, говорил, что она – в аспирантуре?
- Числится, и тема неизбитая – «Смеховая культура Средневековья» – юмор горожан во Франции пятьсот лет назад, но, опять же, – финансовый вопрос... А так – и аспирант, и хроникёр – два в одном!
- Похоже, вы друг другу подходите. Говорят, крепкая пара – это не та, где двое смотрят друг на друга, а та, где двое смотрят в одну сторону. Поздравляю, желаю и впредь общности целей, любовь да совет, через тернии – к звёздам!
- Профессор, Вы меня удивляете, – заулыбался жених, – что тут особенного, если два современных человека сходятся вместе для совместного удовлетворения половых потребностей? Читайте «Любовь пчёл трудовых», – Коллонтай всё это описала ещё в прошлом веке. Мы тоже кое-что читали, да вовремя остановились!

Избегая скользких мест, племянник перехватил нить разговора:

- А этот Ваш «Тунгусский метеорит», – как он?
- Трудящийся сферы досуга, обещал подойти, – когда-то у Игоря и Сэма был общий приятель, студент-египтолог; студент притягивал увлечённостью, про фараонов Тутмоса и Рамсеса рассказывал, как про личных знакомых, грезил про экспедиции к пирамидам, а его отправили учителем в школу. Он не сломался, нашёл новую страсть – внеземные цивилизации, каждое лето ездил в отпуск на раскопки Тунгусского метеорита. Приезжая в Ленинград, Игорь приводил племянника-школьника посмотреть на яркого человека.

Точно вовремя появился Сэм – успешный, улыбчивый, подтянутый; через минуту пришёл и «метеорит», раскинул руки:

- Краса и цвет интеллигенции... –

Обнявшись, вынул бутылку джина, предложил деловито:

- Ну, что: выпустим джинна из бутылки?

Джинна выпустили, историк поднял рюмку:

– Давай, ученые, за вечный дух бутылки и латыни!

Отдышавшись, он оглядел Сэма, – пятнадцать лет не виделись:

– Вижу: за морем жизнь не худо...

Элегантный Сэм неожиданно протянул по-одесски:

– Чтоб да, так нет... То есть, всё – о'кей: сижу на верхней жёрдочке, практически здоров, член делегации Американского Научного Фонда, здесь проездом из Аризоны в Китай, но – скучновато временами. Как поётся – мы добавляем годы к жизни, а не жизнь к годам. Раз лет в пять-шесть надо что-то менять – работу, круг занятий, место жительства; а чем выше жёрдочка, тем это трудней.

– Когда-то, в советские времена, – историк дал справку, – в газете готовили первомайскую передовицу, заголовок торжественный – «Поступь Творца»; первые три буквы не печатались, вышло «Тупь Творца». У тебя что – полоса такая, тупь творца?

Сэм отмахнулся: – Нас в СССР как учили – «Наука стала производительной силой»? И точно – тут свой конвейер, отойти нельзя, у конвейера лет десять постоишь – сам станешь винтиком. А кто в свои козыри играет, – Сэм покосился на москвича, – тот может и вне игры оказаться.

Москвич принял вызов:

– Нас как учили, – по Горькому: «Рождённый ползать – летать не может!» Верно, но и обратное верно: «Рождённый бегать – ползти не может!» Могу прикинуться винтиком, но ненадолго, боюсь – не притрусь, сорвусь!

– Ну, ты у нас – многогранный, как гайка, – потому и не притёрся, – «винтик» научного конвейера двинулся в атаку.

– Шай-бу! Шай-бу! – завопил историк, разжигая схватку, как хоккейный болельщик, но Сэм уже переходил на участок снижения:

– Ладно, свои плюсы есть у бегунов, свои – у ползунов, каждому – своё... Трубочка – труби! Скрипач – скрипи...

Помолчав, он повернулся к историку:

– А ты как, собеседник сфинксов?

– Мне бы твои заботы! Работаю в турфирме – индивидуальные туры для богатых чудаков, «Контора Кука»! Желаете в Туву с проживанием в юрте у шамана – плиз! По Сибири, «Сталинская трасса – Архипелаг Гулаг», – дороже, но тоже можно. Недавно привёз англичан в степь на раскопки «Золотой Орды»; только расположились –

подъезжают местные «крутые» на трёх фордах, посмотреть, что за люди на контролируемой территории. Пришлось лекцию им читать про Чингисхана, каков он был: однажды на рыбалке заспорил с родичами, чья рыба лучше, и племянника убил. Слушатели ахали: «Во, крутой!», благодарили, обещали ещё детей привезти, чтоб им тоже рассказать, на прощанье посулили поддержку: «Если кто обидит – только скажите...» Туристы в восторге – «русский вестерн!»

– Учительствуешь где-нибудь?

– Нет, и не только из-за полочки, – неинтересно стало. Школяры нелюбопытны, для них наука – какой-то обломок советской жизни, что-то вроде комсомольского собрания – скучное и бесполезное, как говорится, «осколки разбитого вдребезги». Даже ваша физика, мечта поэта, – была принцессой, стала Золушкой...

– Кстати, о школярах, – Игорь вытащил племянника из угла, представил, – старт – взрывной, в своём выпуске – первая перчатка, невеста – модерн; подскажите, кем быть, «делать жизнь с кого»?

– Давай, расскажи ему современную сказку про прекрасную принцессу Аризону, добрую фею Гринкарту и волшебную Долину Долларов, – подмигнул историк.

Сэм улыбнулся благосклонно:

– Первая перчатка... В Эдинбурге каждый год лучший выпускник Университета получает официальный титул на всю жизнь «Первый Спорщик» такого-то года; есть и второй, и третий... – Сэм намекнул вскользь, что и в Шотландии побывал. – Как хотите учёность использовать – в мирных целях? В военных целях? Может, в личных целях? Испытуемый не успел ответить – в дверь постучали.

– «Человек из ресторана», – объявил Игорь, открывая дверь, – кино такое было.

Вошла невеста, сразу завладела вниманием:

– Сегодня – событийный день! В клубном ресторане два сценариста подрались; мэтр погреба сказал, что исключает водку из меню обеда – она оглушает вкусовые пупырышки на языке; зато в меню – парижская новинка, трюфели в белом вине, – вне всякой критики!

– Ну, Белинский Вы наш застольный! – изумился «метеорит», – жаль, я не из вашего клуба.

Невеста стремительно развивала успех:

– Какой триумвират собрался! Можно, я сделаю беседу с Вами? У нас в газете отдельная полоса есть – «Нечаянная встреча»...

– Начните с меня – напросился москвич. Журналистка вспомнила вопросник для интервью:

– Что Вы последний раз делали в первый раз?

– Был в Австралии.

– А... а какие там женщины? – газетчица отступила от вопросника.

– Конкретные,- декан в Сиднее пригласил меня в гости; он – австралиец, жена – новозеландка. Австралийцев называют «осси», новозеландцев – «киви»: птица киви – эмблема Новой Зеландии, только там и водится; даже в газетах мелькают объявления: «Осси-бой хочет познакомиться с киви-гёрл». Выходит деканша – русая, статная, румяная – прямо «Мисс Москва», я так ей и сказал. Compliment был засчитан, «киви-гёрл» откликнулась деловито:

– Хотите эмигрировать в Австралию?

Я, как видите, от оргвыводов пока воздержался...

Скользнув намётанным взглядом по историку, газетчица выбрала из шпаргалки нужный вопрос:

– Какая сейчас главная проблема молодёжи?

– Свобода пришла раньше цивилизации, вот многие и не знают, что с этой свободой делать, куда себя деть, кому себя деть...

Ресторанный критик не удержался от похвалы:

– Как Вы чётко формулируете, «в свет и в печать» без правки!

– Девочка, я такой умный, что самому тошно, – признался «метеорит»

Настал черёд Сэма:

– Сэр, Вы не были здесь пятнадцать лет; что Вас больше всего удивило при приезде?

– Зашёл я в свой институт – народу осталось немного, почти у всех –«возраст элегантности». А песня у всех одна: «всё плохо», «будет хуже», и твердят хором: «страна дураков»; такого ни в какой стране не услышишь! Спрашиваю одного: – Ты дурак? – Нет... Другого:

– Ты дурак? – Нет!

– А кто дурак? – Молчат... Скулят – виноваты все, только не они, а инициативы – ноль; сидят, как Емеля на печи, золотую рыбку ждут! Иждивенцы пожизненные...

– У меня встречный план, – встрял москвич, кивнув царице вечера, – Вы, говорят, собираете юмор Средних веков? Расскажите, над чем тогда смеялись!

– Так, бытовуха, как и сегодня, и герои вечные: судьи – мздоимцы, врачи-ловкачи, святоши – бабники; доставалось и вагантам – бродячим школярам, но эти пересмешники сами про себя фарсы сочиняли! Вы, – улыбнулась невеста дяде жениха, – наверное, в прошлой жизни были вагантом, и сейчас радостно по глобусу бродите, – тут она запнулась и поправилась, – передвигаетесь.

– Физик-передвижник, – хмыкнул историк.

– А сейчас Вы куда собираетесь? – газетчица вернулась к интервью.

– В Бразилию.

– Так есть песня вагантов, почти про Вас:

На бразильской стороне

На чужой планете

Суждено учиться...

– Нет, «предстоит работать», разом закричала вся троица, исполнительница перестроилась на ходу:

Предстоит работать мне

В Университете...

На следующее утро Игорь пошёл на симпозиум. Возле стола, где регистрировали участников, вертелся молодой человек, щурясь, читал издали имена гостей. Скользнув взглядом по карточке с фамилией Игоря, молодой человек подскочил к нему:

– Позвольте представиться: я – представитель фирмы «Русский Проект». Поздравляем Вас с Вашими открытиями! Мы издаём справочник по российским учёным, и нам нужна Ваша биография, точная и неформальная, – награды и звания, семья, хобби! Сколько экземпляров справочника хотите заказать? Можно в простом переплёте, а можно – в сафьяновом!

Стоя рядом, Сэм дал деловой совет:

– Берите пример с нашего издания «Кто есть кто»! Там есть спецвыпуски «Кто есть кто среди инженеров», «...врачей», есть и общий – «Творцы Двадцатого Века», почти Пантеон, и тоже в сафьяне... Пора расширять рынок!

Игорь отмахнулся, торговец славой начал описывать круги вблизи новой жертвы.

В перерыв москвич захотел побродить по центру города. Он вышел к Неве – на набережной, как и прежде, сидели художники, рисовали городские пейзажи, у них за спинами, заглядывая в мольберты, маячили зеваки. За одной такой спиной Игорь стоял долго – наверное, слишком долго: пейзажист начал ёрзать и, наконец, обернулся: пожилой мужчина, бородатый и длинноволосый, с кистью в руке, смотрел на Игоря задумчиво и без раздражения. Любопытный приезжий хотел извиниться и отойти, но художник завёл разговор:

– Молодой человек, Вы слышали, был такой художник – Левитан?

– Слышал.

– А диктора такого – Левитан – слышали?

– Слышал; а что?

– А то, что моя фамилия тоже – Левитан, но я ещё себе не нашёл!

Так и сказал, не «себя», а «себе»! – москвич вздрогнул – художник нашёл слово для его судьбы: себя он нашёл, а вот «себе»...

32. Поле белое, шайба чёрная

Это была самая бесцельная поездка Игоря – поездка в Медногорск. Он поехал, не зная, зачем, – может, захотелось глянуть на себя, сегодняшнего, глазами того мальчика, что разглядывал когда-то звёзды по дороге в школу мимо Первого Северного и Третьего Южного.

В Медногорске он позвонил в свою школу, договорился с директором о встрече, просил не устраивать «мероприятие».

Директор пообещал, но, всё равно, учительская была полна. Все двинулись в «10 б», где когда-то учился гость. В классе он хотел сесть за свою парту, но парт не было, стояли столики из ДСП. На стене желтело групповое фото – его выпуск.

Директор зачитал справку про «трудовые успехи нашего выпускника», замелькали города и страны, потом командным голосом поинтересовался, у кого есть вопросы к гостю. С первого ряда поднялся очкарик, по виду – аккуратный отличник, выговорил заученно, без запинки:

– Какие есть новые данные про солнечные нейтрино?

– Давайте про нейтрино потом, а сейчас вопрос попроще – кто объяснит, отчего бывает смена времён года?

Со сменой зимы и лета разбирались объединёнными усилиями. Игорь попытался растопить лёд:

– А теперь – мой вопрос: кто из вас собирал марки? Или монеты?

– А зачем? – удивился кто-то; воцарилось молчание.

– Ещё вопросы? – подбодрил директор и, похоже, приготовился вести диалог сам, но гость перехватил инициативу:

– У меня предложение: сейчас мы с учителями выйдем, а через пять минут я вернусь один. Кто хочет – может остаться, остальные свободны...

Игорь вышел первым, следом потянулись педагоги с озадаченным видом – сценарий был поломан.

– Дорогой профессор, это непедагогично, – начал директор.

– А «дорогой, многоуважаемый шкаф», – москвич вспомнил Чехова, – это педагогично?

Через пять минут гость вернулся; остался почти весь класс.

Школьники расселись свободнее, девочки успели подрисовать глаза и наложить помаду.

– Позволь посидеть на моём месте, – попросил Игорь очкарика. Втиснувшись за столик, он подмигнул классу, – ну, активнее, у кого вопросы, – можно не вставать...

Броско оформленная школьница у окна начала кокетливо, но напористо:

– Когда Вы учились в «10 б», какие Вам девочки нравились?

Класс одобрительно загудел.

– Интересные, – те, что не только завивались, но и развивались.

«Здесьняя атаманша», – понял гость, а та вновь попыталась «срезать» москвича:

– А когда Вы начали интимную жизнь?

– На то она и интимная, что её публично не обсуждают. Но, раз эти проблемы Вас волнуют, давайте я Вас спрошу: как называется овца, которая ждёт прибавления семейства?

– М – м – м... – растерялась активистка.

– Суягная, – подсказал гость. – А корова?

– М – м – м... – Стельная! – Класс наблюдал с интересом.

– А утка?

– Беременная утка? – неуверенно гадала атаманша. Класс грохнул хохотом. «Похоже, первый раунд – мой» – мелькнуло у Игоря; он начал развивать успех:

– Давайте по очереди: ваш вопрос – мой вопрос. Я свои первые деньги заработал в пятнадцать лет – уроки давал. Расскажите про Ваш первый доход, – Игорь кивнул рослому малому, решив, что этот уже созрел для заработка. Прицел оказался верным:

– Давай, боцман, давай! Сколько фанатам отстёгивают? – зашумели сзади.

Выяснилось, что «боцман» (это была кличка) ездит на матчи с группой поддержки местной хоккейной команды.

– Клуб помогает, – скромно пояснил наёмный фанат.

– Поездишь-поездишь, а учиться будешь? – приставал гость.

– А зачем ему учиться? – снова высунулась атаманша. – Он у нас женишок видный, может, какую дуру богатенькую найдёт!

– Замолкни, утка беременная! – огрызнулся боцман. – Похоже, классная примадонна обрела новую кличку, – мысленно ухмыльнулся гость и продолжил доброжелательно:

– Кто следующий? Мяч на Вашей половине поля...

– А сколько Вы получаете? – этого вопроса Игорь ждал.

– Я не получаю – я зарабатываю! Разница ясна?

– А если б Вы сегодня школу кончали – Вы бы ту же фишку двинули, физиком стали?

– Была такая песня:

Ах, если б Волга-матушка да вспять побежала,

Ах, если б можно было, братцы, жизнь начать сначала...

Может, и не физиком, но, точно, стал бы естествоиспытателем.

Было когда-то «Московское Общество Испытателей Природы», даже свой журнал издавало. А из Вас – кто уже решил, кем быть? Мечты имеются?

– А что тут мечтать? Рядом колледж многопрофильный – можно на визажиста выучиться, можно на бухгалтера, а можно и на крупье. Ботаник наш, – кивнули на очкарика, – в институт пойдёт, врачом будет...

– Гинекологом, – не унималась примадонна.

– А Вы кем будете? – любопытствовал гость.

– Ди-джеем, – в этот раз школьница отвечала без вызова. – У нас все ди-джеи – мужики, я буду первая! А Вам какая муз. группа нравится? «Ногу свело»? «Зубы болят»? «Одесса-мама»?

– Когда я в «10 б» учился, у нашего завуча была поговорка, как раз об этом: «Много крику, мало толку», – сказал чёрт, обдирая кошку». А серьёзно, – я плохо улавливаю микроскопическую разницу между ними. Да и не люблю я это «все, как один»...

– А большинству нравится; да всем нравится! – удивлённо загомонили в глубине класса.

– Что, всем, исключений нет? Танцуют все?

– Ну, почти всем, – нехотя отступало большинство.

Инакомыслящий переключил дискуссию:

– А Вам какие поэты нравятся?

Кто-то перешепнулся с соседом, кто-то пожал плечами, двое вспомнили Евтушенко. Игорь обрадовался:

– Мне он тоже нравится; что-нибудь помните? – и для разгона начал сам: «Ты в мир, застенчив по-медвежьи, вошёл, ему не нагрубив, но, объективно, был мятежен, как непохожий на других...»

– Ну, Вы даёте, – стихи с ходу наизусть читаете, – удивился класс.

– Уважаемые одноклассницы, – задал гость вопрос вне очереди, – почему почти у половины из вас на ногтях – чёрный лак, это что – здесь модно?

– Нет, – закричала другая половина, – это группа «Дети Тьмы», это они в школе с ногтями, а дома у них и куртки чёрные, и штаны, они возле кладбища тусуются!

– А у кого и губы чёрные? – Игорь покосился на ди-джея.

– А те – с другого кладбища! – класс оказался расслоённым.

– Как-то всё у вас, блин, сложно, – подвёл черту «боцман», – а в жизни всё просто, как в хоккее: поле – белое, шайба – чёрная...

В дверь заглянул директор с фотоаппаратом, объявил, как массовик-затейник:

– Сели все вокруг гостя! Внимание – делаем фото «Переключка поколений», и – готово! Пожелаем нашему выпускнику новых открытий! – с этими словами директор увёл героя дня в свой кабинет.

В кабинете сидели физичка, «англичанка», завуч, ещё пара учителей. В ожидании гостя педсовет разминался пивом, полдюжины пустых бутылок стояли под столом.

– Как Вам одноклассники? – спросил директор, прикрывая дверь плотнее.

– Отвязные ребята, особенно эта, ди-джей будущий...

– А, эта, принцесса на горошине, – скривилась физичка, – она всерьёз блистать собирается, ясно море, ходит в какую-то «Школу 1001 Танца», злачное место. А соседка её не возникала?

– Нет.

– Она у нас – почтовая невеста, свои фото по Интернету рассылает, готова к миллионеру ехать хоть на край света.

– Сколько вёсен невесте?

– Семнадцать полных, ясно море, опоздать боится...

Завуч, женщина с усталым лицом, начала с того места, где остановились в начале визита:

– Дорогой профессор, это непедагогично! Вы – наша гордость, должны быть для них примером, а Вы им про беременную утку! Да в этом классе две ученицы беременные ходят!

– Да, сейчас дети быстро взрослеют и советы отталкивают, «Отцы и дети» на новый лад: для них советы отцов – это опыт каменного века.

Что-то в лице завуча было знакомо, Игорь спросил:

– Простите, Вы не знали в клубе Metallургов библиотекаря Лидию Ивановну?

– Да, это моя мама...

Игорь припомнил эту мягкую интеллигентную женщину, которой он помогал клеить разорванные книжки. У неё плохо двигалась левая рука, она, виновато улыбаясь, предупреждала:

«Если б люди ходили на руках, я бы хромала». Сейчас её пожилая дочь раздражённо выговаривала бывшему читателю:

– Я у них литературу веду; ты им про письмо Татьяны к Онегину, а они – про своих «бой-френдов». Нужен им этот Онегин, как рыбе зонтик...

– Зато вранья меньше, двоемыслия меньше, комсомола нет...

– Бросьте! Как там вас, металлургов, учили? «Сталь и шлак» – даже роман такой был. А где сталь? Один шлак остался...

– Это не шлак, это – ещё сырьё необработанное.

– А, впрочем, мне – год до пенсии, финишная прямая; часы отведу и домой – там у меня четвероногий друг...

– Собака? – Игорь обрадовался новой теме.

– Нет, диван; лягу, телек включу – и всё, положение вне игры!

Директор развёл спорщиков:

– У меня племянник в спец. школе учится, хочет поступить в Америке в Колумбийский университет; как думаете – возьмут?

– Пусть дерзает!

– Хочет на Колумба выучиться, – вполголоса съязвила завуч.

– На Колумба нельзя выучиться, – парировал гость, – Колумбом нужно родиться...

– в нужный момент и в нужном месте, – подхватил директор; у него, явно, было чувство истории.

– Я давно, в молодости, велогонщиком был, а потом на правой ноге связки потянул, пришлось в пединститут идти – включился в разговор историк. – Раньше, это было до ноги, мы как думали: жизнь – это велогонка с общим стартом! А нет, не с общим: у одних – фора, у других – фальстарт!

Директор закрыл скользкую тему: – Давайте выпьем за наших школьников, за их хороший старт, как раньше говорили, – он хихикнул, разливая красное полусладкое, – берёзовым соком!

– Берё-ё-зовым соком, – с готовностью затынула «англичанка», но директор жестом остановил её:

– Пока идут уроки, не надо караоке...

Становилось шумно; Игорь тихо поблагодарил организатора и незаметно вышел по-английски, не прощаясь.

По дороге он зашёл в ту библиотеку, где когда-то клеил книжки. Несколько пенсионеров листали газеты, на полках бывшие запретные книги, Троцкий и Фрейд, мирно пылились рядом с томами Ленина, никто не рвался открыть пожелтевшие страницы. Две библиотекарши лениво ругали заведующего:

– И чего он, блин, пристал? Индивидуальный читательский план ему нужен, а сам пол-этажа хочет под магазин сдать!

...Увидеть себя глазами того мальчика не получилось – верно ещё в древней Элладе какой-то философ говорил, что в одну реку нельзя войти дважды.

33. Итоги в свете перспектив

Игорь так и не встал в очередь под флагом, где звёзды и полосы, – он колесил по миру, отъедался за многолетний пост.

– «Господь даёт штаны тогда, когда уже нет зада», – вспоминал одесский говор «гостевой профессор», садясь в самолет, чтобы поработать месяц-другой в Австрии или Австралии, Швеции или Швейцарии. Менялись темы, сотрудники, рабочие комнаты, шла цепная реакция знакомств и объединения проблем.

«Превратить контакт в контракт

Есть искусства высший акт», – посмеивался Лёня. У него прорезалось новое хобби – стихотворство: однажды он услышал зарифмованную телерекламу какого-то автомагазина, возмутился убожеством рифмы и решил попробовать сам.

Сочинив для начала про «Гойоту», он отнес в автомагазин пробу пера:

«Несутся в прериях койоты,

Но им не обогнать «Гойоту».

После этого Лёне начали перепадать заказы на рекламу, платили построчно. Автор не делал секрет из своего бизнеса:

– Я им – частушку, они мне – кормушку! Ломоносов что говорил? «Стихотворство – моя утеха, физика – мои упражнения». На «утеху» Леня тратил воскресенье, будни посвящал «упражнениям»; его семья жила на гонорар от «частушек»; зарплата кандидата наук упала почти до нуля, но частушечник держался на плаву, весной даже ездил («в поисках себя») на Енисей – смотреть на ледоход. – Ваше поведение беспринципно, – возмущались коллеги, особенно те, что привыкли получать, а не зарабатывать. Имея независимый доход, Лёня огрызался: – Помолчали бы о принципах! Гляньте на некролог Сахарова – слова высокие, и от академии подписи высокие: академик Басов, академик Прохоров, ... А вот письма в «Правду» – помои льют на Сахарова, и подписи все те же: академик Басов, академик Прохоров – все дружно, строим. И что, повинился кто-нибудь, в отставку подал? Нет, – все в своих креслах! В Америке Мелба Филипс, сотрудница Оппенгеймера из Бруклин-колледжа, отказалась выступить перед комиссией Сената по расследованию антиамериканской деятельности, когда те обвиняли её шефа в «нелояльности». Мелбу выгнали с работы, а спустя тридцать лет колледж принёс ей официальные извинения и учредил стипендию её имени!

Знакомый Игоря, референт из Президиума академии, ушел менеджером в мебельную компанию. На вопрос, как можно покинуть такое теплое место, референт поначалу буркнул:

– Ягодка сошла! – но потом разговорился:

– Наш академический «бомонд» в ЦК отбирали, как свою номенклатуру, все учитывали – лояльность, партийность, еврейность... Сам знаешь: не академики становились директорами институтов – директоров выбирали в академию. А нет ЦК – и академия трещит: такую армаду на довольствие поставить только сов. власть могла!

– Ну, не все корысти ради шли в науку, – Игорь вспомнил яркие имена, – Колмогоров, Леонтович, Капица, – «были люди в наше время!». – Вот именно – были! А живучи оказались жрецы науки – от слова «жрать»... Пишут в плане на год – «изучить то-то», а оно не получается, получается другое, так и другое – тоже достижение, можно рапортовать! Ну скажи ты, простой доктор наук, тебе такая академия зачем?

– Незачем, – согласился Игорь. – Я год назад президенту академии написал про свои новинки в оптике, статьи приложил – ответа так и нет; а послал то же самое шведам и французам – через месяц пришли приглашения поработать по полгода в Стокгольме и в Париже. Такая академия – реликт социализма!

– Аппендикс, – поправил бывший референт.

Прав был запоздалый критик: новые времена высветили, кто есть кто. Умельцы и придумщики получали гранты и приглашения; их книги, «непроходные» для издательства «Наука» в Москве, выходили «на далеких меридианах»; их самих привечали университеты и фирмы таких стран, о которых раньше даже мечтать было бессмысленно. Сановные «организаторы науки» оставались не востребованы. Научные данники перестали платить научную десятину, и многие научные короли оказались голыми. Начальники несуществующих лабораторий и выкорыши партийных спецбуфетов начали смыкаться под красными знаменами и общими лозунгами: «Даёшь, как раньше!».

Игорь смотрел по телевизору короткий репортаж о таком митинге «бывших», сидя в Техасе в гостях у Миши, своего старинного приятеля из Академгородка. Миша стал программистом, его жена, в прошлом – музыковед, тоже работала с компьютером; программа-минимум эмигранта была выполнена: свой дом, две машины, сын – студент-медик.

Глядя на митингующих, Миша сокрушался:

– Давно, видать, в парткоме характеристики не оформляли, скучают. Как ты их раньше величал – «Дети Манхаттанского проекта»? Подросли «дети», а не понимают, что не нужно сейчас никому столько «священных коров», которые не доятся. Физика для казны – дорогое развлечение, даже для дяди Сэма... Мне тут многие пишут – знакомые бывшие, когда уезжал – от меня шарахались, а теперь спрашивают: нет ли тут для них местечка? Я им что – «Красный Крест»? Здесь каждый сам за себя... А ты по-прежнему – однолюб, никак от науки не отвяжешься?

– Да, вроде столпника, – один на столбе сижу, вычисляю, волю закаляю, вот книжку в Америке издал, а вокруг – пусто, все разбежались, кто смог.

– Что, институт совсем обезлюдел?

– Нет, я сказал «кто смог», – молодые и звонкие, большинство – на месте, но, помнишь, ещё Капица говорил, что даже десять прыгунов, которые берут высоту два метра, не заменят одного, кто прыгает на два десяти... А тебя в физику не тянет?

– Мне теперь что физика, что химия – так, фикция и химера. Это – хороший въездной билет сюда, но здешний Камелот для ученых – давно уж мираж в пустыне. Про физиков в газетах пока еще пишут, да только денег у них не густо. Школа Ландау, школа Бора – это история, пусть романтическая, пусть героическая, но – история! А Урания твоя, секта посвящённых на отдельно взятом острове, – вообще, Утопия.

– Ну, допустим, отомрёт эта секта. А что будет?

– А будет Интерклуб физиков из разных центров, и никаких заповедников для небожителей с научного Олимпа; будет нормальное место работы для тех, кто состоялся, и кто в команду вписался. – Вписался?! А индивиды? – Индивиды – это штучный товар, вроде тебя; их и надо по одному на команду, и то, чтоб, хоть иногда, с поднебесья на

землю спускались! Вообще, смотритель маяка, вдали от общества, – не лучшая позиция для физика; да и физику на Олимпе теснят, – говорят же, что сегодня Эйнштейн был бы финансовым аналитиком. – Написал бы ты «Поучение для любителей точных наук» – в Москве журнал «Физика и Жизнь» такие зарисовки любит.

– Какой из меня рисовальщик – так, самоучка: видения – как у Босха, а линию без линейки провести не могу! Трудно было, но – не жалею: оказаться в стране, где граждан не делят на «коренных» – хороших и «пришлых» – плохих, – немалая удача в жизни! – Миша улыбнулся. – А поучения пусть Билл Гейтс пишет, – его слушают, он тоже физик, хоть и недоучившийся...

Вернувшись домой, Игорь заглянул в институт, узнал новость – часть первого этажа дирекция сдает под колбасный цех: – Место зря пропадает, все равно сотрудники не ходят, – объясняло начальство.

Потрогав стальные двери будущего цеха, приезжий зашел к Лёне. У Лёни был творческий экстаз – он писал сразу двумя цветными ручками. – Чем торгуешь? – спросил приезжий, легко переходя с английского на новую бизнес-лексику, – у тебя теперь все наоборот – стихотворство стало упражнением, а физика – утехой? – Да вот, мюзикл делаем, – «Отцы и Дети» на новый лад. Вот, послушай – выходные куплеты «тинэйджера», что они об отцах думают:

«Предки – наши критики,

Спорщики, политики,

Жили без косметики

В мире кибернетики;

Спорили об этике,

Не ходили в бутики,

Жили – недетики!

Были – необутики!»

Лёня поставил кофе, потянул руку к телевизору. Возле телевизора на стене висела музейная редкость – действующая радиоточка.

– Проводное вещание, раритет первых пятилеток, – похвалился поэт, нажимая кнопку. – Послушаем передачу из райцентра? Запылённый динамик затрещал, потом прорезались отдельные слова:

–...по просьбе слушателей... передаем стихиру... Потусторонний голос вещал речитативом:

«... и се всплыл из адовых глубин
звезды кремлёвской бесовский рубин...»

Голос пропал в треске, но Лёня мгновенно досочинил:

«Вотще ликует сатана в аду –
Крест сокрушит масонскую звезду!»

– А покруче можешь – про масонов, про шпионов, про сионо-клонов? – заводил Игорь. Автор отнесся по-деловому:

– А кто напечатает? – Ну, может, журнал «Наш соплеменник», может, газета «Вчера»... – Это та, что раньше была «Ночь»? Игорь кивнул – не зря Лёня посещал «продвинутые тусовки». – За скромное вознаграждение, – деланно потупился Лёня и уточнил: – Армянский коньяк к кофе! Когда через полчаса Игорь вернулся с бутылкой, автор объявил, как с экрана компьютера: «Завершено 16 строк!», и прочёл текст:

«Это правда или сон,
Что в Москву проник масон?
У масона телефон,
Кабель – прямо в Вашингтон,
Здесь вершится с давних пор
Закулисный заговор,
Здесь масоны, сидя в ряд,
По-сионски говорят:
«Есть река в Европе – Рейн,
Назовем ее «Еврейн»;
Есть в России город Ейск,
Назовем его «Еврейск»

Нужно, чтоб российский люд

Каждый день читал Талмуд,

Чтобы в каждый детский сад

Был внедрен агент "Моссад"».

Посмеялись, выпили кофе; Игорь вспомнил смешной случай: – Еду на днях в метро, листаю книжонку какую-то, вроде – фантастика, и вдруг читаю: «...космополит гневно воскликнул...», «...космополит гордо выпрямился...», и дальше все так же возвышенно – ничего не пойму! Надел очки – оказывается, не «космополит», а «космопилот»! Привыкли за столько лет про космополитов, про масонов, – вот и тут, как говорится, музыка навеяла!

Вспоминая вечер у Лёни и его отход от физики, Игорь видел ещё один пример своей любимой аксиомы : никогда не поздно изменить свою жизнь. Таких примеров в окружении Игоря становилось всё больше: один сотрудник, в прошлом – астрофизик, начал делать компьютерные программы для бухгалтерии, другой, грамотный математик, стал целителем, лечил внушением и сам в это верил; на конференции по оптике в Москве за докладом Семёнова из Эдинбурга следовал доклад Перова из Чикаго. «Отступники» охотно объясняли ситуацию:

– Врача оценивают пациенты, юриста – клиенты, артиста – зрители, и только учёные в нашей академии сами друг друга оценивают; вот тут и начинается пасьянс: «свой – не свой», «выбрать – подождать», «NN не выберут, пока жив MM»; обратной связи – никакой, результат – налицо...

К этому объяснению астрофизик добавлял профессиональную притчу:

– Создатель, как известно, сотворил небо и землю за шесть дней, а потом заметил, что в его создании не хватает чего-то прекрасного, какой-то жемчужины... Он подумал: что может быть прекраснее университетского профессора? – и сотворил такую жемчужину. А Дьявол, который никогда не дремлет, тут же решил испортить этот венец творения – университетского профессора, – и создал его коллег...

Я потому и не побираюсь, не жду, пока наш ученый синклит про меня вспомнит, – сам стою на рынке, тут и ясно, кто есть кто!

Леня на упреки «Ты – учёный, а живешь, как клоун!» отвечал обещанием:

– Стукнет шестьдесят, выйду на пенсию, – завещаю своё тело в мед. институт, пусть меня студенты режут – хоть так послужу науке!

...Незаметно подкралась пора юбилеев. Вот и Игорю шестьдесят – шестерка свисает, как петля. Он сидит у письменного стола, на столе – ночник, кораблик с парусом. Пролетел ещё один день; нужно иметь мужество, чтобы каждый день смотреться в

зеркало. Нужно улыбаться, когда первым подходишь к коллегам, которые моложе тебя. Люди проходят испытания успехом, деньгами, женщинами, но предстоит ещё одно, быть может, самое трудное – испытание старостью, и хочется достойно пройти свой последний перегон.

На столе лежат куски его новой книги, на этот раз, – по радиофизике.

– Вам везет, – говорят иностранцы. – Один год у Вас проект по оптике, другой – по плазме, сейчас – радиофизика. Как Вы успеваете? – Так жить веселее, – сознается Игорь. Где книга выйдет – пока неясно: в Оксфорде? В Бостоне? Может, в Сингапуре, – там, говорят, издадут быстро.

Игорь гасит лампу; за окном – луна, и парус в темноте отсвечивает лунным светом. Он всегда перед Игорем, светлый парус, – символ надежды.

...Вот уж поезд ушел, самолёт улетел,

И собачья упряжка – даже та убежала,

Только я не успел, не заметил предел,

Где конец моих дней ближе, чем их начало.

Без песочных часов слышу времени зов

В именах городов, мне не ставших наградой.

Говорит Ливермор: «Никогда!», «Nevermore!»,iv[4]

«Поздно вспомнил!» – смеется Невада.

Видно, век по стандарту заканчивать мне,

Жить на даче, возделывать клумбы,

А в душе, в глубине, а верней – уж на дне,

Чуть полощется вымпел Колумба...
